

А.Е. Кондратенков

ТРУД и ТАЛАНТ УЧИТЕЛЯ

А.Е. Кондратенков

ТРУД и ТАЛАНТ УЧИТЕЛЯ

ВСТРЕЧИ. ФАКТЫ. МЫСЛИ

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1985

ББК 74.214
К64

Р е ц е н з е н т ы:

декан ФПК директоров средних общеобразовательных школ МГПИ имени В. И. Ленина, доктор педагогических наук, профессор *Т. И. Шамова*, доктор педагогических наук, профессор *Э. Г. Костяшкин*

Кондратенков А. Е.
К64 Труд и талант учителя: Встречи. Факты. Мысли. Кн. для учителя.— М.: Просвещение, 1985.— 208 с.

Книга рассказывает о богатом опыте учителей сельских и городских школ Смоленщины в различные периоды истории советской школы. О нелегком и ответственном деле воспитания и образования детей и юношества, о таланте доброты и требовательности, о беззаветной преданности Родине и любимой профессии повествует автор, раскрывая перед нами судьбы многих учителей, опыт собственного педагогического труда.

Книга адресована учителям, студентам педагогических вузов, учащимся педагогических училищ, старшеклассникам.

К $\frac{4306000000-281}{103(03)-85}$ 100—85

ББК 74.214
373

© Издательство «Просвещение», 1985 г.
*Scanned, OCR'd and edited
by Sege Lake*

Ищите мою библиотеку на
Internet Archive, Z-Library, Twirpx

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга, как это следует из самого ее названия, посвящена учителю. В ней говорится о наиболее важных качествах личности учителя советской школы, о его ни с чем не сравнимой деятельности — сложной и трудной, исключительно важной и ответственной. Говорится и об условиях, при которых работа учителя становится эффективной.

Тема книги не является новой: об учителе написано немало. Но эта тема неисчерпаема, как неисчерпаемы возможности совершенствования самой работы по формированию человека, как беспредельны пути педагогического мастерства. И несомненно, авторы еще много раз будут пытаться сказать новое слово о благородном труде педагога-воспитателя, чтобы отдать должное одной из древнейших на земле и вечно необходимых профессий.

В наших, социалистических условиях эта профессия приобрела особое значение. Иным, несравнимо богатым в духовном отношении стал у нас и школьный педагог. Являясь доверенным лицом общества в воспитании детей, ваятелем духовного мира поколений юных строителей коммунизма, советский учитель не просто педагог в привычном, веками сложившемся смысле. Он — активный борец за осуществление *ленинского идеала человека*, гармонично и все-сторонне развитого субъекта исторического творчества, носитель качественно нового сознания, в основе которого — диалектико-материалистическое понимание мира и коммунистические нравственные принципы. Постоянно связанный с жизнью страны, советский учитель во всей своей деятельности и поведении исходит из интересов трудового народа, борьбы за утверждение новых общественных отношений, за высшие духовные ценности, борьбы против любых проявлений идейной и культурной отсталости.

Вот уже около семидесяти лет советская общеобразовательная школа, постоянно совершенствуя учебно-воспитательный процесс, настойчиво работает над приобщением целых поколений, всего народа страны к достижениям мировой культуры и в решении этой задачи добилась неоспоримых результатов, имеющих историческое значение. Один из таких результатов — осуществление всеобщего обязательного среднего образования детей и молодежи на всей территории нашей необъятной многонациональной Родины.

С каждым годом, по мере совершенствования развитого социалистического общества, расширяется социальная функция школы, все слож-

нее и ответственнее становится разносторонняя деятельность школьного учителя. В нынешних условиях особую роль приобретает задача воспитательная, задача формирования у учащихся — всеми средствами педагогического воздействия — качеств социально активной личности, способной самоотверженно трудиться во имя великих целей созидания подлинно человеческой жизни.

В документе апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС и Верховного Совета СССР «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» указывается, что Коммунистическая партия «добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения»¹.

В этом документе подчеркнуто, что становление и развитие социалистической системы народного образования неотделимы от истории советского общества, героических революционных и трудовых свершений нашего народа. На современном этапе интересы быстрого и гармонического развития экономики и культуры, совершенствования социальных отношений и политической надстройки, самого человека как главной производительной силы и высшей ценности общества требуют нового, более широкого подхода к обучению и воспитанию подрастающих поколений.

Дальнейшее повышение эффективности учебно-воспитательной работы и ее значительная перестройка в связи со столь ответственным социальным заказом возможны при усиленном внимании науки к проблемам повседневного труда учителя, как и к условиям становления тех качеств школьного специалиста, при которых данный труд может быть высокорезультативным.

В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» в специальном, шестом разделе «Учитель в советском обществе» глубоко и мудро раскрывается значение труда учителя: «Народный учитель — ваятель духовного мира юной личности; доверенное лицо общества, которому оно вверяет самое дорогое, самое ценное — детей, свою надежду, свое будущее»².

Привлечь внимание читателя к данным проблемам — одна из главных задач предлагаемой книги.

Работая над книгой, я стремился к тому, чтобы на ее страницах как можно ярче и полнее предстал *образ советского учителя, настоящего мастера педагогического труда*. Разумеется, создать такой образ вне показа конкретной педагогической деятельности, проходящей в различных, зачастую неожиданных ситуациях, невозможно. Поэтому в книге довольно много реальных примеров

¹ О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Сборник документов и материалов. М., Политиздат, 1984, с. 39.

² Там же, с. 56.

практического решения больших и малых вопросов школьной жизни, как и примеров проявления и мужания учительского таланта.

Пытаясь возможно полнее осуществить свой замысел, я не ограничился результатами специальных научных исследований по вопросам профессиографии учительского труда, поведения педагога. Значительную, если не основную, долю обработанного и осмысленного мною материала составляют данные обычных, повседневных наблюдений. Прежде всего, наблюдений личных и как ученика различных школьных классов, и как учителя, и как директора общеобразовательной школы, школы-интерната, и как преподавателя и руководителя педагогического вуза.

Мне выпало счастье встретиться со многими замечательными педагогами. Большинство из тех, кого представляет книга,— это люди удивительно цельные, отличающиеся огромной душевной щедростью, искренней любовью к детям и безграничной верностью педагогическому делу. Они не признавали работы «от и до», а отдавали ей все свои силы и время.

Немалую роль в разработке тематики книги сыграли и многочисленные наблюдения моих товарищей по работе: учителей, работников отделов народного образования, руководителей учебных заведений, ученых — короче всех, кто неравнодушно относится к живому школьному делу.

Приведенные в книге факты наблюдений охватывают значительный период времени — с конца двадцатых годов до начала восьмидесятых. Но эти факты и отраженные в них идеи нельзя относить только к прошлому, к примерам, иллюстрирующим содержание определенных этапов развития советской школы, формирования облика нового учителя. Наша социалистическая общеобразовательная школа всегда имела немало подлинно передового, непреходящего, и всемерное использование этого передового и непреходящего сегодня и завтра, в условиях, когда осуществляется глубокая реформа общеобразовательной и профессиональной школы,— важный путь повышения действенности всей образовательной и воспитательной работы с детьми и молодежью.

«Все ценное, добытое трудом нескольких поколений педагогов, советской школой и педагогической наукой, все выдержавшее проверку временем должно быть бережно сохранено и активно использовано»¹, — говорится в основном документе о реформе школы.

Стремление представить образ учителя и руководителя школы, показать особенности их труда и естественное проявление таланта по возможности в конкретной обстановке всегда сложной педагогической деятельности обусловило и выбор жанра. Книга состоит из ряда повествований, каждое из которых раскрывает те или иные черты педагога-воспитателя. Но все они в целом подчинены одной идее и одной цели: наиболее полно представить образ учителя социалистической эпохи.

¹ О реформе общеобразовательной и профессиональной школы, с. 63.

В книгу включены свидетельства о самых сильных впечатлениях автора, полученных в разное время как от встреч с учителями и руководителями школ, так и в процессе его личной работы с учащимися. В каждом из повествований есть, разумеется, элементы обобщения, но здесь нет вымышленных ситуаций.

Нет в книге и вымышленных имен, все главные действующие лица — это реальные люди, со своими фамилиями, именами и отчествами. Они жили в определенное время и работали в конкретных, существовавших или существующих ныне учебных заведениях. Это правило нарушалось автором лишь в тех случаях, когда речь шла о грубых педагогических ошибках и неудачах; тогда автор из соображений такта прибегал к измененным именам и фамилиям.

Книга адресуется педагогам школ и вузов, а также тем, кто вступает на путь учительской деятельности, кто избрал для себя профессию наставника подрастающих поколений. Она может оказать определенную помощь и родителям учащихся.

Есть у автора и еще одна цель. Предлагая свою книгу широкому кругу читателей, в том числе и научной общественности, он надеется привлечь еще большее внимание советских педагогов и психологов к исследованию проблем учительского труда, особенностей личности наставника и воспитателя новых поколений строителей коммунизма.

Впереди у советской школы большие и исключительно ответственные дела. И тема учителя, его профессионального и общекультурного роста, его авторитета, влияния на своих питомцев приобретает особое значение среди всех проблем и направлений развития педагогической науки.

САМЫЙ ВАЖНЫЙ УРОК ПЕДАГОГИКИ

Я рано стал думать над тем, кем буду, когда вырасту. Увлекало многое, но к двенадцати годам я решил, что для меня возможны только два пути — либо артиста, либо поэта. Каждая из этих дорог манила, и я не знал, какой отдать предпочтение. Мнения в школе о моем будущем разделились.

Ребята шумно аплодировали мне на вечерах, спешили узнать, что нового появилось в моей поэтической тетрадке. Я был для них каким-то особенным человеком. Но одноклассников мало волновали мои жизненные планы.

А вот учителя серьезно задумывались и даже спорили о том, кем я стану. Для одних, как Раиса Ефимовна, все было ясно: мое место — сцена. Она не раз в присутствии ребят одобряла мои успехи. «Это же замечательно, поистине талантливо!», — говорила учительница, и я все больше верил в то, что из меня действительно получится актер. Особенно после того, как за чтение произведений Пушкина и Маяковского мне присудили первое место не только на районной, но и на областной олимпиаде, в самом Смоленске!

Директор школы Федор Львович считал, что я должен стать поэтом. Приедет комиссия в школу, и директор обязательно приведет ее в мой класс и найдет предлог, чтобы я что-то прочитал из своих стихов. Благодаря Федору Львовичу мои стихи появились в районной газете, по его же настоянию я засел за поэму. Поэма, правда, не получилась, и вообще писать было куда труднее, чем читать чужие стихи.

Время шло, а я так и не мог решить окончательно, кем быть — артистом или поэтом. Разумеется, ни о каком третьем пути не могло быть и речи. Скажи мне тогда, что вся моя сознательная жизнь будет отдана учительскому делу, я бы ни за что не поверил.

Сейчас трудно сказать, почему в те годы мне не приходила мысль о личном участии в педагогическом труде. Тут могли быть разные причины. Возможно, потому, что для меня, как и для многих детей и подростков тогдашней деревни, которая только что стала приобщаться к настоящей культуре, сама учительская деятельность представлялась недосыгаемой для простого человека, призванием людей особенных, необычных. Не исключено, конечно, и то, что мы порой замечали и немалые трудности учительской работы, ее теневые стороны.

И вдруг получилось так, что именно профессия учителя отодвину-

ла на задний план все прежние стремления, заняла мое детское воображение. Профессия учителя стала для меня важнейшей, единственной целью жизни, и я по-иному стал оценивать труд моих воспитателей. А произошло это вот как.

В VIII класс средней школы, находившейся в районном центре Хиславичах, я пришел с отличным свидетельством и хвалебной характеристикой. Мое положение особенного ученика подчеркивалось еще и тем, что я все лето провел в Крыму: наш директор Федор Львович добился путевки, и меня — одного из всего района — после VII класса послали во всесоюзный пионерский лагерь «Артек»! Вот почему я сразу оказался в центре внимания ребят самой крупной районной школы. Меня окружали мальчишки, за мной ходили, на меня указывали. Когда перед зданием школы собрались учителя и учащиеся, чтобы отметить начало нового учебного года, мне предложили выступить на митинге. Предоставляя слово, директор сказал, что школа рада иметь в своих рядах такого ученика. На митинге я говорил о долге хорошо учиться, закончил речь своими стихами и видел, с каким вниманием все слушали. Один из педагогов, высокий и седой, не спускал с меня глаз...

В классе ребята предлагали любое место: каждому хотелось быть моим соседом. От такого внимания стало как-то не по себе, и после уроков я решил поскорее уйти, но не тут-то было! По коридору меня сопровождали десятки ребят, на улице я снова оказался в толпе любопытных. Лишь через час я почувствовал себя свободнее, и то потому, что трое подошедших парней внушительного вида взяли меня под свою защиту. Это были старшеклассники Павел Завитин, Леонид Перевозчиков и Евгений Вертынский.

По дороге к домику, где я поселился, мы познакомились ближе. Я запросто называл их Пашей, Леней и Женей, они шутили со мною и были очень внимательны.

Еще засветло мы встретились снова, бродили по улицам поселка, обошли парк культуры и отдыха. Мне было приятно, что со мною, подростком, ходят взрослые ребята, считают равным себе.

Я читал им свои стихи, стихи любимых поэтов. Часа через два, чувствуя, что запас интересных сведений иссякает, я стал прощаться, ссылаясь на неудобство будить квартирную хозяйку.

— Что ты, — возразил Паша, — здесь не деревня, рано спать не ложатся. Посмотри, везде свет...

— Пойдем к реке, ведь самое интересное мы тебе еще не показали! — поддержал Леня.

Мы пошли. Признаться, желания идти на какую-то речонку, да еще поздним вечером, у меня не было. Но отказаться я уже не мог.

Когда из-за туч выглянула луна, я заметил, что мои новые знакомые как-то загадочно посматривали друг на друга. Что они задумали? Может быть, решили надо мной подшутить?

— Тут одна идеяка возникла, — обратился ко мне Леня. — Дело, конечно, детское, даже несколько озорное...

— Просто, хотим попробовать яблочек нынешнего урожая,— заявил Паша.

Ребята рассказали, что рядом, за забором, расположен сад с очень хорошими яблонями, сад не охраняется: хозяин побаливает, ему не до яблок, и что редкий мальчишка не побывал здесь даже днем. Конечно, взрослым забираться в сад не совсем прилично, но дело-то в общем пустяковое...

Я не согласился. Тогда парни успокоили меня.

— Мы ведь тебя не принуждаем, сами вмиг сделаем. Ты постой в сторонке, за кустиком, и не переживай. Тебе опасаться нечего...

Свернув с дороги, мы остановились перед высоким забором.

— Ну, что ж, Паша, давай! — сказал Леня. — Не забудь, лучшие яблони не сразу...

Паша поправил ремень на брюках, сделал несколько приседаний и направился к саду. Легко вскочив на забор, уселся поудобнее. Прошло секунд двадцать. Они показались мне вечностью. Паша спрыгнул на землю.

— Что ты? — спросил Леня. — Ведь все спокойно...

— Да я не из трусливых, сам знаешь, — ответил Паша, обернувшись ко мне. — Брюки узковаты, не повернешься, да и яблоки положить некуда. Давай-ка, Женя, ты, у тебя вон какой пиджак...

Женя отказался, сославшись на больную руку.

— Ну, развели канитель. Один одет не так, другой болен. Что ж, пойду я, — сказал Леня. — Чего доброго, наш артековец еще подумает, что мы из трусливого десятка!

— Об этом беспокоиться не надо, вопрос о смелости не его тема, — с явной издевкой произнес Паша, обращаясь к Лене, который надевал Женин пиджак. — Наш друг хороший парень, стишки пишет, уроки прилежно учит, может поговорить о высоких материях. Но чтобы рискнуть, — это нет, избавьте. Бывают такие...

Ребята захохотали. Я стоял униженный. И вдруг, не помня себя, бросился к забору и в одно мгновение оказался по другую его сторону, в саду.

Что толкнуло меня на этот шаг, мне и сейчас разобраться трудно. Слов нет, со мною бывало всякое — и шалости и драки; к слишком дисциплинированным ученикам меня отнести нельзя. Но чтобы пойти на воровство, пусть даже самое мелкое, такого в моей жизни никогда не бывало. И вот случилось. Какая же сила смогла заставить меня пойти тогда на это? Желание немедленно оправдать себя перед открыто надсмехавшимися парнями? Но помнится, что в тот момент я их уже презирал. Сомнение в своей смелости? Но ее можно было проверить иначе. Боязнь, что осмеют в школе? Нет, все это, видимо, не может дать полного ответа. Мир подростка и обстановка, в которой он живет, куда сложнее, чем мы зачастую представляем себе, когда в школьной практике пытаемся объяснять причины того или иного поступка...

Очутившись за забором, я быстро влез на первое попавшееся дерево. И только тогда понял, что поступил глупо. Зачем я здесь?

Яблоки? Но они мне не нужны. Нести ребятам? Нет, это уж слишком! Скорее, скорее отсюда! Я ухватился за сук, чтобы прыгнуть на землю. Тяжелая ветка больно ударила по лицу, на землю упало несколько яблок. И вдруг подо мною раздался собачий лай. Большая собака описывала круги у дерева. Уходить было некуда. Я прижался к стволу. Лай не прекращался.

— Кто там, Барс?.. Ну, перестань же, успокойся! — слышался чей-то голос.

К яблоне шел тот самый человек, который так пристально смотрел на меня во время школьного митинга. Это был старый учитель, перед которым я сегодня читал стихи о долге и чести. Я сгорал от стыда...

Успокоив собаку, хозяин поднял голову и, казалось, только теперь заметил меня.

— Вы в безопасности, — обратился ко мне хозяин сада. — Можете спокойно сойти вниз. И прошу извинить моего друга за негостеприимство...

По голосу хозяина сада не было заметно, чтобы он злился. И хотя эта необычная сценка казалась довольно искусственной, я чувствовал, что нависшая надо мной угроза стала меньше. Но я по-прежнему находился в лихорадочном состоянии и молча сидел на дереве. Только после третьего приглашения спуститься мне удалось выдать несколько слов о собаке.

— Слышишь, Барс, тебе не прощают, и правильно. Шутка ли — загнать человека на дерево! Что ж, тебе здесь делать нечего. Марш домой!

Собака побрела в глубь сада.

— Давайте познакомимся, — сказал хозяин, когда я очутился на земле. — Меня зовут Евгений Владимирович. А вас?

Он подошел ближе и внимательно посмотрел на меня. — Да мы уже где-то с вами встречались!.. Ах, вот где!.. Помню, помню. Я еле держался на ногах и не мог открыть рта.

— Надо же такому случиться! Вот и отпуская Барса. Ну, теперь уже все позади. Успокойтесь, пожалуйста. Пойдемте, что здесь стоять...

Евгений Владимирович осторожно положил руку на мое плечо и вздохнул.

— Признаюсь, я тоже виноват. Не могу себе простить, что не встретил. Но и оправдание есть — все же поздноато, не думал, что в такой час вы решитесь зайти...

Я молчал. Евгений Владимирович, видимо, хорошо понимал мое состояние и больше ни о чем не спрашивал. Он говорил сам.

Мы шли по аллее. Между деревьями виднелось несколько ульев. Луна совсем освободилась от туч, и стало светлее. Евгений Владимирович рассказывал, как он ухаживает за садом. С нежной ноткой в голосе он заметил, что в десяти шагах отсюда, в глубине сада, растут интересные гибриды, жаль, что ночью их нельзя рассмотреть. Что ж, сад для меня открыт всегда, я могу прийти днем.

Нужно только предупредить заранее, чтобы не повторился, как сегодня, печальный случай с собакой. Впрочем, Барс не так уж страшен, он быстро привыкает к людям...

Я не верил тому, что учитель убежден, будто я оказался на дереве случайно, спасаясь от бросившейся на меня собаки. Но одно то, что он говорил ласково и, казалось, не допускал дурной мысли обо мне, наполняло душу благодарностью к этому доброму человеку.

Идя рядом с Евгением Владимировичем, я по-прежнему не мог вымолвить ни слова. Были минуты, когда я готов был разрыдаться и обо всем ему рассказать. Но что-то удерживало меня.

Мы подошли к дому.

— Вот здесь я живу. Прошу зайти. Думаю, вам понравится моя коллекция минералов. Да и чучела неплохие.

Видя, что я не решаюсь воспользоваться приглашением, он добродушно сказал: — Что ж, это можно и потом. Я так увлекся рассказом о деревьях, что даже забыл спросить, располагаете ли вы временем. Если спешите, не смею задерживать...

Я молчал. Что сказать? Как поступить? В голове был какой-то туман.

— Да, забыл совсем... Одну минутку,— проговорил Евгений Владимирович и быстро скрылся за деревьями. Не успел я подумать, чем объяснить такую поспешность, как он снова стоял у крыльца.

— Раз нет времени зайти, то возьмите, пожалуйста,— сказал учитель, протягивая большой кулек.— Здесь яблоки моих сортов. Не обижайте старика, возьмите. Это от всей души...

Не помню, как я взял подарок, как поблагодарил Евгения Владимировича. Зато и сейчас помню, как горело мое лицо, как душили слезы...

— Ну, ничего, ничего... Все хорошо,— говорил учитель, едва дотрагиваясь до моего плеча. Чувствовалось, что он и сам был взволнован случившимся.— Давайте, я вас провожу немножко. Вот и калитка. Когда придете в следующий раз, лучше воспользоваться вот этой штукой.— И Евгений Владимирович показал на кольцо механического звонка.

— Дорогу знаете, не заблудитесь?.. Что ж, до встречи.частливого пути! — сказал Евгений Владимирович и протянул мне руку...

Ночь прошла без сна.

Собрав вещи, я решил немедленно уйти из поселка. Нужно было подумать, что сказать дома, как объяснить, почему прибежал ночью. Может, лучше все-таки дожждаться утра?

Я стал вспоминать, как прошел весь день, и беспощадно осуждать каждый свой шаг.

Вот я иду в школу — веселый и довольный, важно поглядывая по сторонам. Меня встречают ребята, они с улыбкой подходят ко мне, знакомятся, я радуюсь их вниманию, принимаю его как должное. А чем я лучше их? Какая знаменитость, подумаешь!.. И

вот такая важная личность ничего лучшего не могла придумать, как залезть в чужой сад! И почему это Евгений Владимирович не оттрепал меня за уши? Стоило бы, да посильнее!..

Евгений Владимирович показался мне очень странным человеком. Я просто не мог понять, почему меня, подростка, забравшегося в его сад, он называл на «вы», почему провожал и даже приглашал в гости. Он, что, и в самом деле не считает меня вором? Но ведь каждому ясно, зачем я залез на яблоню! А он несколько раз сказал, что в этом виновата только собака, и даже извинился за Барса. Может быть, Евгений Владимирович так поступил потому, что я новенький, да еще с очень хорошей характеристикой?

Я путался в догадках и стал подумывать, а не хитрость ли это. Конечно, зачем ему, старому человеку, расстраивать себя перед сном? Он успеет отругать меня и после. Вот придет день, тогда можно дать волю своему гневу — и в учительской, и в кабинете директора, и перед всеми ребятами.

Мне представилась картина, как я снова прихожу в школу. Ученики уже обо всем знают. Это, конечно, постарались Ленья и его товарищи: пусть, мол, посмотрят, каков их герой! Теперь меня тоже окружают ребята и ходят за мной. Кое-где уже слышится: «Хвалился, а сам в сад залез!» И с каждой переменной выкриков все больше и больше, а после занятий мне совсем не дают покоя...

Эта картина укрепила мое решение — в школе оставаться больше нельзя. Жаль только, что не смог рассказать всю правду Евгению Владимировичу. А ребята — пусть! Для них хватит разговоров на целый год, и тут ничего не поделать...

За перегородкой послышались шаги, кто-то стукнул ведром. Видимо, в доме проснулись. Только теперь я заметил, что за окном совсем светло.

Ну, вот и пора. Надо спешить, пока на улице не появились школьники. Увидев, что хозяйка прошла в дальний угол огорода, я схватил портфель и выбежал за дверь. Скорее, скорее!

Но не прошел я и полсотни метров, как стал сбавлять шаг. Куда я бегу? Домой? А разве туда не дойдет молва? Что для нее какие-то пять километров, отделяющие нашу Анновку от районного центра? Тут и сотня верст не спасет. Не пройдет и дня, как узнает вся деревня, да и не только наша. Узнают и в Упине. И директор Федор Львович специально придет к нам домой, чтобы убедиться, действительно ли его артековец, ученик, которым он гордился, допустил такое! Мать втихомолку выплечет глаза — разве могла она подумать, что ее сын способен на кражу!

Нет, уж если уходить, то подальше, туда, где никто тебя не знает! Но куда? И что подумают дома? Произойдет такой переполох, что искать станут все — и родные, и Федор Львович, и даже школа районного центра. Евгений Владимирович сразу поймет, как он ошибся во мне.

Я повернул назад. К школе подходил с тяжелым чувством: и страх, и стыд, и неясное упорство смешались во мне.

Я очень хотел пройти в свой класс никем не замеченным. Но когда увидел, что на площадке у входа в школу никого нет, мне стало не по себе. Где же ребята? Что случилось? Мгновенно пронеслась страшная мысль: все уже собрались в зале и обсуждают чрезвычайное происшествие. Я свернул в сторону и опустился на скамейку, издали наблюдая за входом в школу. Прошло не менее получаса, но дверь не открывалась, и в окнах никого не было видно. Что же это такое? Я машинально достал книжку и стал ее перелистывать. И вдруг до меня донеслись звуки ожившего школьного двора: не из дверей, а к дверям школы торопливо шагали малыши и подростки, важно двигались старшеклассники. И только тогда я понял, что пришел сюда первым.

Несколько ребят направилось в мою сторону. Ну, вот и начинается! Я поднялся, ожидая неотвратимого. Но ребята здоровались со мною, как с добрым знакомым, и снова окружили меня тесным кольцом. Для них я по-прежнему был артековцем, лучшим учеником в районе. Наверное, они пока ничего не знают о случившемся. Леня и его друзья, пожалуй, еще не успели рассказать.

Я старался не подавать виду, что волнуюсь, пытался смело отвечать на вопросы, даже иногда улыбался, но в голове сверлила мысль, что в следующее мгновение может свершиться что-то страшное.

Однако в классе тоже не было заметно каких-либо перемен. Ребята встретили меня приветливо, весело улыбались. Видимо, желая быстрее подружиться, сосед по парте — белокурый спокойный парнишка — незаметно сунул мне в руку несколько конфет. Но я никак не мог освободиться от неприятной мысли и все ждал, что вот-вот произойдет что-то ужасное, унижительное.

Чтобы заглушить тревогу, я старался не пропустить ни одного слова учителя, жадно хватался за любую работу и выполнял ее с особым старанием. Слушал, работал, но боялся поднять глаза. А вдруг я увижу какой-нибудь намек: ведь не исключено, что педагоги уже знают о вчерашнем, а вдруг войдет директор школы...

Прошел первый урок, потом второй... На переменах я не трогался с места, хотя ребята звали в коридор, в буфет, на улицу. Я боялся выходить из классной комнаты, но и за партой я не чувствовал себя спокойно: мне все казалось, что сейчас откроется дверь и кто-то крикнет: «А, вот где он запрятался! Что, боишься?» Когда на большой перемене в класс вбежал мой сосед, я весь покрылся холодным потом. Но тревога оказалась напрасной. Сосед стал торопливо копаться в парте, приговаривая: «Сейчас же математика. Ух, как я ее боюсь!..»

Перед самым звонком мой товарищ, желая объяснить причину своего беспокойства, сообщил: «Конечно, на первом уроке не должны бы спрашивать. Но ведь учитель-то какой! Его к нам вместо Марьи Петровны назначили. Знаешь, кто он? Евгений Владимирович! — В голосе послышалась гордость. Поглядывая на дверь, он продолжал: — О Евгении Владимировиче говорит вся школа. Он, не спрашивая, знает, готов ли ты к уроку или нет...»

Сообщение, что сейчас войдет Евгений Владимирович, потрясло меня. Нет, я, конечно, знал, что увижусь с ним, и много думал о встрече. Думал и боялся, думал и надеялся. Я знал, что старый учитель работает в девятых и десятых классах, и мне казалось, что встреча произойдет скорее всего либо в коридоре, либо в учительской, в худшем случае в кабинете директора школы. Оказывается, она произойдет в этом классе, сейчас же: ведь Евгений Владимирович теперь мой учитель! Он будет ежедневно видеть меня, проверять мои тетради, вызывать к доске...

В голове все перемешалось. Я опомнился лишь тогда, когда класс в едином порыве поднялся навстречу входящему учителю. Перед нами стоял Евгений Владимирович — высокий, седой, с доброй улыбкой.

Он как-то сразу перенес нас в чудесный мир науки. Перед нами, как живые, проходили великие математики, физики, астрономы, чьи открытия помогли людям подчинить себе силы природы, создать умные машины. Учитель говорил вдохновенно, как бы читая героическую поэму. Рассказывая, он виртуозно работал мелом: доска покрылась сложными и изящными схемами.

Мы сидели как зачарованные. Перед нами был не просто учитель. Это был мечтатель, мастер, страстный исследователь, артист, поэт. Все, кто был в классе, загорелись жадной познания. Здесь не было равнодушных. Седой учитель и его рассказ о математике покорили каждого.

Звонка мы не слышали, вернее, не сразу поняли, что означает этот дребезжащий звук колокольчика.

Когда Евгений Владимирович с улыбкой сказал: «До свидания», весь класс устремился за ним. Я тоже пошел за ребятами, но тут же вспомнил все происшедшее вчера ночью и, испуганный, вернулся к своей парте...

Прошло две недели. В школе не говорили о моем проступке. Я не мог понять, почему молчат Завитин, Перевозчиков и Вертынский, почему никто из них ни разу не подошел ко мне. Я не знал, чем это объяснить, и по-прежнему думал, что не сегодня завтра школа заговорит обо мне. Казалось, что и Евгений Владимирович только и ждет удобного случая, чтобы напомнить о нашей ночной встрече. Поэтому я держался в стороне, уходил от бесед и споров с одноклассниками. На уроках математики был скован, боялся поднять глаза на учителя, которого уже считал своим кумиром.

Я неплохо отвечал у других учителей, но стоило войти в класс Евгению Владимировичу, как я сразу обмирал. Ребята заметили это.

— Почему ты его так боишься? — спросил меня сосед по парте. — И руки не подымаешь? Евгений Владимирович очень добрый человек...

Евгений Владимирович хорошо понимал мое состояние и к доске не вызывал. Раздавая тетради, он заметил, что с трудной частью задания справились только трое из класса, и сразу назвал мою фамилию. Я покраснел и опустил голову. Евгений Владимирович

попросил выйти к доске сначала одного, потом другого ученика, чтобы они объяснили остальным, как нужно строить решение. Вызванные почему-то не смогли четко построить доказательство и смутились. Все посмотрели в мою сторону, сосед толкнул меня: «Иди!» Евгений Владимирович тоже посмотрел на меня и даже подошел к парте, но, постояв две-три секунды, вернулся к доске и стал объяснять сам.

В конце третьей недели в классе было назначено собрание. Я решил, что это удобный момент, чтобы все рассказать учителям и ребятам. Накануне я долго обдумывал свое выступление. Но выступить не пришлось.

На собрании говорилось о подготовке к празднику Октября. Классный руководитель сказал, что на школьном вечере нам необходимо дать концерт, нужен хор. А кто его организует? Одна из активисток Минкина Света предложила:

— Давайте попросим Евгения Владимировича. Ведь он замечательный музыкант!

Света сама взялась поговорить с Евгением Владимировичем и тут же выбежала из класса. Евгений Владимирович вскоре пришел. Улыбаясь, он присел к учительскому столу и вместе с классом стал обсуждать, как лучше построить программу вечера. Он поставил неременным условием, чтобы в концерте участвовали все, включая и мальчиков. Иначе хора не получится.

— Согласны? — спросил Евгений Владимирович. — Ну, тогда и я не откажусь, хотя специалист из меня небольшой. Но я люблю это дело. Когда же начнем? Давайте завтра. Воскресный день, никто не помешает.

Все согласились, даже те, кто собирались съездить к родителям в деревню.

— Что ж, будем готовиться. А вас прошу, — обратился Евгений Владимирович ко мне, — прийти сегодня вечером, помогите принести баян. Нет, больше никого не надо, мы вдвоем справимся.

Я похолодел от страха: вот и наступило...

Евгений Владимирович встретил меня у калитки. Как я ни старался быть смелым, но сразу же растерялся.

— А я тут прогуливался, — сказал Евгений Владимирович и положил мне руку на плечо. — Пойдемте.

Я шел, как и в тот памятный вечер, еле волоча ноги. К горлу подступал комок. Хотелось повернуться и убежать.

— А вы зря так переживаете, — словно угадав мои мысли, заговорил учитель. — Я все знаю и на вас нисколько не обижаюсь. Я и тогда подумал, что вы не виноваты, что парни вас подвели.

И, посмотрев мне в глаза, улыбнулся:

— Давайте-ка об этом забудем. Станем друзьями. На парней не злитесь, хотя они, слов нет, поступили скверно. Сами сожалеют: так мне показалось, когда с ними беседовал.

После небольшой паузы он спросил:

— А знаете, когда была эта беседа? В тот же вечер, как проводил вас...

С тех пор прошло много лет. Встреча с Евгением Владимировичем, годы учения у него определили направление моей жизни, сформировали особую приверженность избранному пути, внутреннюю готовность к деятельности педагога. Преданность учительскому делу, ставшая под влиянием талантливого воспитателя основным качеством моей натуры, крепла уже в школьные годы. Со временем я понял, как *велики и ответственны* обязанности педагога, как *совершенен* должен быть сам человек, решивший стать учителем.

Пример Евгения Владимировича стал для меня эталоном при оценке учительского, педагогического труда — в начальной, средней и высшей школах, в прошлые годы и теперь, эталоном труда товарищей и своего собственного.

Велика сила личного примера, яркого и убедительного. С ней трудно сравнить какое-либо иное средство воздействия на юную, формирующуюся личность, особенно в пору выбора жизненного пути. Урок величия педагогики, урок подлинного гуманизма, который когда-то преподавал мне старый мудрый учитель, определил мое глубокое убеждение о главном условии подготовки школьного наставника: каждый, кто сегодня готовится к учительской деятельности, как можно чаще должен встречаться с такими мастерами и людьми, как Евгений Владимирович.

«ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО»

Когда думаешь об учителе, о силе его воздействия на формирующуюся личность, а без способности положительно влиять на внутренний мир человека учитель состояться не может, всегда вспоминаются люди, с которыми сталкивала жизнь в самые различные периоды. Люди эти не похожи друг на друга, но все они безгранично дороги мне и любимы.

И среди тех, кто произвел на меня неизгладимое впечатление, кто пробудил любовь к книге, стремление к знанию и добру, я прежде всего называю Степана Сергеевича Цургаева — крестьянина нашей деревни, моего соседа в далекую пору детства.

Степану Сергеевичу я обязан подготовкой к школе. К своей первой учительнице Марии Ивановне я пришел, умея хорошо читать, писать и считать. Я не просто был научен чтению: на моем читательском счету было около десятка книг и почти полностью роман «Граф Монте-Кристо». Мои каллиграфические умения позволяли оказывать помощь некоторым взрослым в деревне при написании писем. Справлялся я и с четырьмя арифметическими действиями.

Все это поставило Марию Ивановну в затруднительное положение: что делать ее новому ученику в первом классе? Выручила единоличная власть Марии Ивановны над всеми четырьмя классами в одноклассной школе. Представляя в своем лице весь педагогический совет, она через месяц пересадила меня за стол второклассников, а после новогодних праздников я уже находился среди учащихся третьего класса...

Прошли десятилетия, а я и теперь ясно представляю себе трогательные встречи со Степаном Сергеевичем, этим замечательным человеком. Вот он, поглаживая седоватую бородку и чуть улыбаясь добрыми голубыми глазами, спокойно выслушивает наши ребячьи нехитрые ответы: как каждый из нас понял и запомнил содержание только что прочитанной книжки, что в ней понравилось и что не понравилось, как может сложиться судьба у того или иного персонажа недочитанной сказки или рассказа. Поощряя улыбкой нашу активность, Степан Сергеевич выслушивает и собственные рассказы мальчишек и девчонок о прошедшем дне, о прогулке в лес и поле. И каждая наша удача, например: точно выраженная мысль, хорошо подобранные сравнения или просто более подходящее слово, приносила ему огромную радость. В добрых голубых глазах столько благодарности, будто ты оказал ему особую, важную услугу...

Но вот он рассказывает сам — то в своей избе, сидя за столом, то у холма, недалеко от речки. И как рассказывает! Мы сидим, затаив дыхание, боясь пропустить каждое слово, и все, что рассказывает Степан Сергеевич, мы воспринимаем как самое важное, самое значительное: он один знает истинную правду, ему одному все доподлинно известно!

Этот человек не был педагогом. Всю свою сознательную жизнь — с юных лет и до самой смерти — он знал одну-единственную обязанность, которая давала ему хлеб: он пас скот. Но если говорить о Степане Сергеевиче, имея в виду все сделанное им для детей нашей деревни в двадцатые — тридцатые годы, то его главным призванием была воспитательная работа и бескорыстный повседневный труд по распространению знаний.

В народе несчетное количество талантов, и они нередко проявляются в различных областях жизни человека, подчас не только тогда, когда он выполняет свои профессиональные, должностные обязанности.

На Смоленщине сейчас широко известно имя одаренного певца Родиона Проворова. Его голос, красивый, полный чувств и силы, смоляне узнают сразу. Слушая песни в исполнении Проворова, мы радуемся большому самобытному таланту и совершенно забываем, что обладатель этого голоса не артист, а инженер одного из совхозов, активный участник художественной самодеятельности.

Видимо, не менее талантлив, но в сфере воспитательной, был и Степан Сергеевич Цургаев. Правда, по сравнению с Родионом Проворовым Степан Сергеевич не имел никакого официального образования, а его успешная воспитательная работа с детьми и постоянная дружба с книгой не принесли ему должного общественного признания.

Я не совсем прав, говоря, что работа Степана Сергеевича с детьми была вне поля зрения общественности: о ней знали и ее ценили в начальной и семилетней школах. Мария Ивановна и Домна Митрофановна — учителя начальной школы присылали Степану Сергеевичу персональные приглашения на родительские собрания, а директор Упинской семилетки Федор Львович не раз приезжал к нему в деревню, чтобы посоветоваться, поговорить по душам. Степану Сергеевичу были благодарны и многие матери: их малые дети проводили время в его доме или за околицей, где паслось стадо. За ребят они были спокойны.

Но занятия Степана Сергеевича с детьми и его пристрастие к книгам не одобряли в основном пожилые крестьяне, с мнением которых считались и другие. Они расценивали увлечения Степана Сергеевича как чудачества.

Рассказывают, что еще до революции Степан Сергеевич приобрел репутацию человека, который из-за какой-то книжки мог исходить сотню верст, забывая обо всем на свете — о доме, о семье, о хозяйстве. Над ним открыто посмеивались, ему ставили в упрек то, что, «имея такую голову», он не смог «выбиться в люди». А Степан

Сергеевич оставался невозмутим. «Это вы зря, книги никогда ни в чем не помешают. Не хлебом единым жив человек», — говорил он с грустной улыбкой односельчанам.

После революции закрепившаяся за Степаном Сергеевичем репутация нехозяйственного человека еще более упрочилась. Этому способствовало поведение Степана Сергеевича после бегства местного помещика. Узнав, что барина нет, крестьяне нашей деревни в тот же день направились в оставленное имение. Оно находилось рядом, в деревне Суховилах, в полутора километрах от Анновки.

За два-три дня в имении побывал почти каждый анновский житель и возвратился оттуда с чем-нибудь нужным для хозяйства. Не побывал в Суховилах только Степан Сергеевич. Он считал поступки односельчан противозаконными.

Однако кое-что из бывшей собственности помещика все же перешло и к Степану Сергеевичу, и это *кое-что* как раз и стало причиной новых насмешек и осуждения.

Через какое-то время председатель местного Совета пригласил Степана Сергеевича вместе сходить в Суховилы. Они обошли все имение, где была довольно неприглядная картина. Особенно поразил Степана Сергеевича вид барской библиотеки: сотни прекрасных книг валялись на полу.

Потрясенный увиденным, Степан Сергеевич никуда дальше не пошел и тут же приступил к работе. До позднего вечера он расставлял книги по шкафам, отбирал попорченные экземпляры. Закрыв библиотеку, Степан Сергеевич взял с собою две тяжелые связки книг, требующих ремонта. Нескольким связкам порванных томов он приносил к себе и в другие дни.

Деревенские видели, что приносил с собою из имения Степан Сергеевич, и единодушно решили: «Чудак, и только!» Чудачеством были названы его бескорыстный труд в библиотеке и вечерние хлопоты по ремонту книг. Как это так? Семья годами перебивается с хлеба на квас, в избе хоть шаром покати, а он только и думает что об одних книгах! Но Степан Сергеевич был неуязвим...

Независимо от того, что говорили взрослые о Степане Сергеевиче, его авторитет среди детворы был непререкаем. Нас тянуло к Степану Сергеевичу. Посидеть рядом с ним — все равно что побывать в мире чудесной сказки. При каждой встрече Степан Сергеевич обязательно находил для нас новую увлекательную историю. С ним всегда было радостно, как-то *по-праздничному*.

Трудно представить себе Степана Сергеевича одного, без ребят. Дети приходили к нему ежедневно: зимой — прямо в избу, где каждый чувствовал себя непринужденно, как у себя дома; весной и летом местами встреч со Степаном Сергеевичем были Архипова Лучка и Большунова Криница — здесь в послеобеденное время обычно паслось стадо.

Самым счастливым среди наших мальчишек и девчонок был я. Именно я имел возможность видеть и слышать Степана Сергеевича

все долгие дни весны и лета, с раннего утра и до позднего вечера, потому что Степан Сергеевич сделал меня своим помощником. Говорили, что Степан Сергеевич поступил так из чувства жалости, из-за трудного положения в нашем доме: мать болела, других трудоспособных не было. Как я теперь понимаю, пользы от такого помощника Степану Сергеевичу было немного, но я своим положением гордился и был чуть ли не на седьмом небе.

У Степана Сергеевича было как бы две «программы» работы с детьми. Одна включала множество рассказов на самые различные темы. Эти рассказы, безусловно, расширяли наши представления о мире, учили добру, вызывали желание самим узнать что-то новое. Эта «программа» носила общевоспитательный характер и помогала упорядочить детский досуг, включить в него что-то постоянное в виде периодического общения с миром книг, сказок, рассказов.

Вторая «программа» имела целью организовать самостоятельную работу дошкольника и младшего школьника по приобретению тех или иных умений и знаний. Она отличалась определенной последовательностью, системой и охватывала небольшой круг ребят. Это были мальчики и девочки, с которыми Степан Сергеевич виделся регулярно, почти ежедневно. Они проявляли особую любознательность, желание чему-то научиться — чтению, письму, быстрому счету. С ними он занимался несколько по-иному и, наверное, специально готовился к каждой встрече.

Самым главным средством воспитательного влияния Степана Сергеевича был *рассказ*, им он владел в совершенстве. О чем бы ни рассказывал Степан Сергеевич, его речь всегда отличалась какой-то особенной эмоциональной напряженностью и проникновенностью. Незаметным изменением интонации, мимикой и неброскими жестами он умел передать тончайшие мысли и чувства. Хорошо зная своих слушателей, рассказчик понимал их внутреннее состояние, настроенное в каждую минуту, чувствовал меру интереса и внимания.

Рассказ Степана Сергеевича, как я теперь могу судить, был всегда четок, логически строен и не содержал ничего лишнего; он, как правило, включал в себя меткие характеристики и сравнения; в нем обязательно были доказательства и опровержения, т. е. такие элементы, которые делали сообщение понятным и незаметно помогали нам, детям, овладевать *культурой речи*.

Степан Сергеевич старался, чтобы каждое событие в рассказе захватывало нас, чтобы наиболее важные картины, поступки и примеры обязательно оставляли след в нашей душе и мыслях. Больше всего он стремился к тому, чтобы мальчишки и девочки, приходившие к нему, не оставались равнодушными, чтобы ни у кого из них не угасал интерес к знанию, к жизни.

Дети есть дети. Иногда, устав от избытка впечатлений или уходя в собственные мысли, мы отвлекались. Степан Сергеевич замечал это. Но его реакция была совсем иной, чем у некоторых учителей-профессионалов: ни малейшего повышения голоса, ни тем более окрика или надоедливых замечаний. В таких случаях Степан

Сергеевич прибегал к своему излюбленному выражению: «Тут не мешало бы нам кое-что вспомнить» — или делал небольшую паузу, будто для того, чтобы найти какое-то место в книге, или начинал рассуждать по поводу только что рассказанного.

Мгновение, и каждый, кто окружал Степана Сергеевича, был вновь само внимание: слушал своего учителя, мысленно шел за ним по неизведанному и увлекательному пути рассказа. Все мы в это время представляли собой единое целое, готовое по первому знаку чудесного рассказчика пойти на любой подвиг, на любое испытание.

Такое же влияние волшебного слова педагога мне впоследствии пришлось испытать не более десятка раз, включая и занятия в вузе. И всегда у таких мастеров был исключительно высокий личный авторитет и завидные результаты в обучении и воспитании. Вот почему я глубоко убежден в том, что *искусство рассказывания* — это важнейшее качество преподавателя, с какой бы аудиторией он ни работал, что формирование умений впечатляюще рассказывать, в том числе увлекательно излагать любой учебный материал, должно быть одной из неотложных задач подготовки учительских кадров.

С яркого, захватывающего рассказа начинал Степан Сергеевич и наше знакомство с книгой. Рассказ был в основе любого другого занятия с нами — счета, письма, рисования.

Но сначала — о книге.

Из большого круга книг, ставших мне известными еще до поступления в начальную школу, особенно запомнился роман Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Тома этой книги, сохранившиеся у Степана Сергеевича еще со времени его работы в библиотеке бывшего суховильского барина, были потрепаны, без переплетов, но это не мешало им оставаться для нас самыми дорогими. Мы брали их в руки, как что-то живое и нежное, боясь лишний раз дыхнуть на таинственные страницы.

По работе именно с этой книгой я сохранил представление о методике обучения и воспитания, которой пользовался Степан Сергеевич.

Помнится, в тот день он встретил нас загадочной улыбкой. Улыбка не сошла с его лица даже тогда, когда он узнал, что один из нас не сумел выполнить довольно интересное и нетрудное задание — нарисовать картинку с едущим на печи Емелей по известной народной сказке.

— Что же, бывает. Просто мы не всегда помним старые, но очень правильные слова: «Если ты устал, начни сначала», — сказал он в ответ на «не получилось» нашего незадачливого художника.

Затем, так же улыбаясь, он вынул из сумки толстую книгу и, подняв ее над нашими головами, сказал:

— На этих страницах великое множество интереснейших историй, о которых вы еще не знаете. Они о смелых, бесстрашных людях, честных и благородных, готовых умереть, но не изменить своему долгу. Особенно вам понравится один из героев — он победил

даже смерть. Есть в этой книге и такие примеры, которые делают ваши ответы «не получилось» просто смешными. Сегодня я расскажу вам одну из этих историй...

Книгой об Эдмоне Дантесе, Синдбаде-Мореходе, лорде Уилморе, аббате Бузони, Дзаккони, графе Монте-Кристо мы жили лето, осень, зиму и весну накануне моего первого школьного года. И никогда еще такой многочисленной не была «аудитория» Степана Сергеевича, как в период его рассказов о поступках, жизни и судьбах персонажей этого романа. В длинные зимние вечера в избу на окраине деревни приходили даже взрослые парни и девушки.

Степан Сергеевич излагал события и факты в той же последовательности, что и в произведении Александра Дюма, но каждый рассказ нашего учителя имел четкие границы и завершенность. Уходя от Степана Сергеевича, мы оставались с героями романа, волновались за их судьбу, искали пути и средства для борьбы с их врагами. Скорее всего, такая четкость в построении рассказов и определении их границ была итогом тщательной подготовки, обдумывания Степаном Сергеевичем всего содержания романа.

Первому рассказу по роману «Граф Монте-Кристо» Степан Сергеевич предпослал запомнившееся нам объяснение: в какой стране жил писатель и где произошли описанные им события.

Не берусь судить о достоверности сведений, сообщенных тогда Степаном Сергеевичем, но о силе и яркости впечатлений от этого, по существу, первого урока географии можно судить хотя бы по тому, что впоследствии всякий раз, когда кто-нибудь заговаривал о Франции или о Средиземном море, я вспоминал, как наш рассказчик, положив перед собой довольно большую старую карту и взяв в руки кнутовище, показывал на ней границы государства, ее реки, города, где находится столица Париж, где остров с крепостью Иф и остров Монте-Кристо.

Степан Сергеевич приступил к рассказу «по самой книге» только тогда, когда убедился, что мы все хорошо усвоили, в каких краях жили люди, о которых пишет автор. Для нашего наставника не менее важным было и другое — как мы подготовлены к слушанию эмоционально. И тут он был очень доволен — каждый из нас просто горел желанием как можно скорее узнать, что за история содержится в этой таинственной книге под непонятным названием «роман».

И вот наконец наступил день, когда начался длинный ряд увлекательных и незабываемых «историй», каждая из которых захватывала все наше внимание. Первой была картина возвращения из плавания в Марсель Эдмона Дантеса, молодого человека, только что вступившего в самостоятельную жизнь.

В начале рассказа все было светло и безоблачно, казалось, ничто не могло омрачить судьбу главного героя. И глаза Степана Сергеевича полны радостного блеска. Правда, на корабле траур, и общее горе команды больше других переживает Эдмон, который был ближе всех к покойному капитану «Фараона». Но голос Степана Сергеевича льется ровно, в нем ни единой нотки уныния. На перед-

нем плане яркий образ скромного, благородного и бесстрашного помощника капитана. Степан Сергеевич был несказанно горд за юношу, который с таким достоинством выполнил свой долг. словно о самом дорогом для себя человеке говорил он об Эдмоне, который проявил завидную силу и мужество настоящего командира корабля, верность данному слову.

Старый рассказчик как бы приглашал нас полюбоваться ловкостью и красотой движений, четкостью отдаваемых приказов, подлинным бесстрашием Дантеса. Степан Сергеевич стремился убедить нас, что именно таким честным и неподкупным людям, как этот юноша, должно быть уготовано и самое большое счастье в жизни. И мы вместе с нашим учителем радовались встрече Эдмона с отцом, обещанию судовладельца Морреля сделать юного моряка капитаном «Фараона», предстоящей свадьбе Дантеса и прекрасной Мерседес.

И вдруг мы замечали тревогу в глазах и голосе Степана Сергеевича, и через минуту беспокойство за будущее Эдмона полностью овладевало нами. Черная зависть мстительного Данглара, сети заговора, которые он плетет со злобным ревнивцем Фернаном при пособничестве жадного Кадрussa против любимого нами Эдмона, сцена его ареста во время помолвки с Мерседес потрясли нас совершенно. Помню, многие плакали, кто-то выкрикивал: «Как же так? Почему? Разве так можно?»

Степан Сергеевич смотрел на нас молча, сам глубоко переживая случившееся с героем романа.

На следующий день большая часть нашей встречи со Степаном Сергеевичем была занята выяснением разных деталей из услышанного. Оставив накануне своего рассказчика, многие из нас продолжали строить предположения, искать всевозможные варианты развития событий. Ночь, наступившая за рассказом, была полна беспокойства и тревожных снов у мальчишек и девчонок...

Степан Сергеевич хорошо знал, что нас волнует, и первым начал разговор о содержании предыдущего рассказа. Теперь он был спокойнее, не спеша отвечал на наши вопросы, спрашивал, как мы понимаем то или иное событие. Степан Сергеевич пытался объяснить каждому из нас причины дурных поступков, о которых мы узнали из книги, усиленно подчеркивал, насколько важно для человека иметь такой характер и такое сердце, как у Эдмона.

Такие беседы предшествовали каждому новому рассказу. Они следовали друг за другом, все более связывая детский мир нашей деревни единством мысли, чувств и стремлений.

Рассказы Степана Сергеевича имели общую линию: это была жизнь Эдмона Дантеса — графа Монте-Кристо, жизнь мужественного человека, на чью долю выпали невероятные испытания и лишения. К этой общей линии примыкали рассказы о тех, с кем судьба сводила Эдмона. Отец Дантеса, мудрый аббат Фарьо, старый Моррель и его сын Максимилиан, Альбер, Мерседес, Валентина и Гайде. Когда о каждом из них рассказывал Степан Сергеевич, его лицо становилось особенно вдохновенным; он не скрывал своего

доброе чувства к тем, кого глубоко уважал благороднейший Эдмон.

Но совсем иным становилось лицо Степана Сергеевича, когда речь заходила о тех, для кого не было ничего святого на свете — ни чести, ни дружбы, ни любви, кто в погоне за наживой, в своем алчном стремлении к личному благополучию готов был растоптать человеческое достоинство другого, шел на самые злостные преступления. Мы сразу замечали столь быстрые и разительные перемены в нашем рассказчике: голос утрачивал прежнюю теплоту и задушевность, глаза наполнялись незнакомым, подчас устрашающим блеском. Проходили мгновения, и чувства, которые испытывал Степан Сергеевич, овладевали и нами: возмущение и гнев, ненависть и даже безгласность.

Особое место в рассказах Степана Сергеевича занимали увлекательные повествования о мужестве, силе воли, верности слову и целеустремленности, об умении человека ставить перед собою трудные задачи и добиваться их неременного решения. Книга давала много убедительных примеров проявления таких качеств, особенно главы, где говорится о жизни Эдмона в период его заточения в замке острова Иф.

Чего, например, стоила работа аббата Фариа над составлением исторических трудов и изготовлением часов в условиях одиночной камеры! Степан Сергеевич старался раскрыть перед нами, какой настойчивости и мужества требовал этот труд от старого человека, насколько грандиозно сделанное им. Видимо, обращению Степана Сергеевича к примерам из жизни аббата мы обязаны тем, что навсегда запомнили образ этого труженика и его выражение, ставшее для многих из нас своего рода правилом поведения: «Сутки состоят из 24 часов, час из 60 минут, минута из 60 секунд; в 86 400 секунд можно многое сделать».

Рассказывая многочисленные истории из романа, Степан Сергеевич всякий раз привлекал наше внимание к мысли: каждая книга — это целый мир; лучшее средство глубоко познать книгу — это прочитать ее самому, а для этого нужно научиться хорошо читать. И эти слова с какой-то неодолимой силой обязательности, причем обязательности радостной, праздничной, усаживали нас за букварь, а то и за книгу для взрослых, чтобы овладеть искусством познания жизни.

Секрет успеха Степана Сергеевича в приобщении мальчишек и девочек к овладению грамотой состоял в том, что он умел вызвать в каждом из нас интерес к знанию и сильное стремление к *немедленному* действию. А ведь именно в этом и заключается важнейшее условие педагогического воздействия на личность, именно этим и характеризуется основное, решающее в педагогическом мастерстве любого талантливого учителя!

Степан Сергеевич замечал интерес каждого из нас к книге, к усвоению начал грамоты и поддерживал его всячески: и специальными занятиями по технике чтения, письма и счета, и различными

беседами — о роли знаний в жизни человека, о примерах большого прилежания.

Занятия счетом, письмом и рисованием были, как правило, тесно связаны с содержанием рассказа, являясь его естественными и крайне важными элементами. Идет, например, разговор о том, как спешил молодой Эдмон, возвратившись в родной порт, к своему жилищу, чтобы поскорее встретиться с любимым отцом, и Степан Сергеевич обязательно укажет это расстояние: оно такое, как от холма, где мы сейчас сидим, до того высокого дерева, что на другом берегу Упинки. «Далеко ли это? Давайте-ка измерим», — и наш рассказчик, прервав повествование, весь отдавался решению этой задачи.

Поводов для таких и более сложных упражнений, включая умножение и деление, всегда находилось много, и нас не нужно было особенно приглашать заняться их решением.

От цифр и рисунков, которыми покрывались наши тетради, мы переходили к буквам, словам и целым предложениям. И здесь также решающую роль играл непосредственный интерес каждого: хотелось поскорее записать собственной рукой имена любимых героев, названия городов, рек, островов...

Помнится, Степан Сергеевич редко спрашивал, как мы справляемся с этими упражнениями. Еще реже он предъявлял требования — обязательно нарисовать, написать, подсчитать. Но это не мешало расти нашему старанию и аккуратности, насколько они возможны у детей шести — восьми лет. Степан Сергеевич, конечно, был безразличен к тому, насколько мы старательны и трудолюбивы. Он высоко ценил эти качества, как и пытливый ум, стремление как можно больше знать в окружающем мире. Только добивался он развития трудолюбия не наставлениями, а своей личной увлеченностью делом, пробуждением у нас устойчивого интереса к знаниям.

Думая о Степане Сергеевиче, я все более прихожу к выводу, что он был одним из ярчайших представителей *народной педагогики*, без которой немыслима педагогика научная. В складывающейся в настоящее время теории о профессиограмме учителя мало пока учитываются личные качества тех, кто приступает к нелегкому учительскому труду. Это — любознательность, щедрость души, стремление поделиться с другими своими мыслями и переживаниями, готовность понять радость и горе каждого, и прежде всего ребенка, постоянная любовь к детям, как к чему-то особенному и исключительному, неистощимый интерес к их внутреннему миру. Степан Сергеевич был очень богат именно этими качествами, и они делали весьма эффективными и плодотворными его скромные общие и педагогические познания, которые он приобрел самообразованием и жизненным опытом.

Пример старого рассказчика, подкрепленный многолетними наблюдениями за работой педагогов школ, учил и продолжает учить: щедрость души, любовь и постоянный интерес к детям,

готовность отдавать все свои силы их развитию составляют обязательное основание для профессиональной деятельности учителя. Если эти качества имеются, профессиональные знания и умения могут совершать чудеса; если же этих качеств нет, то никакая специальная подготовка не в силах сформировать личность истинного учителя.

Пример скромной деятельности рядового сельского труженика Степана Сергеевича Цургаева показывает неопределимое значение народной педагогики в подготовке детей к самостоятельной трудовой жизни. Он особенно важен в наши дни, когда несравнимо возросли воспитательные задачи семьи и школы. Народная педагогика переходит сейчас в область повседневной деятельности родителей, имеющих высшее или, как минимум, среднее образование, и этот факт, несомненно, сулит повсеместное достижение куда больших успехов в семейном воспитании, чем те, которые могли быть в годы деятельности Степана Сергеевича. Разумеется, эти успехи возможны лишь в том случае, если каждый родитель сам будет постоянно заниматься воспитательной работой со своими детьми, не перекладывая ее на плечи бабушек и дедушек...

Степан Сергеевич любил нас. Мы остро чувствовали, что он всегда ждал нас и от каждой встречи испытывал большую радость. Для него любой мальчишка и любая девчонка представляли особый, неповторимый мир. Помнится, нам было непонятно, а порой и обидно, что свою любовь и привязанность Степан Сергеевич поровну делил между всеми, кто его окружал. А среди ребят нашей деревни были и такие, кого мы не очень-то терпели, например дети многосемейной и неряшливой бабенки Иванькиной Проси. Но Степан Сергеевич, предложив этим детям привести себя в порядок, готов был часами беседовать с ними. И как он радовался, если эти внешне несимпатичные ребята обнаруживали знания, сметку, способность разобраться в премудростях книжки!

Говорят, что новое — это нередко заново открытое старое. В наши дни, например, среди некоторых педагогов-теоретиков продолжается спор: признавать или не признавать впервые примененное профессором И. Ф. Харламовым выражение «персонификация воспитания». А много лет назад у нашего Степана Сергеевича, педагога-самоучки, буквально горели глаза, когда он убеждался, что его слово, его совет стали лично значимыми для меня, для детей Иванькиной Проси, для каждого, кто его слушал...

Учитель остается для нас учителем до тех пор, пока мы проявляем интерес к его личности, знаниям, советам. Нужно признать, что далеко не все школьные наставники вызывают у нас желание новых встреч и бесед, едва мы покидаем учебное заведение.

Что же касается Степана Сергеевича, то к нему хотелось прийти всегда. При всяком удобном случае я стремился увидеться с ним, поговорить. Это чувство не покидало меня ни в пору школьной учебы, ни в годы студенческой жизни, ни тогда, когда я сам стал учителем...

МАРИЯ ИВАНОВНА

Моей первой, так сказать, официальной учительницей была Мария Ивановна, а первым учебным заведением, с которого началось мое систематическое образование, — малокомплектная начальная школа в нашей деревне.

Анновская школа — обычная сельская школа Нечерноземья начала тридцатых годов. Она была построена самими крестьянами во время сплошной коллективизации и осуществления всеобщего начального обязательного обучения детей. Ее деревянное здание, сделанное добротно, на совесть, состояло из одной просторной классной комнаты, где можно было проводить уроки с тремя-четырьмя десятками ребят, а также собирать деревенские сходки, устраивать самодеятельные концерты. Школа имела теплый коридор, обширную прихожую, учительскую квартиру и помещение для сторожа.

Школа стояла в стороне от деревни, рядом с густыми зарослями осинника — Мешковским лесом. У этого леса, недалеко от школьного двора, дорога из Анновки расходилась на три рукава: один вел к Навинским хуторам, а от них к деревне Коханово; второй — в деревню Скобянка и далее в соседний Монастырщинский район; третий связывал деревни Мешковку, Суховилы и Упино.

Анновка, Навины, Скобянка и Мешковка составляли ближайшее окружение школы, но находились от нее на значительном расстоянии, и это обстоятельство тревожило нас, детей. Нам казалось, что школа, оставшись ночью без нас, как живая, грустит, что ей страшно одной в поле, рядом с лесом, особенно осенью и зимой, когда рано темнело на дворе.

В школе жила одинокая учительница, и это еще более усиливало наше беспокойство: что она может сделать, если кто-то задумает недоброе, кто ее защитит? Старый больной сторож не принимался нами в расчет.

Трудно сказать, почему школу вынесли за черту деревни. Скорее всего одержало верх желание моих земляков сразу убить двух зайцев: иметь свою школу, чтобы не отставать от других в районе, и переложить часть хлопот и затрат на крестьян ближайших деревень.

Наша деревня в те времена насчитывала не более полсотни дворов. Эти дворы занимали весь левый взлобок долины речки Упинки, начиная от Большого суховильского рва и кончая холмами

Кленника, и тянулись более чем на три километра Анновские избы держались далеко друг от друга, размещались по одной стороне дороги, оставляя открытым вид на речку. За рекой, в полукилометре от западного конца Анновки, располагались деревни Горка и Селезеньки, и в каждой из них строилась своя начальная школа. Этими школами могла пользоваться почти половина анновской детворы. Этим обстоятельством, возможно, объяснялось, что в анновской начальной школе была одна классная комната.

Мария Ивановна приехала к нам за месяц до начала первого учебного года в новой школе. Приехала из самого Смоленска и как-то сразу вошла в жизнь деревни. О ней заговорили — и на улице, и в поле, и в избах как о человеке близком и душевном. И для этого были свои причины.

Всего за два-три десятка дней, притом в августе, когда все население деревни сутками занято на уборке урожая, Мария Ивановна управилась со множеством дел. Нужно было привести в порядок школьные помещения, откуда только что ушли строители, нужно было найти и доставить в деревню парты, наглядные пособия, учебники, тетради, другие учебные принадлежности.

Тут нетрудно было растеряться и бывалому специалисту, человеку, физически закаленному, с большим жизненным опытом. Как же могла чувствовать себя восемнадцатилетняя горожанка, у которой пока не было никакого опыта работы, которая только что окончила школу и учительские курсы? Но, видимо, и такой жизненный опыт, как опыт личного учения, может сыграть важную роль в сложной ситуации начала профессиональной деятельности, если это учение было серьезное, основательное, захватывающее человека целиком и если сам человек всей душой отдается любившемуся делу.

Не прошла и неделя со времени приезда Марии Ивановны, как всю деревню охватила забота о школе, ее будущем, о неотложных мерах по подготовке к началу занятий, и у молодой учительницы сразу появились десятки активных помощников.

Мария Ивановна никому не жаловалась на трудности. Посещая семьи первых своих воспитанников, встречаясь с председателями сельского Совета и правления местного колхоза, она если о чем и просила, то лишь об одном: посоветовать, как лучше управиться к сроку, чтобы само открытие школы стало праздником в деревне. И именно то, что Мария Ивановна ничего не требовала, а только советовалась с людьми, пыталась найти с ними лучший путь решения важной задачи в условиях уборочной страды, имело самые положительные результаты. Находились подводы для отправки в районный центр за учебным оборудованием; люди, оставляя свои неотложные дела, шли вечером готовить школу к новому учебному году. Шли с желанием помочь Марии Ивановне, которая всем пришлась по душе своей добротой, человечностью и редким трудолюбием.

Еще до начала занятий Мария Ивановна успела побывать в каждой избе нашей деревни и у соседей, которые, как теперь

принято говорить, составляли ее школьный микрорайон. Без ее внимания и участия не осталось ни одной семьи, откуда должны были пойти учиться дети.

Марию Ивановну интересовало все: как живут, чем увлекаются, что уже умеют делать ее завтрашние ученики; нет ли серьезных причин, которые могут помешать нормальным занятиям в классе. Охотно беседовала она и с малышами, которые придут к ней через год-два, записывала их фамилии и имена в тетрадку, приглашала на школьные праздники.

Со взрослыми членами семьи Мария Ивановна вела разговоры не только о воспитании детей, но и о многом, что волновало ее собеседников. Чувствуя душевную открытость, искренность и сердечность молодой учительницы, люди как-то сразу освобождались от скованности, естественной при встрече с малознакомым человеком, и делились с нею самым сокровенным.

До сих пор не могу забыть того давнего вечера, когда Мария Ивановна впервые пришла к нам. Ее посещение нашей семьи стало одним из самых ярких впечатлений моего детства.

Узнав, что учительница будет знакомиться с жителями деревни, моя мать, преодолевая болезнь, сделала все, чтобы и изба, и двор выглядели как можно лучше. Вызванный от пастуха Степана Сергеевича домой, я не узнавал своей избы.

— Что это, мама? — спросил я. Мне было боязно наступить на половики грязными ногами, избегавшими за день много верст по пастушу. — Разве сегодня праздник?

— А ты разве не знаешь, что к нам учительница придет? Иди быстрее умойся и надень новую рубаху. Учительница уже на том конце деревни побывала и к нам обязательно заглянет. Чем же это не праздник? — ответила мать.

Она продолжала суетиться, проверяя каждый угол, затем стала готовить стол — такого гостя нельзя оставить без угощения. Я смотрел на мать, на ее хлопоты и забывал, что она очень больна, что еще утром она еле поднялась с постели, чтобы приготовить завтрак.

Мария Ивановна появилась в доме неожиданно, будто прошла не улицей, а огородом. И, ласково улыбнувшись, сразу направились к матери.

— Здравствуйте, Ульяна Терентьевна! Я не ошиблась, вас так зовут? А вам никак нельзя было вставать. Давайте-ка сядем, а может, лучше вам прилечь? — говорила учительница, провожая мать к кровати.

Мать не возражала. Она тут же согласилась с Марией Ивановной и сделала все, что та ей говорила. Хорошо зная привычку матери обязательно настоять на своем, я был удивлен, как быстро она подчинилась требованию чужого человека и покорно легла в постель.

Мария Ивановна, стоя у кровати, о чем-то доверительно вполголоса разговаривала с моей матерью. До меня, оставшегося на кухне, доносились лишь отдельные фразы учительницы.

Прошло с полчаса. И тут я услышал, как Мария Ивановна

поднялась с табуретки, стала ходить по комнате и сказала довольно громко:

— Крепитесь, Ульяна Терентьевна. Я думаю, что вашему горю можно помочь. Я обязательно позабочусь о хорошем докторе. Все будет хорошо, поверьте...

Услышанное так полно отвечало моей давней надежде, моему самому большому желанию — помочь матери избавиться от болезни, что я стремительно подбежал к Марии Ивановне, схватил ее руку и прижал к своему лицу. Учительница наклонилась, погладила меня по голове и, поняв причину моего взволнованного состояния, еще раз подтвердила:

— Да, конечно же, я помогу твоей маме. Найдем мы ей хорошего врача, вот увидишь!

Свое обещание Мария Ивановна выполнила. Уже в начале сентября мать пригласили в районную больницу, и там ее консультировал один из самых известных врачей областного центра, специально приехавший из Смоленска. Назначенное им лечение заметно помогло, а с наступлением весны мать уже выходила на колхозные работы.

Помощь моей матери — далеко не единственный случай живого участия молодой учительницы в судьбах наших крестьян. Она близко принимала к сердцу заботы каждого, кто к ней обращался, и делала все, что было в ее силах. Отзывчивость и готовность помочь людям в беде сделали Марию Ивановну самым уважаемым человеком в деревне.

Учительница задержалась в нашем доме до позднего вечера. Кроме беседы с матерью, она немало занималась и мною. Расспрашивала, как я управляюсь по дому, как помогаю пастуху, не трудно ли мне каждый день ходить за стадом, с кем я дружу и что меня интересует. По просьбе Марии Ивановны я прочитал несколько страниц из книжки.

Моими ответами и чтением учительница осталась довольна. Слушая меня, она несколько раз сказала: «Молодец», а когда прощалась, то обратилась к матери:

— У вас растет настоящий помощник. Я очень рада, что через год у меня будет такой ученик.

Мария Ивановна пригласила меня в школу, где у нее много книжек, которые мне понравятся.

— Обязательно приходи, — говорила она, взяв меня за плечи. — Было бы хорошо посадить тебя за парту сейчас, но ничего не подделаешь, нужно подрасти. Подождем немного, а?

Я чувствовал себя счастливым. Заметив, что Мария Ивановна собирается уходить, мама встала, чтобы проводить учительницу, и на этот раз уже никто не мог заставить ее изменить своего решения. Вернувшись в избу, мать долго сидела у окна и повторяла: «Это же надо, такая душа, такой человек!» Затем подозвала меня к себе и предложила:

— Говорят, у Марии Ивановны неуправка со школой. Ты бы сходил, узнал, что там и как. Отпросись у Степана Сергеевича.

Может, найдется работа и для меня — сшить, подрубить, проутюжить. Я не без рук, могла бы что-нибудь сделать для школы.

Образ моей первой учительницы с нежной, теплой, ободряющей улыбкой на красивом, добром лице навсегда остался в моей памяти.

Мария Ивановна, входя в классную комнату, как-то сразу успевала посмотреть на всех нас, разместившихся за длинными столами-партами по четырем углам. Эти углы служили у нас классами — с первого по четвертый. Взгляд учительницы задерживался на каждом мальчике и девочке, как бы спрашивая: «Ну как ты себя чувствуешь? Хорошо? Сейчас мы начнем что-то очень интересное». И все мы загорались желанием поскорее узнать, что предложит нам наша учительница, и немедленно приступить к любому делу.

Вот Мария Ивановна подходит к столу, за которым сидит мой сосед по улице Вася Лосиков. Ему трудно на всех уроках, но особенно на уроке чтения. На лице Марии Ивановны та же добрая, ободряющая улыбка, которая как бы говорит Васе: «Ничего, ничего, дорогой, не будем так отчаиваться. Сегодня мы с тобой обязательно добьемся успеха». И Вася несколько успокаивается.

Из всех тогдашних учеников Марии Ивановны мне особенно запомнился Лосиков Вася. К воспоминаниям о Васином учении и поведении я обращался впоследствии неоднократно — уже в связи с запросами собственной профессии — профессии педагога. В умении Марии Ивановны работать с этим трудным подростком я находил для себя вдохновляющий пример педагогического труда и снова и снова убеждался в том, как велики возможности учительского влияния на развивающуюся личность.

Лосиков Вася сильно картавил. За этот недостаток Васю и всех его родных звали не по фамилии, а по прозвищу — Жаворонок. Трудно сказать, что общего между речью картавого человека и нежной трелью полевой птички, но так уж повелось, что всех Лосиковых в деревне иначе не называли, как Жаворонками.

Картавость, однако, не помешала Васе прочно утвердиться в мнении всех ребят Анновки как мальчику ловкому, сильному, смелому и даже отчаянному. Вася быстрее всех бегал, лучше других ударял по мячу и безошибочно попадал «в город» во время игры в лапту. Васин авторитет как смелого и сильного человека поднимали его умелая езда верхом на любой лошади и отсутствие страха перед быком, который приводил в трепет не только всех детей, но и взрослых.

Вася был настойчив, смышлен и догадлив. Одно время вся наша тогдашняя деревня только и говорила о его дерзкой и хитроумной проделке с огородом бабки Кобызиhi. Об этой бабке, жившей одиноко, ходили слухи, будто она своими заговорами и другими средствами может что угодно сделать с человеком. Мол, достаточно ей вырезать в земле отпечаток следа человека и положить в горячую печь, как человек этот обязательно высохнет и умрет. Колдовства бабки Кобызиhi особенно боялись дети, поэтому огород ее был всегда неприкосновенен. Не побоялся бабкиного колдовства только Вася.

Он придумал против него свое средство: в летнюю ночь он встал на лыжи-самodelки и перетаскал к себе во двор все огурцы с огорода бабки. Попробуй теперь вырезать след!..

Таким Лосиков Вася был в глазах всей детворы нашей деревни. Но это — до школы, вне учебных занятий. В школе весь немалый авторитет Васи как бы отодвигался на задний план. Здесь нужны были совсем другие умения — выразительно читать, понятно рассказывать, четко отвечать на вопросы учительницы. И тут картавость Васи выступала на первое место, заслоняя собой все его ребячьи заслуги и достоинства. Как бы ни слушались дети Марию Ивановну и как бы ни считались они со смелым нравом Васи, все же его картавость всегда вызывала смех. Особенно громко смеялись ребята из других деревень — Коханова, Скобянки, Мешковки. Лосиков бледнел, краснел, готов был сквозь землю провалиться.

Словом, в школе для Васи наступил период особых трудностей в усвоении и выполнении новых обязанностей, или, как теперь нередко пишут, наступил острейший кризис социальных ролей. Не пойми учительница всей сложности создавшегося положения, в котором оказался подросток, не прими она срочных и действенных мер, Вася обязательно бросил бы школу. Вернуть его назад и вновь усадить за парту было бы непросто.

Вася, видимо, готовился к такому шагу. На переменах он быстро выбегал на улицу, старался никому не попадаться на глаза; ребятам отвечал грубо, назойливых избивал. Домой Вася шел один, не желая никого видеть, даже своих приятелей. В школе отказывался отвечать уроки.

Мария Ивановна еще до начала занятий присматривалась к этому парнишке, о котором ей говорили ранее, мысленно ставила его в положение своего воспитанника, намечала свою позицию в тех или иных возможных ситуациях. Однако во время торжественной линейки в честь начала нового учебного года, когда Вася, только что появившийся на школьном дворе, сразу же устроил драку с мешковскими ребятами, пытавшимися его дразнить, учительница поняла, что ранее намеченные ею меры, так называемые «педагогические заготовки», вряд ли пригодятся.

Первые две недели учительница работала с Васей так же, как и с другими ребятами. Но она усиленно наблюдала за его поведением, за характером отношений с соседями, со всеми учащимися школы. Как впоследствии признавалась сама Мария Ивановна, она тогда просто не знала, что можно предпринять, чтобы Вася легче, безболезненно вошел в новую для него обстановку школьной жизни. Это не давало ей покоя. Долгими вечерами анализировала она свои наблюдения, сравнивала их результаты с тем, что слышала о Васе от других, вновь вчитывалась в страницы книг по педагогике. И думала, думала...

Тревожась из-за каждого случая осложнений в классе, вызванного не всегда понятной реакцией Лосикова, она не впадала в отчаяние, верила, что это скоро пройдет, что поведение ее ученика

станет обычным, вполне сносным, даже хорошим. Мария Ивановна помнила напутствия своих наставников, особенно слова старейшего преподавателя литературы в педагогическом училище: «С учеником нельзя, просто бесполезно работать, не любя его, не желая всей душой помочь ему стать лучше, умнее. А если любишь, то обязательно найдешь верный путь к уму и сердцу ребенка, найдешь и самые нужные средства своего влияния на весь его образ мышления и поведения».

К Васе, как и ко всем своим ученикам, Мария Ивановна была неравнодушна, ей здесь себя упрекать не приходилось.

Индивидуальную работу с Васей Мария Ивановна начала с бесед на переменах, после уроков. Ей хотелось убедить мальчика, что ему не следует обращать внимание на насмешки: пройдет немного времени, и он обязательно будет говорить не хуже других, только нужно больше тренироваться. Учительница приводила примеры, даже из времен античности, как люди настойчивой работой над собой добивались желаемого результата — становились знаменитыми ораторами, побеждали болезни, приобретали завидную силу и выносливость.

Марии Ивановне хотелось, чтобы Васины волнения и переживания вызывали сочувствие у большинства ребят, чтобы дети перестали смеяться над недостатком своего нового товарища. Она не забывала сделать замечание тем, кто не сдерживал смех во время Васиных ответов, разъясняла, что над недостатками человека, которые от него не зависят, смеяться неприлично, некрасиво. Учительница искала поддержки у старших ребят из каждой деревни — пусть они почаще напоминают своим младшим товарищам о необходимости вести себя хорошо на уроках и переменах.

Все это заметно изменило обстановку в школе. Но детям всегда труднее, чем взрослым, выполнять взятое обязательство. Мария Ивановна видела, что многие ребята, в том числе четвероклассники, ее активисты и помощники, порой из всех сил сдерживают смех: уж очень забавно получалось, когда Вася пытался читать или отвечать на вопросы.

И вскоре учительница решила не испытывать более терпение учащихся. Она стала чаще прибегать к таким приемам руководства учебной этого подростка, которые заметно улучшали его самочувствие и в то же время не отвлекали остальных ребят от сосредоточенной работы на уроке. Вася писал, считал, рисовал, про себя разбирали печатный текст, а Мария Ивановна все это проверяла без обычного вызова ученика к доске, просматривая и прослушивая результаты непосредственно у его парты. Здесь же она и разговаривала с ним — вполголоса, чтобы меньше слышали другие ученики.

Чтение вслух, громкое пересказывание и объяснение выполненного задания учительница перенесла на занятия с мальчиком во вторую половину дня. Сходяв домой после уроков, Лосиков возвращался в школу и занимался по дополнительному плану. Мария Ивановна проводила с ним упражнения и по логопедии, старательно

используя советы и рекомендации специалиста, к которому ездила в Смоленск.

Индивидуальные занятия с Лосиковым Мария Ивановна умело сочетала с коллективной работой. Она старалась вовлечь Васю в общие дела класса — на переменах, в выходные дни, в праздники и каникулы. Вася любил игры — лапту, городки, догонялки. Во время игры он начисто забывал о своем речевом недостатке: громко командовал, делал замечания. И учительница посоветовала ребятам сделать Васю одним из руководителей подвижных игр. Наблюдая за этими играми, она убеждалась, что игра сближает Васю с учащимися, делает его жизнь в коллективе радостной. Когда школьник играет сам и руководит игрой других, он включается в более широкое общение и, что особенно важно, это общение проходит в интересной, активной деятельности, без чего по-настоящему нельзя развивать ни самого ребенка вообще, ни его речь.

Но сближение Васи Лосикова с учениками — ребятами из других деревень проходило слишком медленно, со срывами. Эти срывы в поведении мальчика прекратились только в конце зимы, после одного случая, который потряс Марию Ивановну. И лишь тогда учительница с большей определенностью смогла ответить на вопрос: удастся ли удержать Васю в школе?

Мария Ивановна заметила, что, когда однажды Лосиков пришел на дополнительные занятия вместе со своим другом Фомичевым Ваней, работа дала значительно больший результат. Вася чувствовал себя свободнее, лучше читал и отвечал на вопросы, охотнее выполнял упражнения по развитию речи. С тех пор учительница приглашала вместе с Васей и Ваню Фомичева. Здесь, в школе, мальчики стали выполнять все домашние задания. И не беда, если им порой приходилось задерживаться; ведь вдвоем не страшно возвращаться домой даже в темноте.

Обычно все шло хорошо. Мальчики работали дружно, а Ваня так старательно и терпеливо помогал товарищу, что учительница имела возможность порой оставлять их одних.

Вот и в тот день, побыв с ребятами, Мария Ивановна пошла в свою комнату и стала готовиться к урокам следующего дня. Вася и Ваня засиделись допоздна и не торопились уходить. Мария Ивановна слышала, как они, выполнив домашние задания, читали рассказы Л. Н. Толстого. Через стенку были слышны голоса то Вани, то Васи, причем Васин чаще — мальчик по несколько раз повторял одни и те же фразы.

Голоса вдруг стали громче, особенно Ванин. Учительнице показалось, что ее помощник теперь уже не читает, а за что-то ругает Васю, ругает и смеется. Вскоре раздался громкий крик и резкий стук дверей, сначала в классной комнате, потом наружной.

Когда Мария Ивановна вбежала в класс, там был только Фомичев. Он сидел за партой у настольной лампы и пальцами зажимал нос. Все лицо его было вымазано кровью.

Ссора между мальчиками произошла внезапно и в основном

по вине Фомичева. Ему почему-то не нравилось, как сегодня читает Вася, и к концу занятий, не скрывая раздражения, Фомичев стал настойчиво требовать, чтобы Вася больше старался и понятнее произносил каждое слово. Вася прилагал все усилия, чтобы выполнить требования друга, но тот по-прежнему оставался недоволен. И вдруг Фомичев не выдержал и громко рассмеялся, безнадежно махнув рукой.

— Ну, что ты все тю-рю-лю да тю-рю-лю! Ничего у тебя не выйдет! Жаворонок и есть Жаворонок! И зря только с тобою возится Мария Ивановна!

Вася вскочил, сбросил со стола книжки и, ударив Ваню по лицу, выбежал на улицу. Выбежал как был — без шапки, в одной рубашке и брюках.

Кое-как разобравшись со случившимся, Мария Ивановна бросилась за Васей. Во дворе было темно. Дул сильный ветер, мела поземка. Но ничего этого Мария Ивановна не замечала. Лишь перед самой Анновкой поняла, что бежит в легком платке и демисезонном пальто, на ходу схваченном на вешалке.

В доме у родителей Васи не было. Но их это особенно не встревожило: парень — сорвиголова, что может с ним случиться? Побегает и вернется! Зато не по-зимнему одетая учительница вызвала настоящий переполох: ей предложили тотчас же погреться на печке, приготовили чай, пытались снять ботинки и надеть валенки. Не имея возможности подробно объяснить, что произошло с мальчиком, учительница расспросила, где живут Васины дяди и тети, к которым он мог направиться, и стала прощаться. Она уступила просьбе матери ученика и накинула на себя большой теплый платок.

Позади все анновские избы, на которые указали родители Васи, бесполезными оказались поиски в Суховилах, Мешковке и Скоблянке. Пройдены до десятка километров, а мальчика все нет. Вот недалеко и школьное здание. Может, зайти и отдохнуть, а завтра снова взяться за поиски? Но нет, в школу она сейчас идти не может — все равно не будет покоя, пока о мальчишке ничего неизвестно. И Мария Ивановна идет дальше. Впереди Навинские хутора, потом Коханово. Кажется, с кем-то из здешних ребят он ладил, помнится даже, что ходил к ним в деревню.

К последнему кохановскому дому учительница подошла, еле держась на ногах. Ей не верилось, что мальчик найдется, что он вообще еще жив и невредим. Скорее всего забежал в лес и заблудился, замерз...

Но именно в этой последней избе в углу за столом сидел ее Вася.

— Ну, что же ты делаешь со мною? — бросилась к нему Мария Ивановна и вдруг почувствовала себя плохо.

Когда учительница пришла в себя, возле нее стоял Вася. Он плакал. Мария Ивановна обняла мальчика и тоже заплакала.

Так они и сидели рядом, молча, плохо вникая в то, что говорила хозяйка дома, Васина бабушка по матери. А та, хлопоча на кухне, причитала:

— Решил меня проведать. Только почему раздетый в такой холод? Не говорит, пострел, и домой идти не собирается. Побуду, говорит, у тебя. Напроказничал, поди, вон как довел учительницу. И когда это все кончится?!

Весною Вася перешел в следующий класс. Перешел без всяких натяжек. Просто по-настоящему постарался, показал свою силу воли...

В Анновской школе Мария Ивановна проработала недолго, всего два года. Так сложились обстоятельства, что ей пришлось срочно переехать в другое место, туда, где должен был после училища продолжать службу ее друг с детских лет, а теперь кадровый командир, ее муж.

Не буду говорить, что чувствовали мы, тогдашние ученики, узнав, что наша учительница уезжает. Да и не только мы, дети. Это событие приковало к себе внимание всех моих земляков, которые искренне сокрушались по поводу ее отъезда. Проходили месяцы, годы, а одной из главных тем разговоров в деревне была Мария Ивановна, ее работа в школе и в колхозе, чуткость и любовь к детям, внимание к родителям, к каждому взрослому, доброта и исключительная порядочность.

В отзывах моих земляков о Марии Ивановне я часто слышал новые определения учительского труда: «Такой и должна быть советская, народная учительница», «Работала с душой, по-комсомольски».

Провожали Марию Ивановну всем миром, многие пришли из других деревень. Был июль, время сенокоса, но мало кто в этот день пошел на работу с утра. Каждому хотелось побыть возле школы, еще раз увидеть учительницу, сказать ей теплое слово благодарности.

Мы всей школой проводили Марию Ивановну до самого Черепова, что в десяти километрах на пути к железнодорожной станции Починок. Мы бежали за подводой, а Мария Ивановна несколько раз останавливала ее и просила нас вернуться. Пообещав и чуть-чуть приотстав, мы снова направлялись вслед за учительницей: домой нам идти не хотелось.

Однако дальше всех от деревни проводил Марию Ивановну Лосиков Вася. Он и здесь показал свою находчивость. Узнав, кто и когда повезет Марию Ивановну, он с вечера вышел из дома, прошагал тридцать километров и утром, задолго до появления подводы, был у починковского вокзала...

В ШКОЛЕ ФЕДОРА ЛЬВОВИЧА

Федор Львович Левитин... Общее впечатление об этом замечательном педагоге сложилось в результате общения с ним в разные периоды моей жизни. В школе, которой он руководил, я учился три года — с V класса по VII. Впоследствии я был принят в эту же школу на учительскую работу, и в свои шестнадцать с половиной лет, имея за плечами один курс пединститута, прошел под присмотром Федора Львовича хорошую профессиональную подготовку. Затем состоялись мои встречи с Федором Львовичем в зрелые годы, когда я сам стал директором общеобразовательной школы, а позже — одним из руководителей педагогического вуза.

Общее впечатление сохранило, по существу, детское и юношеское восприятие этого человека. То, что в давнюю пору лишь смутно угадывалось, в зрелые годы приобрело ясность и определенность истинного понимания.

Я стал пятиклассником в первый год преобразования Упинской школы из начальной в неполную среднюю. Для старших классов было построено новое здание. Причем не на окраине, где находилась старая начальная школа, а в центре деревни. Люди говорили, что в планах Федора Львовича на ближайшее время значилось строительство десятилетки, поэтому он и место подобрал для нее лучшее.

Нас, новых учеников, которые до этого не учились в Упине, записывали в учительской после долгой беседы с каждым. Желающих поступить в V класс было много, и учителя подробно выясняли, что мы знаем и умеем, насколько готовы учиться в средней школе. Со мной беседа началась не о моих познаниях, а о возрасте — слишком малым я казался для столь серьезного класса. И я, видимо, был бы отправлен домой, не зайдя в это время в учительскую директор.

Федора Львовича хорошо знала вся детвора деревень нашего сельского Совета, даже те, кто никогда не был в Упине. Федор Львович как коммунист и депутат сельского Совета часто выступал с лекциями в населенных пунктах школьного микрорайона. Его выступления вызывали большой интерес, о них подолгу говорили в деревнях. Интерес взрослых возбуждал и наше любопытство. Поэтому в дни, когда приезжал Федор Львович, на встречу с ним шли и наши родители, и мы, дети. К нам он всегда был внимателен, и, если кто-то пытался выпроводить из помещения «мелкоту», Федор Львович вступался за нас, и мы оставались.

— В тесноте, да не в обиде,— говорил он в таких случаях.— Пусть послушают. Смотришь, что-нибудь и запомнят полезное. Вот почему, когда я увидел в учительской директора, моя тревога несколько улеглась.

— Да, тут ничего не поделаешь, маловат и ростом и годами,— сказал он, подходя к столу, за которым сидели учителя с нашими документами. Говорил и чуть-чуть улыбался — молодой, энергичный, с ласковыми карими глазами, в которых, казалось, постоянно светились лучики солнца. Потом как-то задорно взмахнул большим темным чубом и, положив на мое плечо руку, сказал:

— Но все это, я думаю, не помешает дать ись, правда? Запишите его. Лет он наберет еще сколько угодно, да и рост — дело наживное. По крайней мере, с меня-то вырастет, верно?

В учительской засмеялись. А Федор Львович, поскрипывая легкими сапожками, вышел в коридор.

В этот день я встретился с ним еще раз, на улице, у главного входа в школьное здание. Он стоял в окружении ребят и о чем-то оживленно беседовал с ними. Увидев меня, сразу подозвал к себе.

— Ну как, зачислили? Рад? Поздравляю! — сказал директор, видимо довольный не меньше, чем я.— Знакомься, эти ребята тоже будут учиться.

Потом, несколько помолчав, добавил:

— Все, кто хочет, будут учиться. Если нужно, откроем дополнительный класс. Государство не откажет в нашей просьбе...

Федор Львович относится к числу тех счастливых людей, которые избирают свой путь раз и навсегда. За всю свою долгую жизнь он никогда не изменил работе в школе, учительской профессии. В его трудовой книжке всего четыре записи — в ней значится Упино и Темкино Смоленской области, Медынь и Людиново Калужской. Не будь войны, записей было бы вдвое меньше.

Я не встречал другого человека, кто был бы больше, чем Федор Львович, увлечен школой, ее завтрашним днем, дальними перспективами — и самыми неотложными, ежедневными школьными делами, и глобальными проблемами развития народного образования. О работе с детьми, о неимоверной сложности и тонкости процесса воспитания он мог говорить часами, говорить увлеченно. И так же без усталости, не замечая времени, с большим увлечением отдавался он этой работе — в классе, в учительской, вне школы, в своем домашнем рабочем кабинете. И такая *увлеченность* — с первых дней учительской деятельности, как только Федор Львович стал преподавать и возглавил школьный коллектив.

Из самых ярких впечатлений того периода жизни, когда я учился у Федора Львовича в V—VII классах, было *ощущение большой и постоянной радости* от посещения школы, от общения с ее учителями и директором.

Мы всегда спешили в школу. Даже в зимнюю пору мы приходили в классы за час-полтора до начала занятий. Для нас не существовали ни снежные заносы, ни трехкилометровый путь по осеннему без-

дорожью. Как можно скорее очутиться в школе, встретиться с ребятами, с учителями — эти желания наполняли тогда каждого из нас. И как же не хотелось уходить из школы, как было скучно дома в выходные дни!

За час до звонка на первый урок (а больше звонков не давалось) заводился школьный патефон. В иные дни в рекреации появлялся с баяном то учитель пения, то один из школьников, и здание наполнялось светлой, бодрой музыкой. Все пело, играло, настраивало на мажорный тон. Музыка встречала нас и при выходе с урока на перемены. На большой перемене обычно устраивались игры, зимой — в зале, в теплые дни — на улице.

Все это нам очень нравилось. К такой обстановке мы быстро привыкли, как к чему-то само собою разумеющемуся, и никогда не задумывались над тем, что ее создание требовало от педагогов больших усилий, повседневного кропотливого труда.

Обо всем этом я узнал лишь через несколько лет, когда сам стал учительствовать. Я понял тогда, сколько внимания уделяли в школе музыке, играм и сам директор, и воспитатели, узнал, во имя каких педагогических целей все это делалось.

Федор Львович и на педагогическом совете школы, и на методическом объединении учителей, и в обычном разговоре с коллегами подчеркивал примерно следующее: «Дети приходят к нам из разных семей. Понятно, что и настроения у них бывают самые разные. Здесь, в школе, они все должны хорошо учиться. Поэтому мы обязаны прежде всего настроить их на успешную работу, вдохновить их, помочь каждому обрести самого себя. И музыка, игры помогают нам в этом. Кроме того, дети не должны сильно уставать в школе. Мы обязаны добиваться, по крайней мере, того, чтобы дети всегда были жизнерадостны, веселы, с хорошим самочувствием. И для этого нам не нужно жалеть своих сил».

Через ряд лет я узнал и то, как высоко ценил наш директор *эстетическую и нравственную обстановку* в каждом классе и в школе, какое большое значение он придавал красоте и порядочности отношений с учащимися, умению каждого учителя вызвать у ребят добрые чувства и расположение, готовность к действию.

Я не раз был свидетелем того, как волновала Федора Львовича встреча с любым человеком, у которого было плохое настроение, будь то ученик, или учитель, или житель поселка. В таких случаях Федор Львович тут же останавливался, чтобы узнать, в чем дело, и старался непременно помочь.

Однажды, когда я уже учительствовал в Упине, он пообещал прийти ко мне на урок, но за минуту до выхода из учительской вдруг отказался, сказав, что у него появилась весьма уважительная причина. После урока Федор Львович позвал меня к себе, расспросил, как прошло занятие, а потом заметил:

— Не уверен, что урок вам удался. Ведь вы пошли в класс с плохим настроением. Я сразу подумал, что мне на Вашем уроке делать нечего. Прошу Вас запомнить: плохое настроение ученика —

это тревога, а плохое настроение учителя — это уже беда. Кто-то очень верно подметил: моральная, эмоциональная приподнятость учителя в труде — это тот педагогический капитал, который дает особенно большие воспитательные проценты. Хорошее определение условий наших успехов, правда?

В год открытия семилетки нас, пятиклассников, набралось около девяноста человек, причем упинские ребята не составляли и пятой части. В школе удивлялись, как быстро смог директор запомнить каждого, кто пришел учиться в Упино из других деревень. Если Федор Львович говорил с учеником наедине, то непременно спрашивал о родителях, называл их по имени и отчеству.

Поначалу многие из нас не видели в этом ничего особенного: мы привыкли в прежних маленьких школах быть постоянно на глазах учителей. Но ученик, недавно переехавший из города, рассказал нам, что в прежней его школе директор никогда не называл ребят не то что по имени, но даже и по фамилии. И тогда мы поняли удивительную способность Федора Львовича видеть и знать каждого из нас.

Федор Львович знал не только наши имена и фамилии. И не только имена и отчества наших родителей. Знал он о своих воспитанниках многое: домашние условия, материальную обеспеченность, взаимоотношения в семьях. Теперь нередко можно слышать о разных формах учета этих данных — о картотеках, специальных журналах. Федор Львович держал многочисленные сведения о нас в своей памяти, в своем сердце, считая эти хранилища самыми надежными.

Знал он и наши привычки, склонности. Когда в школе началась организация ученических кружков, директор сам подсказывал многим ученикам, куда лучше записаться, и его советы всегда угадывали наши желания, подчас не совсем еще определившиеся. Застав нас у большого плаката с объявлением о работе кружков, он сразу порекомендовал Цургаеву Ване:

— Запишись в исторический, там тебе будет интересно. Смотришь, со временем добьешься своей цели — разгадаешь тайну Суховильского рва...

Мы даже растерялись от неожиданности: откуда Федор Львович мог знать, что Ваня постоянно думает об этом знаменитом месте, что вот уже два года он собирает сведения о маршруте наполеоновской армии, о легендарном французском кладе? Может быть, директор знает и о том, что Ваня готов повторить попытки своих земляков и обязательно докопаться до спрятанного сокровища?

Мы стояли перед Федором Львовичем притихшие и растерянные, а он рассказывал о программе кружка, о том, что на занятиях как раз и будет изучаться история населенных пунктов на территории нашего сельского Совета.

Потом директор обратился ко мне:

— А ты что выбрал? Скорее всего, литературный, правда? Советую, обязательно запишись. Наша Раиса Ефимовна увлечена поэзией и декламацией, так что занятия будут интересными.

Я уже говорил о том, что сигналом к началу уроков и их окончанию в нашей школе была музыка. Светлая, тихая, спокойная, она снимала усталость и поддерживала хорошее настроение. Разнеслись первые аккорды музыкальной пьесы — урок заканчивается. В конце перемены музыка замедляет свой темп, постепенно умолкая, и мы заходим в свои классы, готовимся к новому занятию, ждем учителя. Музыка была не только важным моментом в поддержании распорядка учебного дня — она выполняла и другую, очень важную функцию: возбуждала и постепенно укрепляла наш интерес к этому виду искусства. Проходило время, и все больше становилось участников струнного кружка, ансамбля гармонистов, общешкольного хора. И наконец, музыка служила делу превращения школы в настоящий центр воспитательной работы в вечерние часы: она объединяла все внеклассные занятия — и массовые, и групповые. Спускались сумерки, и школа, полная чудесных звуков, вновь встречала своих питомцев.

Были дни, когда после уроков наша школа отдыхала. Осенью и зимой таких дней было немного, весной побольше. В такие дни все учителя и старшие школьники шли в конторы правлений колхозов, в красные уголки, в бригады, на фермы. Все они занимались каким-либо конкретным и нужным делом: проводили беседы, читки газет, обучали малограмотных, выпускали стенные газеты, давали концерты художественной самодеятельности.

Весной работы прибавлялось: ребята проверяли семена на всхожесть, перебирали картофель, собирали золу, готовили плакаты к началу посевной. Если предполагалось собрание или беседа, ребята должны были обойти избы и пригласить колхозников. Без школьников не обходилось и праздничное оформление деревенских улиц ко дню первой борозды, ко дню урожая, изготовление лозунгов и транспарантов для первых обозов с новым урожаем зерна и овощей.

У каждой школы есть свое лицо. Упинская школа, или, как ее чаще называли, школа Федора Львовича, была по-настоящему *школой активной общественной деятельности*. За это школа была награждена Красным знаменем районного комитета партии и райисполкома и в течение многих лет, вплоть до начала Великой Отечественной войны, называлась краснознаменной, никому не уступала своего первенства.

Общественная работа была здесь правилом для каждого ученика. Подросток, переступив порог школы, начинал понимать свою причастность к общественным делам, которые занимали всех после уроков. Разъясняя ленинские идеи о связи обучения с жизнью, Федор Львович подчеркивал роль общественно полезных дел в становлении личности завтрашнего хозяина Страны Советов. Жить только учебной советская школа не может. Важно, чтобы вместе с ростом ребенка постоянно возрастала и его личная ответственность перед другими людьми — родителями и близкими, одноклассниками и всей школой, колхозом, районом, страной.

Добиваться того, чтобы все учащиеся как можно чаще испытыва-

ли чувство гражданской ответственности, поднимать каждого до осознания счастья быть нужным другим людям,— в этом Федор Львович видел одну из важнейших целей школы и непереносимое условие выполнения ею своей высокой социальной миссии.

В общественной работе учащихся видел молодой директор и надежное средство перевоспитания. Вспоминается, например, такой случай.

В год, когда мы оканчивали VII класс и назывались выпускниками, к нам поступил новый ученик, переехавший из другого района. Звали его Яснецов Иван. Он был старше нас и отличался завидной физической силой. Правда, в школе он никого не обижал и держался в стороне от наших мальчишеских компаний. Не очень жаловал он своим вниманием и девочек, но с ними он был все же разговорчивее, особенно с теми, кто постарше и покрасивее. По всему чувствовалось, что Яснецову с нами скучно и ничто не интересует его ни в классе, ни во всей школе. Кончались уроки, и он, небрежно перекинув через плечо ремень командирской сумки, сразу же уходил из класса и вечером в школе не появлялся, что бы здесь ни затевалось.

Наступили зимние каникулы. И вдруг школу потрясла весть: Яснецов совершил хулиганский поступок. В деревне Семьговке, что в пяти километрах от Упина, он затеял драку и разогнал вечеринку. Оказалось, что в эту деревню Яснецов ходил с первых дней своего переезда и что далеко не всегда его посещения заканчивались мирно. В деревне никто не предполагал, что Иван — взрослый парень — ходит в школу и еще не окончил семилетки.

По мнению многих, в том числе и учителей, Яснецову в школе больше делать нечего, его нужно исключить.

Однако директор не торопился с созывом педагогического совета. Он неоднократно ездил в Семьговку, встречался там с молодежью, беседовал с виновниками происшествия, подолгу засиживался с членами ученического комитета. А когда собрался школьный совет, директор внес предложение, которое не сразу было принято присутствовавшими: Яснецова из школы не исключать, но объявить ему выговор, а главное — дать ему общественное поручение — помочь юношам и девушкам Семьговки организовать хорошие вечера отдыха.

После долгих обсуждений предложение Федора Львовича было принято. Оно оказалось правильным.

Федор Львович уже тогда, в свои молодые учительские годы, обладал исключительно ценным даром — умением педагога *терпеливо* искать причины и давать верную оценку любой сложной ситуации, умением находить безошибочный путь разрешения конфликта, преодоления противоречия.

Через многие годы, когда Федор Львович был уже на пенсии, мы беседовали с ним на наши излюбленные темы и вспомнили случай с Яснецовым.

— Тогда мы имели дело с падением авторитета у подростка,— сказал Федор Львович.— Школе очень важно было добиться, чтобы

человек *сам* смог подняться, обязательно сам и вполне *сознательно*. Это так необходимо, чтобы наш воспитанник — большой или маленький — всегда старался подняться сам, старался стать лучше. Грош цена тому воспитанию, которое не учитывает важности этого принципа. Мы обязаны помочь ребенку, но наша помощь не должна носить открытый или, лучше сказать, лобовой характер. В этом, собственно, одна из важнейших задач практического воспитания и важнейшее условие его успеха.

Я вспомнил, что словом «лобовой» Федор Львович пользовался и в прежние годы, когда был директором школы в Упине. И прибегал он к этому слову в исключительных случаях, когда давал оценку воспитательным просчетам начинающих учителей.

В личных беседах со мною, тогда очень молодым и неопытным воспитателем, Федор Львович употребил это слово, кажется, раза три или четыре. Особенно запомнился мне один случай.

Поводом для беседы с директором была моя официальная жалоба на ученика VII класса, пытавшегося сорвать урок. Из четырех классов — двух шестых и двух седьмых, где я вел уроки русского языка и литературы, у меня больше всего не ладились отношения с VII «А». Я объяснял это одной причиной — вызывающим поведением Латуто Михаила. Он был старше других ребят и никого не боялся. Этот ученик не любил готовить уроки и редко внимательно слушал объяснения учителей, но был хорошо начитан и обладал острым умом. Отличался он и непонятной мстительностью, неистребимым желанием ставить людей в смешное положение. Из-за своего высокого роста Латуто сидел на задней парте и оттуда фактически руководил всем классом.

Михаил привез к нам в школу плохую характеристику. Лет восемь он числился учеником в Хиславичах, но так и не получил семилетнего образования. Его не раз исключали из школы то на месяц, то на учебную четверть. По настоянию бабушки он переехал в Упино и продолжил учебу в нашей школе. Латуто был принят в VI класс. Федор Львович не допускал, чтобы кто-то бросал школу, не учился. Стоило только в микрорайоне Упинской семилетки появиться такому подростку, как он сразу попадал в поле зрения нашего директора, который тут же определял его в школу, а уже потом начинал разбираться в причинах отчислений и переездов. «Наша главная цель — найти верные средства помощи таким ребятам. Мы должны обязательно добиваться, чтобы все дети непременно учились, и учились успешно,— это и есть партийное отношение к учительскому делу», — не раз говорил он своим коллегам.

На первом же уроке Латуто бросил мне вызов. При моем появлении в классе он как ни в чем не бывало продолжал сидеть за партой. Задетый такой невоспитанностью, я спросил, известны ли ему правила поведения, установленные для учащихся. Почти не изменив позы, Латуто ответил:

— Хотелось бы от вас услышать, что это за правила и как вы их толкуете!..

Затем, в порядке, так сказать, первого знакомства, он стал задавать мне другие вопросы.

Я принял вызов. Мне было неудобно оказаться в положении педагога, который хочет уйти от вопросов, боится их. Задетое самолюбие помогло мне быстро ориентироваться и находить точные и яркие формулировки ответов. Я старался показать всему классу тщетность попыток моего оппонента заставить меня врасплох. Мои ответы оказались настолько убедительными, что привлекли на мою сторону большинство класса.

И вдруг обстановка резко изменилась: на последний вопрос Латуты я не смог ответить, и класс сразу это понял. Краснея и страшно волнуясь, я стоял у стола и не мог придумать, с какой стороны подступить к совершенно незнакомому слову «куртабмах». Я видел: только что завоеванная симпатия мальчиков и девочек бесследно исчезает. Кое-кто уже откровенно подмигивал Михаилу: дескать, молодец, все-таки нашел слабое место!

В напряженной тишине прошли последние минуты урока. Из коридора донеслась мелодия бодрой песни, приглашая на перемену. Я не знал, куда девать глаза, что делать с классным журналом. Ребята молчали, будто и не слышали сигнала об окончании урока. И тут с задней парты раздалось подчеркнуто снисходительное, в тоне успокоения, замечание Михаила:

— Зря растерялись, тут и понимать-то нечего. Об этом на каждой табачной пачке написано. «Куртабмах» — это сокращение слов «курительный табак махорка». Понятно?

Латуто торжествующе захохотал. Я не помнил, как вышел из класса...

Латуто испытывал меня почти целую неделю. Ночами я готовился к занятиям, читал пособия и словари, обдумывал каждый свой шаг, в том числе и ответы на возможные выпады моего «противника». В других классах согласно плану я продвигался вперед, а здесь, втянутый в перепалку с учеником, топтался на первой теме.

Наконец, наступил день, когда «бой» был выигран мною. О С. А. Есенине я знал много интересного; прочитал наизусть несколько стихотворений поэта. Класс зааплодировал. Впервые за неделю работы в VII «А» я уложился в план урока.

Казалось, с этого дня можно было наладить нормальную обстановку в классе, но победа над строптивым учеником настроила и меня на воинственный лад.

Придя на следующий день в VII «А», я спокойно сел за стол, не торопясь сделал нужные записи в журнале, а затем, не приступая к теме урока, обратился к Латуте:

— Что, может, продолжим спор? Какие вопросы приготовил ты сегодня? Стань хорошенько у парты и отвечай: тебе не надоело срывать уроки?

Мальчишка поднял голову и посмотрел на меня с такой озлобленностью, которой я ни разу не видел в глазах подростков. Затем быстро поднялся из-за парты и вызывающе бросил:

— Что, нового «куртабмаха» захотелось? Только больше я помогать вам не стану! Краснейте тогда перед классом хоть целый день!

В глазах у меня потемнело. Не помня себя от гнева, я топнул ногой и закричал:

— Вон из класса! Сейчас же выйди! И чтоб тебя здесь больше не было!

Но Латуто не двинулся с места. Он улыбался, явно довольный собой.

Потеряв от обиды власть над собой, я стремительно покинул класс.

В учительской я рассказал о случившемся. Федор Львович налил стакан воды, подошел ко мне и спокойно предложил:

— Об этом позже, еще успеем. Выпейте воды и возвращайтесь к ребятам. Не директору же заменять вас в такие минуты, это могло бы сильно повредить вашему престижу. Успокойтесь и идите, я рекомендую самый лучший выход из данной ситуации.

Легко подтолкнув меня к двери класса, он с улыбкой добавил:

— Все наладится. Только помните: учитель остается учителем до тех пор, пока *сам* справляется с классом.

На следующий день мы вернулись к событию в VII «А». Директор, оказывается, хорошо знал о моих неурядицах и сразу заметил:

— Конечно, вы поступили опрометчиво, дав ученику втянуть себя в спор. Так можно потерять не одну неделю. Но спор убедил ребят, что вы беспомощны, несколько ослабил влияние Латуто в классе, и это делает вашу ошибку не столь серьезной. Не случись вчерашнего инцидента, у меня не было бы повода обсуждать такую ситуацию. Но вот последний случай...

Федор Львович прошелся по кабинету, потерев чуб и, остановившись передо мною, продолжил:

— Работа лобовыми приемами в воспитании недопустима. Да, Латуто поступил бестактно. Но он имеет право на любопытство, он может поставить перед учителем десятки вопросов. А вы с первого урока дали понять классу, что в вопросах Михаила видите одно лишь покушение на ваш учительский авторитет. На последнем уроке вы это подчеркнули с особой силой и добивались осуждения зарвавшегося ученика коллективом. Почему вы решили именно так? В поступках ребят, даже тех, кто нам совсем не нравится, нельзя видеть только одно плохое. А мстить ученику — это уж совсем не годится.

Закончил он свой разговор со мной примерно такими словами:

— Разумеется, бестактность Латуты должна быть осуждена. Но вам нельзя забывать, что ученик отстаивает свою самостоятельность, как умеет, и пользуется теми средствами, которыми располагает, причем нередко считает их вполне приемлемыми. А это уже зависит от его общей культуры. Как вы убедились, этих средств у нашего Латуты весьма мало, отсюда и его бестактность. Задача школы — научить каждого питомца отстаивать свое «я», свое мнение

тактично. Это наша с вами задача, дорогой товарищ учитель. Верно?..

Все, кому посчастливилось работать в школе Федора Львовича, на всю жизнь сохранили потребность в коллективном обсуждении различных вопросов обучения и воспитания детей. *Высокая требовательность к себе и коллективная воля* — таковы были, по мнению директора, главные условия успеха учителей, школы как единого целого. Федору Львовичу мы, его коллеги, обязаны желанием постоянно обмениваться мыслями, рассказывать о предполагаемом начинании, о том, как прошел учебный день, урок, обсуждать новые статьи в газетах и журналах. Этому способствовали и введенные им «педагогические четверги». За чашкой чая мы непринужденно анализировали свою работу за прошедшую неделю, говорили о трудностях и путях их преодоления. Здесь создавалась обстановка искренней дружбы и взаимопомощи педагогов.

Хорошо запомнились высказывания Федора Львовича о личной и коллективной ответственности учителей за дела школы.

На одном заседании методического кустового объединения школ сельского Совета (а такие заседания проводились обычно один раз в учебную четверть) он сказал: «Авторитет каждой школы, а без авторитета работа любого учебного заведения бесполезна, — это сумма авторитетов всех ее учителей. Но эта сумма особая: порой достаточно одного слагаемого с минусом, как вся сумма становится отрицательным числом». Эти слова я услышал еще в самом начале своей учительской деятельности.

Второе, навсегда запомнившееся мне высказывание нашего директора относилось по времени к последним неделям моей работы в Упинской школе. На педагогическом совете подводились итоги осуществления единых требований к поведению учащихся V класса, которым руководила молодая учительница Елизавета Васильевна Павлющенко. В этом классе не ладилось с поведением ребят. Классный руководитель, ожидая выступления директора, сильно волновалась. Но Федор Львович упрекнул Елизавету Васильевну лишь в одном — она забывает о своих дирижерских обязанностях по отношению ко всем учителям, работающим в ее классе. В учительской кто-то засмеялся, но директор, повысив голос, еще раз повторил:

— Да, да, я не ошибся: именно дирижерские обязанности. Без этого нельзя добиться положительного результата в сложном воспитательном процессе.

Немного помолчав, он задал вопрос, который, казалось бы, не относился к нашему делу прямо:

— Все в прошлую субботу слушали наш детский струнный оркестр? Хороший получился концерт, правда? Говорят, как у профессионалов. Вы заметили, как музыка влияла на поведение в зале, на настроение школьников, взрослых? А почему такой успех, почему?

Федор Львович окинул нас требовательным взглядом и продолжал:

— Успех концерта не только в увлеченности каждого оркестранта, но и в тщательной подготовке оркестра в целом, в строгой согласованности звучания всех без исключения инструментов. Успех в том, что здесь каждый умело вел свою партию и ни на секунду не забывал о других исполнителях, об общем строе музыки. Без согласования, без репетиций, без тщательной отработки каждой ноты в исполнении целого произведения ничего бы не получилось. Но вот почему в школьном воспитательном процессе мы не всегда учитываем эти неперенные слагаемые успеха? Мы с вами тоже оркестр, причем у нас более сложные задачи. Почему же мы недостаточно заботимся о согласовании своих действий, требований, установок, чтобы не было разнобоя в общем деле воспитания? Мы мало «репетируем», мало разбираем каждую «партию». А с воспитательным процессом шутить нельзя, здесь провалившийся «концерт» далеко не всегда восполнишь новым выступлением...

Согласованию наших общих усилий в учебной и воспитательной работе, повышению ее эффективности, профессиональному росту каждого из нас Федор Львович подчинял содержание всех методических занятий — и в кустовом объединении, и непосредственно в школе. Семинары воспитателей, предметные комиссии, система взаимопосещений уроков и внеклассных занятий, работа учительского коллектива над общей психолого-педагогической темой с проведением в конце года итоговой конференции, самообразование, работа школьного научно-методического кабинета, в котором всегда можно было найти новинки литературы по вопросам обучения и воспитания, как и образцы лучших методических разработок мастеров педагогического труда, — все это находилось в поле постоянного внимания молодого директора школы.

Но, пожалуй, самым сильным средством влияния на профессиональный рост каждого, кто начинал или продолжал тогда свой учительский путь в Упине, были уроки по истории самого Федора Львовича. Посещали эти уроки и педагоги школ из отдаленных деревень, в том числе и начальных. И тут дело не в предмете, который вел Федор Львович. Всех поражала большая общая эрудиция преподавателя, его умение организовать активную работу мысли каждого учащегося, умение формировать у школьников глубокий интерес к знаниям, воспитывать прочные коммунистические убеждения.

Из запомнившихся уроков Федора Львовича расскажу лишь об одном — об уроке по теме «Ланская коммуна». Тогда я сам учился в VI классе. С тех пор прошло много лет, но я не забыл ни общего смысла событий, о которых говорил Федор Львович, ни одной даты, ни одного упоминавшегося имени. Хорошо запомнилась и та атмосфера, которая царила на уроке, наша готовность слушать учителя, наши волнения и тревоги.

В начале рассказа учитель говорил о средних веках, о жизни и борьбе в городах Франции, об образовании в них коммун. Федор Львович подробно объяснил понятие «коммуна», что оно означало в

те далекие времена и в наши дни. Главный смысл, заложенный в основе этого понятия,— это — свобода, она всегда была дорога народу. И мы, глядя в строгое, уверенное лицо Федора Львовича, сразу же соглашались: да, свобода стоила борьбы!

Затем учитель говорил о городе Лане, о его жителях — бедных и богатых, о том, что здесь борьба за коммуну была самой ожесточенной и самой длительной. Нам казалось, что все это было вчера, а не восемьсот с лишним лет назад,— так полно и подробно характеризовал учитель все перипетии жизни и борьбы средневекового города.

Мы слушали Федора Львовича и чувствовали себя участниками тех далеких событий. Мы одинаково с учителем уважали одних и презирали других исторических персонажей. Помнится, мы всем классом сразу же возненавидели епископа Годри за алчность, издевательства над простыми людьми, за измену присяге, клятве. И уже на следующей перемене у нас не было более оскорбительного прозвища, чем «Годри».

Сила влияния учительского слова... В чем источник этой силы? Я не раз думал об этом, вспоминая занятия Федора Львовича и других мастеров педагогического труда. Разумеется, здесь не может быть однозначного решения. И все же из множества источников можно выбрать главный, основной — это отношение самого педагога к изучаемому его учениками предмету, теме.

О сути этого отношения очень хорошо сказала талантливый преподаватель литературы в Смоленском педагогическом институте доцент И. Н. Антюфеева. Возразив против мнения, будто большой стаж вузовской работы освобождает педагога от необходимости готовиться к занятиям, Ирина Николаевна заметила: «Ведь дело не только в фактах, которые нужно толковать на уровне современной науки. Необходимо также и вдохновение. Я, например, не могу пойти на лекцию, не настроив себя, не почувствовав рядом с теми персонажами, героями литературных произведений, о которых должна рассказывать. Я должна заинтересовать себя материалом занятия, по-настоящему увлечься им, если хотите, должна непременно начать жить тем, о чем стану говорить слушателям. Иначе мне на лекции скучно. А это уже не занятие».

Глубокое знание материала, и не только определенного рамками программы, личное отношение к нему, проявляющееся буквально во всем — в голосе, жесте, взгляде, паузе, в живой реакции на наше восприятие, делали слово Федора Львовича неотразимым, захватывающим ум и сердце школьников. А работал наш учитель и директор над собой постоянно и очень много.

Личный пример директора — это первое и неперемнное условие успешного самообразования каждого учителя, роста профессионального мастерства педагогов школы, превращения их в дружный, целеустремленный коллектив.

Дружный коллектив учителей и воспитателей... Были ли конфликты в этом коллективе, известном своей умелой работой далеко за

пределами Хиславичского района? Да, конечно, были, без конфликтов невозможно развитие коллектива. Но если школой руководят умные, порядочные, преданные делу люди, как Федор Львович, конфликты разрешаются быстро и безболезненно. В противном случае любое, даже незначительное разногласие разрастается в непреодолимое противоречие.

Школа Федора Львовича, школа Левитина. Так называли Упинскую школу тогда, когда ею руководил этот удивительный, одаренный педагог; так называли ее и потом, когда Федор Львович выехал из района. Действительно, у Федора Львовича была своя школа. Не потому, что он построил одно из красивейших в районе школьных зданий и наладил в нем учебно-воспитательную работу. У него была своя школа — как плод неутомимого педагогического труда, как кузница высокого, подлинно советского стиля отношений, социалистического гуманизма.

Упинская неполная средняя школа далеких тридцатых годов, времен Федора Львовича. Давно это было. Но когда я думаю о сегодняшней реформе общеобразовательной и профессиональной школы, мне вспоминается небольшая сельская школа-семилетка. В стиле ее работы, в постоянной связи с окружающей жизнью, в глубокой озабоченности о достойном будущем каждого ребенка и подростка было очень много из того, что не утратило своего значения и теперь, что органично вошло в жизнь и требования к школе восьмидесятых годов.

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Коллектив учителей Упинской семилетки был на редкость дружным, энергичным и единым. Его нравственный авторитет был очень высок. Теплота, искренность и принципиальность отношений между педагогами отражались на отношениях в коллективе детском, ученическом. Когда впоследствии я сам стал руководителем школы, учительский коллектив Федора Львовича был для меня эталоном. Уровень развития этого коллектива, полнота его жизни, стиль отношений — все это составляло важнейшую практическую цель в моей повседневной работе с коллегами — учителями и воспитателями.

Но, если быть точным, то один неприятный конфликт в этой школе все же был, и закончился он без примирения сторон...

В жизни, как правило, человек, оказавшись в новой обстановке, среди незнакомых людей, не сразу приобретает их признание и уважение. К нему долго присматриваются, сравнивают с другими, проверяют на деле, на твердости слова. Такая проверка неизбежна для большинства людей, особенно для нового учителя в школе.

Но есть люди, они составляют своего рода исключение, для которых это правило человеческого общения как бы не существует. Достаточно такому баловню судьбы появиться перед нами, как мы очарованы им, готовы наделить его лучшими качествами, раскрыть перед ним свою душу.

Таким человеком был наш новый учитель географии Иван Кузьмич Бондарев. После института, проработав на Украине немногим более года, он приехал к нам, в Упинскую школу.

Его полюбили все. Его влияние на жизнь и поведение учащихся трудно с чем-либо сравнить. Каждому из нас, тогдашних мальчиков и девочек, он казался необыкновенным.

Красивое нравится всем и вызывает добрые чувства. Оно способно порой полностью подчинить и волю людей. Иван Кузьмич был красив какой-то утонченной, редкой красотой. Она придавала особую прелесть всему его облику — фигуре, повороту головы, улыбке, жесту...

Когда Иван Кузьмич впервые вошел к нам в класс, мы тотчас встали и долго не могли прийти в себя. Что-то говорил завуч школы, сопровождавший нового учителя, но мы не слышали доброго Степана Акимовича: все наше внимание было приковано к Ивану Кузьмичу. Нам казалось, что перед нами появился прекрасный

герой из сказки, что пройдет несколько мгновений, и он исчезнет... Признаться, мы не слышали не только завуча: едва ли мы понимали и то, о чем говорил нам новый учитель и классный руководитель.

Мы сидели зачарованные. Могло показаться, что класс внимательно слушает объяснение темы. На самом деле мы были заняты совсем другим — мы *смотрели* на Ивана Кузьмича, слушали его негромкий, мелодичный голос, не в силах заставить себя вникнуть в смысл самих слов.

На последующих уроках Ивана Кузьмича нас по-прежнему больше занимала *внешность* учителя, чем содержание его объяснений. Рассказывал он долго, до сигнала на перемену. Нас он не спрашивал. Это и спасало: трудно представить, что бы мы смогли ему ответить.

Вскоре не было ни одного предмета, которому бы мы, шести-классники, отдавали столько времени и сил, как географии, которую вел Иван Кузьмич. Дома и в школьной библиотеке мы часами просиживали за учебником, атласами и разными книжками. Нам хотелось как можно больше знать по каждому вопросу темы. Но, пожалуй, самым главным мотивом нашего упорства было желание ответить обязательно так, чтобы вызвать одобрение Ивана Кузьмича. И это нам удавалось: на все уроки географии никто из класса не приходил без серьезной подготовки, каждый стремился хорошо ответить домашнее задание, хотя при этом сильно волновался.

Иван Кузьмич был большим мастером слушать детей, поощрять их активность. Непременное одобрение уже с первой фразы ответа — «молодец», «умница», утвердительное покачивание головой и добрая дружеская улыбка — все это помогало нам справляться со смущением, входить в свою роль. Слушая нас, Иван Кузьмич был весь внимание и так бережно относился к нашему слову, так, казалось, нам верил, что мы с каждой фразой становились все увереннее и увереннее.

Конечно, не обходилось и без смешных случаев, но Иван Кузьмич всегда щадил наше самолюбие.

Однажды из всех желающих пойти к карте Иван Кузьмич выбрал Бобылева Тимошку. Мальчик он был старательный, но не всегда успевал хорошо подготовиться к уроку. К тому же был неповоротлив, мешковат, за что и получил прозвище «Мешок».

Вопрос был нетрудный: найти на карте Австралию. Услышав, что его вызывают, Бобылев так растерялся, что еле-еле встал из-за парты. Робко подойдя к столу учителя, он виновато поглядел на класс. Прошла минута-другая, мы заволновались.

Учитель положил руку на плечо Тимоши и ласково произнес:

— Не волнуйся, все будет хорошо. Вот указка, начинай смелее! Ты же знаешь...

Бобылев опять посмотрел в нашу сторону и медленно направился к карте. Но вместо восточного полушария, где нужно было искать этот материк, он оказался у западного. Потоптался, глядя на карту, затем опустил голову.

В классе нарастал шум.

— Минуточку, друзья, не будем мешать человеку,— сказал Иван Кузьмич.— Тимоша сейчас разберется. Только, пожалуйста, спокойнее...

Затем повернулся к карте.

— Ну, давай, дорогой, прикинем, где может быть наша Австралия,— сказал Иван Кузьмич, подойдя ближе к ученику.

Но, увы! Бобылев по-прежнему не отходил от западного полушария. Сначала Тимоша минуты три рассматривал Южную Америку, затем его взгляд и указка переместились к Канаде.

Из рядов парт все громче и настойчивее доносилось:

— Не здесь, не здесь же, слышишь!

— Правее, Мешок, ну, правее же!

Но Бобылев стоял на прежнем месте. С ним явно происходило что-то неладное. Потом мальчик не раз скажет, давая честное пионерское, что перед началом ответа он видел на карте не два, а одно полушарие, что в одном круге слева помещалась вся физическая карта мира, и ему просто было невдомек, как это могло произойти...

Между тем Иван Кузьмич вел себя выдержанно. Другой на его месте сделал бы за время этой нелепой сцены не одно замечание, кое на кого прикрикнул бы и посадил ученика на место. Но лицо Ивана Кузьмича было по-прежнему спокойным, взгляд внимательным, нестрогим.

Успокоив класс жестом руки, он подозвал к себе Бобылева и больше для нас, чем для него, сказал:

— Такие случаи бывают, Тимоша. Человек хочет рассказать очень важное и хорошо подготовлен, но ему что-то мешает, скорее всего волнение. Такое случалось даже со знаменитыми артистами: зная наизусть роль, они при выходе на сцену почему-то ее забывали, и положение спасал только суфлер... Пойдем к карте и хорошенько подумаем...

Взяв мальчика за руку, Иван Кузьмич подвел его к карте полушарий и предложил:

— Скажи-ка сначала, сколько частей света. Ты же это непременно знаешь... Нет, нам подсказка совсем не нужна,— обратился учитель к классу.

Бобылев ответил.

— Вот видишь, хорошо! Я не сомневался, что ты ответишь. А теперь вспомни, в каком полушарии больше частей света.

Бобылев ответил снова.

— Подумай теперь, где нам искать Австралию. К какому из двух полушарий нужно подойти?

Как впоследствии признавался Тимоша, только после этих слов учителя перед его глазами появились два круга, раскрашенных разными цветами, выплыла зеленая Австралия, которую он безуспешно искал в западном полушарии.

И тут наш Бобылев заговорил, заговорил, как никогда, бойко и уверенно. Указка быстро двигалась у берегов, заливов, рек. Мальчик

рассказывал о поверхности страны, об особенностях ее растительного и животного мира.

Мы сидели изумленные неожиданной переменой. Иван Кузьмич, не двигаясь с места до конца ответа, слушал Тимошу с большим вниманием. Он не скрывал своей радости. Когда ученик закончил свой рассказ, Иван Кузьмич громко сказал:

— Молодец! Вот умница! Ты же все отлично знаешь, даже больше, чем в учебнике. Спасибо за ответ!

Тимоша, покрасневшийся, счастливый, смущенно глядел на носки своих сапог. На переменах он ходил по коридору настоящим героем.

Мы были благодарны Ивану Кузьмичу. Оказывается, наш учитель не только самый красивый и умный, но и самый внимательный, самый чуткий и добрый! Он верит каждому ученику, надеется на нас, никого не даст в обиду! Как же не любить такого учителя? Наше благоговение перед этим человеком не знало границ...

При Иване Кузьмиче мы с большой охотой оставались на каждую классную беседу. О чем только не говорилось в это время! О международных событиях, научных открытиях, новых интересных книжках и, конечно, о нашей школьной жизни, о разных планах и задумках. Иван Кузьмич был неистощим на рассказы, а говорил он, как настоящий артист. Мы слушали нашего учителя и любовались им: его манерой говорить, ходить по классу, приглаживать пряди кудрявых волос.

В тех случаях, когда речь заходила о правилах поведения, у нас действительно состоялись беседы, а не рассказы классного руководителя: нам задавали вопросы, спрашивали, узнавали наше мнение.

Иван Кузьмич расширял рамки школьных требований и нередко рассказывал о поведении взрослых. «Вы скоро станете совсем большими, и вам обязательно это нужно знать»,— предварял он начало такого разговора. Он увлеченно знакомил нас с нормами этикета: как вести себя в обществе, за столом, в гостях, на улице. Сначала он спрашивал нас, как бы мы поступили в том или ином случае, а потом объяснял, что было правильным, а что неправильным в нашем поведении. Нам это нравилось, и в классе царило веселое оживление. Знания, которые мы получали в беседах с классным руководителем, придавали нам особый вес в глазах остальных школьников. Это тоже составляло предмет гордости Иваном Кузьмичом.

Наш VI «А» очень быстро обогнал все классы в школе. Ни одного пропуска и опоздания. Ни одного невыученного урока и ни одной плохой отметки. Больше, чем у других, общественно полезных дел. И ни одного замечания по дисциплине и санитарному состоянию класса. К этому добавился аккуратный внешний вид учеников. И неудивительно, что такому коллективу должны были присудить первое место по итогам учебной четверти. Нас даже сфотографировали для Доски почета.

И вдруг в нашем классе накануне Нового года, когда в школе выводились оценки за четверть, случились два происшествия.

Наша «ударница» Парамонова Катя позволила Демидковой Лиде списать задачу на контрольной работе за четверть. В конце урока это обнаружил завуч Степан Акимович, да и Лида с Катей признались. Правда, списана одна из трех задач, а у Лиды до этого было много хороших оценок. Но сам факт списывания! Степан Акимович ушел из класса очень недовольный.

Едва Степан Акимович вышел из класса, как дежурный Дедюлин Триша набросился на виновниц происшествия, потребовав от них немедленно извиниться не только перед Степаном Акимовичем, но и Иваном Кузьмичом. В запальчивости Триша не удержался и в присутствии всего класса грубо оскорбил подруг.

Состоялось классное собрание, которое посоветовал провести Иван Кузьмич. На собрании обсуждались самые строгие меры и в отношении девочек, и дежурного. Кто-то сказал, что нужно со-общить учкому: пусть знают, что произошло в классе, и решают, давать ли нам призовое место.

Иван Кузьмич молчал. Теперь он не улыбался. Опустив голову на длинные тонкие пальцы, он слушал, никого не перебивая. Катя и Лида плакали, клялись, что этого больше не повторится. Триша горячился, доказывал, что такие слова вырвались со зла, но ведь дело-то какое — нарушен главный закон жизни класса!

Наконец, когда все желающие высказались, поднялся учитель. Класс замер. Иван Кузьмич посмотрел на нас, остановив взгляд на каждом. И теперь мы почувствовали общую нашу вину: как могли допустить, как могли подвести такого учителя?

— Что теперь плакать и спорить,— сказал Иван Кузьмич.— Что произошло, того не изменить. Да, правильно, сказать учкому нужно, скрывать нехорошо. Нам должна быть дорога прежде всего наша порядочность — и в большом, и в малом. Порядочность и культура.

Он говорил о порядочности и высокой нравственности как о самых ценных качествах человека — и школьника и взрослого, о необходимости быть честным, нравственно воспитанным.

— Дело не в наказании,— продолжал учитель.— Девочки и наш дежурный понимают свою вину. В классе тоже правильно оценили случившееся. Думаю, это нам поможет в дальнейшем, верно? Вношу свое предложение: записать, что Триша и Лида поступили неправильно, но, поскольку они это сделали в первый раз и принесли свои извинения, ограничиться этим обсуждением. Верю, что никто из них больше такого не сделает. Что касается учкома, то ему я все передам сам и директору тоже. Попрошу, чтобы нам поверили, скажу от всех вас, что школу мы не подведем, что мы с вами народ воспитанный. Могу я им это сказать?

Не сговариваясь, мы поднялись из-за парт и зааплодировали нашему удивительному, нашему доброму и мудрому учителю. Нас так обрадовало его решение! И мы от всей души были признательны

Ивану Кузьмичу. Мы окружили его плотным кольцом, и каждый старался подойти поближе, хотя бы дотронуться до его рукава, минутку постоять рядом...

Новым и всеобщим триумфом Ивана Кузьмича стал вечер под Новый год. Особенно сильное впечатление на всех произвел бал-маскарад, устроенный по замыслу нашего классного руководителя. Разумеется, в подготовке и проведении этого бала самым активным был VI «А». Не выпускники-семиклассники, а именно класс Ивана Кузьмича отвечал перед директором и учкомом за вечер.

Мы были полными хозяевами на бале-маскараде: встречали гостей, провожали их в гардероб, указывали места в зале; мы объявляли программу, руководили конкурсом масок, викториной, играми, начинали танцы. За нами было дежурство — и на вечере, и во всей школе.

Легко представить, как это повышало наш авторитет в глазах всех учащихся и наших собственных! С чувством достоинства прохаживались мы по нарядному залу, стояли у дверей, отвечали на вопросы. Нам хотелось вести себя так, как и положено хозяевам на званом вечере, — без суеты, солидно и важно. Мечтой каждого из нас было хоть немного походить на обожаемого Ивана Кузьмича.

А Иван Кузьмич, как никогда, был само совершенство! Он первым начинал каждую игру, первым входил в круг, бережно ведя перед собою партнершу. Играл и танцевал наш учитель, бесспорно, лучше всех, и глаза присутствующих в школьном зале были прикованы к его легкой, элегантной фигуре.

Неотразимое впечатление на всех произвело чтение стихов Иваном Кузьмичом. Знал он их, оказывается, великое множество. После его выступления уже никто не проявлял желания декламировать, и наш учитель полностью овладел всеобщим вниманием. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Маяковский, Жаров, Безыменский... Особенно Пушкин. Иван Кузьмич читал его превосходно. При этом он принимал позу любимого героя романа прославленного поэта. Сходство получалось удивительным, и зал устроил тещу овацию. Из разных сторон доносилось все громче: «Владимир Ленский! Непостижимо, настоящий Ленский! Браво Ленскому!»

Мы возвращались домой и не в силах были справиться с огромной радостью, которая охватила нас. Всю дорогу громко, наперебой говорили об Иване Кузьмиче, вспоминали вечер от начала и до конца, до последней мелочи. И везде был он, его неотразимое лицо. В каждом из нас росла готовность сделать все, чтобы быть достойным такого учителя, чтобы никогда не давать повода для его печали и недовольства.

Как же велики и неограниченны возможности учительского авторитета! Нет большей силы влияния на личность ребенка и подростка, на весь детский коллектив, чем сила учительского авторитета, и прежде всего авторитета нравственного. И сколько бы еще сделала для каждого из нас эта удивительная сила, если бы нам довелось пройти рядом с Иваном Кузьмичом до окончания

школы! Но такого не произошло — ни в моей жизни, ни в жизни моих сверстников...

Неожиданное началось в зимние каникулы, на второй день после новогодних праздников.

Как и было предложено самим классным руководителем, наутро мы все пришли в школу. Предстояло окончательно договориться о встрече с ребятами из школы соседнего Монастырщинского района, провести лыжную тренировку, собрать спортивный инвентарь, одежду. Намечалось пройти вокруг Упина, к Вашиловке и даже до Гоголевки.

Все ребята пришли на много раньше установленного времени: такова была сила привычки. Мы почему-то думали, что и Иван Кузьмич придет пораньше. Однако в школе его еще не было. Перед девятью часами мы зашли в свой класс, сели за парты и стали ждать. Прошло десять минут, пятнадцать, полчаса, час. После двух часов ожидания мы послали дежурного посмотреть, не ищет ли нас Иван Кузьмич в других помещениях. Но дежурному не удалось найти Ивана Кузьмича ни в школе, ни на квартире учителя. Дверь в квартире была заперта наружным замком, и на крыльце не было видно ни одного свежего следа...

Мы вышли в коридор. На душе было беспокойно. Пока мы спорили, не решаясь что-то предпринять, к нам подошла Раиса Ефимовна, учительница русского языка и литературы. Раиса Ефимовна вела себя несколько странно. Сухо поздоровавшись и как бы между прочим похвалив нас за новогодний вечер, она торопливо направилась к учительской.

Мы решили ее остановить и спросили, не знает ли она случайно, где может быть сегодня Иван Кузьмич.

— Иван Кузьмич? — испуганно спросила Раиса Ефимовна, побледнев. — Нет, не видела. — Потом посмотрела мимо нас и добавила: — Да, кажется, говорили, что он уехал. Простите, я спешу...

Сказанное Раисой Ефимовной, а еще более то, *как* это было сказано, испугало нас не на шутку. Остаток дня и ночь прошли в тревоге. Думалось всякое, даже самое фантастическое...

Назавтра мы снова собрались в школе и пробыли там до обеда, а кое-кто, в том числе и я, до самого вечера. Иван Кузьмич и на этот раз не появился.

Ходили мы и на его квартиру, но черный круглый замок по-прежнему висел на дверях.

На третий день, собравшись в классе, мы вновь обсуждали, что же могло случиться. И вдруг подумали: зря мы волнуемся, Иван Кузьмич не такой человек, чтобы дать себя в обиду. Просто он должен был куда-то срочно выехать: откуда-нибудь позвонили или пришла телеграмма о болезни родственников, и учитель не успел нас предупредить об отъезде. Словом, все образуется, Иван Кузьмич скоро вернется и будет с нами. Главное — ждать и больше о нем ни у кого не спрашивать.

Последнее решение пришло после того, как в ответ на наше обращение всегда спокойный завуч Степан Акимович сказал с раздражением:

— Выехал он. Понимаете, выехал! Что же тут такого? Ведь нынче каникулы. Жив-здоров ваш Иван Кузьмич, еще увидите...

И все-таки мы тревожились. Как только начиналось утро, мы снова шли в школу и собирались в своем классе. И так каждый день каникул. Дома нас ничто не могло удержать.

В первый день третьей учебной четверти мы не шли, а бежали на занятия. Многие из нас были у дверей школы задолго до того, как их открыл сторож.

Проникнув в коридор, мы группками собирались у горячих печей, чтобы согреться, но при малейшем стуке в каком-либо конце здания сразу поворачивались: не идет ли наш Иван Кузьмич?

Прошло некоторое время. В коридоре стали появляться ребята из других классов. И вдруг со стороны учительской донесся резкий стук дверью, потом слышались голоса: один тихий, спокойный, другой резкий и громкий.

Мы осторожно приблизились к учительской и тут же замерли на месте: за дверью разразилась самая настоящая ссора. Говорившие не выбирали слов, особенно тот, с резким и громким голосом.

Что-то в этом голосе было нам знакомо. Забыв об осторожности, мы придвинулись ближе к двери и — о, ужас! — узнали голос одного из говоривших. Мы не хотели этому верить, мы все еще цеплялись за надежду, что это ошибка. Мы боялись смотреть друг другу в глаза. Из учительской неслись бранные слова, оскорбления. А мы, опустив головы, стояли и чего-то еще ждали...

Но вот дверь учительской резко отворилась, и в коридор выбежал Иван Кузьмич. Лицо его было красным и сердитым. Не обращая на нас никакого внимания, он быстро зашагал в противоположный конец школы.

Весь день мы провели как в бреду. Состояние было такое, будто нас только что обокрали до нитки, отняли у нас самое светлое и дорогое — радость, стремления, мечту. Мы просто не знали, куда себя девать и о чем думать. Кое-кто из ребят, сославшись на головную боль, тут же отпросился домой. Никаких уроков слушать мы не хотели, выходить к доске — тоже. Мы не в состоянии были говорить друг с другом.

Назавтра до нас стали доходить некоторые подробности случившегося. Рассказывали, что ссора Ивана Кузьмича с недавно женившимся биологом Яковом Ивановичем произошла на почве ревности последнего, что это уже не первая их ссора. Вернувшись из Семыговки от больной матери, Яков Иванович застал Ивана Кузьмича и свою жену, закрывшимися в квартире. Тогда-то учитель географии и уехал срочно из Упина.

Однако все эти подробности нас не интересовали. Проходили

дни, а мы никак не могли прийти в себя, настроиться на учебу. Уроки тянулись для нас долго и нудно. В том числе и уроки Ивана Кузьмича.

Правда, на его уроках мы вели себя тихо, но уже не от безмерного удовлетворения, как прежде, а от тяжелого чувства обиды, от невосполнимой утраты чего-то особенного, дорогого.

Мы пристально вглядывались в Ивана Кузьмича и думали, почему все это случилось, почему нас так обманули. Мы невольно сравнивали *того*, прежнего Ивана Кузьмича, с нынешним и видели, что *этот* так непохож на прежнего: и ростом ниже, и не так красив, и без улыбки, и суетится, и глаза отводит...

Мы глубоко страдали, и каждая встреча с Иваном Кузьмичом, каждый его урок не уменьшали, а увеличивали наши страдания.

Не знаю, чем бы все это кончилось, но через три недели Иван Кузьмич уехал от нас. И это было самым лучшим выходом из создавшейся обстановки. И для него. И для нас...

Через несколько лет, когда я вернулся в Упино и сам стал учительствовать, об Иване Кузьмиче все еще вспоминали. И не только учителя. Говорили о нем и в деревне. Не прощая ему допущенного тогда проступка, многие в то же время с удовлетворением отмечали, что на новом месте, в соседней области, Иван Кузьмич работает довольно успешно и ведет себя с достоинством.

Запомнились мне беседы с хозяином дома, где я тогда жил, с Данилой Матвеевичем Петровым. Данила Матвеевич был грамотен, имел свой взгляд на вещи и считался одним из самых дельных крестьян в округе. Долгое время он бригадировал в колхозе, года три работал председателем. Теперь по старости лет отошел от больших дел, но колхозной работы не пропускал.

Однажды, сам начав разговор об Иване Кузьмиче и выслушав меня о том, как тогдашние ученики переживали нравственное падение учителя географии, Данила Матвеевич заметил:

— Конечно, ваш учитель тогда, в ссоре, и не сказал вроде бы ничего особенного. Подумаешь, несколько бранных слов. Вон наш пастух, так тот никогда без них не обходится, да и другие мужчины не без греха. Да, слова одни и те же. Но ведь человек-то другой — учитель! Воспитатель детей! А значит, и мерка ему совсем другая. Мерка-то очень строгая для учителя. И правильно: не выдержишь, и ничто тебя уже не спасет от детской обиды. И понятно, почему так переживали ученики, почему они не простили ему: была разрушена их вера, надежда на пример...

В другой раз Данила Матвеевич — и тоже в связи с беседой об Иване Кузьмиче — сказал:

— Учитель должен прежде всего *сам* заботиться о своем, как вы говорите, *нравственном авторитете*. Это его самое главное средство в работе. И такой авторитет, по-моему, определяется только двумя показателями: личным поведением и работой учителя. Только этим и ничем другим. Ни связями, ни расположением началь-

ства. Коль мы дали человеку звание учителя, его авторитет должен быть непререкаем. Если, конечно, этот человек сам себе не помещает, именно сам. Но тогда ему трудно, просто невозможно быть учителем, воспитывать других...

Когда я теперь думаю об Иване Кузьмиче, мне всегда вспоминаются слова старого колхозника.

Вспоминаются и давно усвоенные мною высказывания Н. А. Добролюбова в статье «Учитель должен служить идеалом для учеников»:

«Чем более учитель будет помнить, что ученики смотрят на него, как на существо высшее,— тем сильнее будет его влияние на детей... Но горе учителю, который неосторожным своим поведением, проявлением своих страстей перед учениками, разрушил это обаяние, которым был окружен в их глазах»¹.

«Некто сказал «самое несчастное отношение между учителем и учениками — то, когда в них закрадывается сомнение относительно познаний учителя». Мы к этому прибавим, что еще несчастнее положение учителя тогда, когда это сомнение детей касается его нравственных достоинств. Как только нравственное доверие потеряно или поколебалось хоть несколько, тотчас же и слово учителя теряет свою силу...»²

¹ Добролюбов Н. А. Избранные педагогические произведения. М.— Л., изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 159.

² Там же, с. 160.

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЫЗЛОВ

Верный путь научиться квалифицированно работать в школе — это не жалеть времени для изучения реальной жизни как можно большего числа школ, причем самых разных — городских и сельских, больших и малых, передовых и рядовых.

Десятки школ Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Литвы, Ставрополя, Смоленщины... Им я больше всего обязан тем, что знаю и умею. Привычка систематически посещать школы помогла мне встретиться с интересными, незаурядными педагогами, о которых далеко не всегда можно узнать из книг и журналов. Один из таких педагогов — Виктор Владимирович Лызлов.

С Виктором Владимировичем я встретился впервые в середине пятидесятых годов на областном совещании в Смоленске. До этого я много слышал о нем: человек с размахом, с большими замыслами, благодаря его энергии стала такой заметной Издешковская школа. Все это усиливало давнее желание непременно увидеться с педагогом, поговорить, посоветоваться.

И вот он на трибуне. Первый взял слово после окончания доклада о трудовом воспитании. В полувоенном френче, сутуловат, уже в годах. Бледные впалые щеки с нездоровым румянцем, но глаза полны энергии, задора, молодого блеска. Говорит ровным, спокойным голосом. Ни одного штампа, ни одной общей фразы. Чувствуется эрудиция, подкупает искренность. Все, что им сказано, глубоко и всесторонне продумано — и не сегодня, и не один раз. Навсегда врезалось в память: «Учитель должен знать жизнь колхоза, как свой учебник. Без этого ему не справиться с воспитанием сельской молодежи».

Выезжая в Издешково, я не стал предупреждать Виктора Владимировича, помня его слова: «Пожалуйста, в любое время. Не будет меня, встретят другие, да и сам я далеко не отлучаюсь. Разве что загляну в правление колхоза — там у меня всегда много вопросов».

Полторы сотни километров от Кобылкина до Издешкова я преодолел только к обеду, на второй день пути, а когда вошел в школу, сразу же был приглашен на совещание у директора.

Произошел очень досадный случай: старшекласник Семин Леша, работая на тракторе, временно переданном МТС колхозу, по небрежности «запорол» мотор, вывел из строя мощную машину, хотя был неплохо подготовлен в техническом отношении.

Обсудить происшествие собрались все учителя, комсомольский актив школьников, члены совета пионерской дружины.

Меня сразу же удивила формулировка вопроса: «О действенности нашей воспитательной работы». Я был тогда молодым директором, всего второй год руководил школой и в тонкостях формулировок не разбирался. Перед тем как написать свой первый в жизни план работы школы, я обошел немало школ и в нашем Хиславичском районе и в соседнем Монастырщинском. Читал я школьные планы и в областном институте усовершенствования учителей. И везде формулировки были примерно одинаковые: «О задачах воспитательной работы», «О проведении воспитательной работы», «О мерах по повышению эффективности процесса воспитания». Причем все это вопросы плановых педагогических советов, а тут внеочередное совещание. Как же анализировать *действенность* работы? В пору оценить лишь сам факт...

Удивляло и ведение совещания, вернее, вопросы директора, с которыми он обращался к учителям и представителям ученического актива. Так, выяснив у физика Наума Ильича, хорошо ли Семин Алексей знал технику и правила вождения трактора, Виктор Владимирович спросил:

— А достаточно ли он был подготовлен *нравственно*, чтобы управлять такой машиной? ДТ-54 — пятьдесят четыре лошадиных силы, собственно — пятьдесят четыре лошади, почти половина конного парка в прежнем Издешкове! Понимал ли он, чувствовал ли ответственность за это? Случись такое в старое время, пятьдесят четыре семьи стали бы нищими!..

Учителю математики Валентине Николаевне директор посоветовал вместе со специалистами колхоза подсчитать, каков может быть убыток от простоя такой машины в течение часа, суток, недели: ведь еще неизвестно, сколько пройдет времени, пока машина снова сможет работать.

— Все это, товарищи, должны непременно знать наши старшеклассники, а не только технику вождения трактора, — сказал Виктор Владимирович. — Это должна знать и вся школа: нам предстоит помочь колхозу исправить трактор и работой всего коллектива полностью возместить потери от его простоя.

Затем участникам совещания было предложено высказать свое мнение: каков уровень воспитанности незадачливого тракториста, что нужно сделать, чтобы избежать таких случаев в поведении ребят. Он попросил сравнить и оценить два таких факта. Первый факт: испортив трактор, будущий выпускник, оказывается, не особенно переживал, а, придя в школу, спокойно сообщал, что трактор остался в борозде и его нужно доставить в механические мастерские. И второй факт: неделю назад Семин Алексей, увидев в гардеробной школы, что его фуражка валяется на полу, устроил скандал дежурным. Чем все это объяснить? В чем нужно искать причины недостаточной действенности нашей работы?

Педагоги и школьники стали высказывать предположения,

спорить, доказывать, отстаивать свою точку зрения. Люди как бы думали вслух, что нужно сделать, чтобы происшедшее стало уроком, чтобы помочь провинившемуся и его сверстникам осознать все правильно, по-взрослому, по-советски. И тут я понял, что непредвиденное совещание превратилось в строгий анализ всей воспитательной работы, в поиск путей предупреждения «сбоев», преодоления формализма в школьной жизни.

Совещание закончилось тем, что Виктор Владимирович предложил ряду товарищей сейчас же пойти с ним в правление колхоза и договориться о ремонте трактора и о других работах.

— Извините, что пока оставляю вас, — сказал директор, уходя и поручая меня завучу. — Нужно скорее уладить возможный конфликт. Школа не имеет права наносить материальный ущерб колхозу, она всегда должна стремиться быть образцом порядочности перед обществом. В этом ее воспитательная сила.

Спустя несколько лет я узнал от директора школы, что в прошлом незадачливый тракторист Семин Леша, теперь Алексей Степанович, окончил сельскохозяйственный институт и стал одним из руководителей производства, руководителем умным, расчетливым и бережливым. Запомнившееся мне экстренное совещание в кабинете Виктора Владимировича и последовавшая за ним работа с учащимися не прошли даром. Видимо, неприятный случай с трактором помог юноше серьезно посмотреть на себя, на свои поступки, проникнуться заботой о родном колхозе, определить свое место в жизни. Иногда воспитывает не только хорошее и приятное. Все дело в том, какова позиция людей в каждой сложной ситуации, насколько едины и сильны их убеждения...

В первый свой приезд в Издешково я обошел всю школу, побывал на уроках, на методическом занятии с классными руководителями, присутствовал на беседах директора с учителями по разным вопросам.

Издешковская школа в то, послевоенное время размещалась в нескольких приспособленных старых помещениях; для нового, типового учебного здания фундамент лишь закладывался. Но внутренний вид классов, кабинетов, мастерских и рекреаций мало чем выдавал, что они занимают помещение старого клуба, контор, жилого дома.

Во всех школьных зданиях — печать продуманности, заботы и постоянного внимания. Есть все, что необходимо, и ровно ничего лишнего. Чисто, опрятно, несколько строго, даже педантично. Сразу вспомнились слова, сказанные о Лызлове в областном отделе народного образования: «Живет интересами школы, колхоза, много сил отдает развитию сельского хозяйства...»

Вид школы воскресил в памяти и ту фразу, что показалась мне очень важной в выступлении Виктора Владимировича в Смоленске: *о необходимости знания жизни колхоза каждым учителем сельской школы*. На плакатах, расположенных на стенах учебных помещений, в материалах альбомов и специальных стендов

отражена была вся история колхоза и района, их нынешний день и перспективы развития. Здесь приводились самые важные показатели развития экономики и культуры, роста урожайности полей и производительности ферм, а рядом — имена и фотографии лучших людей деревни. В мастерских и кабинетах машиноведения я увидел, как мне объяснили, все самое новое, что составляет техническую основу современного местного хозяйства, — в фотографиях, схемах, в натуральных экспонатах.

В самом обширном помещении — актовом зале — я пробыл несколько часов, рассматривая постоянную школьную выставку с необычным в то время названием: «Мы — нашему колхозу». На выставке с периодически обновляемой экспозицией было много разделов: юннатская работа и сельскохозяйственное опытничество, рационализация и техническое творчество, работа ученической производственной бригады, культурно-массовая работа в селах школьного микрорайона, материалы изучения крестьянских династий, рейды тимуровцев.

Удивляло не только обилие хорошо оформленных экспонатов. Нравилось и отношение к выставке самих школьников. На каждой перемене и после уроков, пока я был в зале, ко мне подходили мальчики и девочки, предлагая быть экскурсоводами. Они знали свою выставку, гордились ею.

Когда я поделился своим впечатлением с Виктором Владимировичем, он, улыбаясь, заметил:

— Это хорошо. Наши воспитательные мероприятия чего-нибудь стоят лишь до тех пор, пока к ним проявляется именно такое, заинтересованное отношение детей. Малейшее равнодушие здесь пагубно, опасно. Добиваться, чтобы наши питомцы не были равнодушны ко всему, что проводится в школе, — в этом залог успеха. Мы часто забываем простую и важную истину: ребята неравнодушны, если дела школы считают своими делами и участвуют в них с охотой, активно. Как только исчезают активность и инициатива ребят, так в школе становится скучно, и усилия педагогов уже не достигают цели.

Активность и инициатива ребят. Этого добивались издешковские учителя не только при оформлении школьного здания. Такой задаче была подчинена вся педагогическая работа школы. Я замечал это на всех уроках, которые посетил в тот раз, в характере и направленности разговора на заседании методических комиссий, в содержании директорских бесед с молодыми коллегами.

Я возвращался домой в свою Кобылкинскую среднюю школу, чувствуя огромный прилив сил, большое желание работать, обязательно что-то пересмотреть, начать делать по-новому. Я по-хорошему завидовал Виктору Владимировичу. Надо же, сколько сделать за какие-то три-четыре года! А ведь до этого школа считалась в числе отстающих...

Я заметил тогда и другое, не менее важное обстоятельство: большую сработанность педагогов Издешковской школы, *единство*

их стремлений, вдохновение и жизнерадостность. Не в этих ли качествах коллектива ответ на вопрос, почему так быстро шагнула вперед эта школа?

В последующие годы побывать в Издешкове мне не пришлось: мешали разные обстоятельства, и прежде всего переезд из Хиславичского района в Вязьму. С Виктором Владимировичем мы встречались лишь в областном центре — на совещаниях, семинарах и педагогических чтениях. Он часто выступал здесь с докладами и лекциями. Связь обучения и воспитания с жизнью, социальная функция массовой школы, подготовка детей и молодежи к труду — таковы основные темы его выступлений.

Нам нравилось, что Виктор Владимирович, рассказывая об опыте своей школы, не перечислял, как это еще принято, множества мероприятий, а раскрывал *смысл* всего того, что делалось коллективом педагогов, показывал как некую попытку достигнуть более полного воплощения идей коммунистического воспитания: всестороннего и гармонического развития человека, воспитания активной, трудолюбивой личности. Именно с позиции этих великих идей он рассматривал и достижения школы, и ее недостатки. При этом больше, пожалуй, говорил о недостатках, о путях преодоления их усилиями учителей и общественных организаций школьников.

Слушая Виктора Владимировича, мы получали самые новые сведения из области педагогики и психологии. Оратор с большим уважением говорил о помощи науки делу воспитания, сетуя на то, что его коллективу порой не хватает умения применить положения теории на практике. Мы всегда ждали выступлений Лызлова. Они помогали нам правильно оценивать собственную работу, находить ее слабые стороны. Это были выступления не рядового практика, а опытного педагога, для которого наука и живое дело воспитания составляли одно целое.

Главные положения, которые всегда отстаивал Виктор Владимирович, говоря *о подготовке школьников к производительному труду*, сводились к следующему. Первое: нельзя дать молодому поколению села широкую социальную ориентацию без глубокого понимания им значения, характера и научных основ современного сельскохозяйственного производства, труда в различных его отраслях. Второе: подготовку учащихся к жизни и труду в социалистической деревне может осуществить лишь тот педагогический коллектив, который хорошо знает сельское хозяйство, современное его состояние и проблемы. Именно педагогический коллектив как целое, а не отдельные учителя, преподающие естественнонаучные предметы. Третье: подготовка к жизни и труду должна иметь четко выраженный нравственный аспект. И наконец, четвертое: сельская общеобразовательная школа должна аккумулировать все лучшее и передовое из жизни и культуры современного общества, активно внедрять прогрессивное в окружающую действительность, в жизнь социалистической деревни.

Снова я встретился с Виктором Владимировичем, когда стал

работать в Сафоновской школе-интернате, которая расположена в двух десятках километров от Издешкова.

Строительство нового школьного корпуса в Издешкове еще не было закончено, но как изменился вид старых помещений! Появились новые учебные приборы; мастерские из учебных превратились в учебно-производственные, оформление каждой классной комнаты полнее отвечало запросам детей определенного возраста; материалы по истории колхоза и района, как и все средства наглядности, были значительно обновлены, добавился стенд «Передовики колхоза — выпускники школы».

Узнав, что месяца через два намечается переход в новое учебное здание, я высказал директору сомнение, нужно ли было заново оформлять старые здания на такое непродолжительное время.

Виктор Владимирович не согласился со мной:

— Мы, вероятно, по-разному смотрим на школьную наглядность,— сказал он.— Я считаю, что оформление помещений, куда дети приходят учиться, служит не только украшению. И еще: нельзя входить в новый учебный год, даже на самое короткое время, если в школе все по-прежнему, ничего не обновлено. Школа должна воспитывать своих питомцев непрерывно, постоянно, каждой деталью своего убранства.

Виктор Владимирович в основном был доволен сделанным учащимися и учителями для подготовки к новому учебному году. Особенно он гордился заново оборудованным кабинетом физики и техники, который назвал школьным политехническим музеем.

— Это музей, где постоянно работают и отдыхают,— добавил Виктор Владимирович. Прикинув, сколько ребят за столами кабинета, он тут же заметил Науму Ильичу: — Каждый прибор чего-то стоит лишь тогда, когда им занимаются дети. Наверно, опять поздновато открыли двери: здесь теперь могло быть куда больше желающих.

Не стану утомлять читателя подробным описанием этого политехнического музея. Когда через год мне пришлось побывать в лучших школах Смоленска, я нигде не нашел ничего подобного ни по богатству оборудования, ни по дидактической культуре размещения экспонатов, ни по организации работы с учащимися после уроков. А ведь школа Виктора Владимировича находилась в сельском районе, более чем в ста километрах от областного центра!

В беседах о работе музея Виктор Владимирович больше всего говорил о необходимости расширения *политехнического кругозора каждого учителя, что особенно важно в условиях села.*

— Давайте вспомним, как называется наша, советская школа. Общеобразовательная, трудовая, политехническая. Об этом никогда нельзя забывать. А будет ли школа политехнической, если политехнизм как принцип всей учебной и воспитательной работы внедряется лишь двумя-тремя учителями-предметниками, ну скажем, физиком, химиком, биологом?

Виктор Владимирович увлеченно доказывал, что даже сама

будничная работа с детьми требует от каждого учителя политехнических знаний, политехнических умений и навыков. Без этого, например, классному руководителю-гуманитарию невозможно провести грамотную экскурсию на сельскохозяйственное производство. В противном случае его роль сведется только к тому, чтобы присутствовать на экскурсии и «пасти» детей, а это крайне плохо отражается на воспитательном процессе.

Из беседы с директором я узнал, что расширение политехнического кругозора всех учителей, хорошее знание ими сельскохозяйственного производства, прежде всего земледелия и животноводства, являются одними из главных задач методической работы в Издешковской школе. Этому подчинены и специальные занятия с учителями в политехническом музее, и встречи со специалистами колхоза, и экскурсии на производство. Такая направленность профессионального роста учителей школы сразу заявляет о себе, как только вы заходите в методический кабинет: здесь подобрано немало книг, брошюр, журнальных статей по различным вопросам сельскохозяйственного производства, по политехническому обучению.

Однажды, приехав в Издешковскую школу, я оказался на открытом уроке. Виктор Владимирович недолюбливал эту форму методической работы с учителями, видя в ней много показного, неоправданного с точки зрения нравственного воспитания.

— На таких уроках не исключены нравственные просчеты во взаимоотношениях учителя с детьми. Там, где нужно что-то показать, и показать обязательно хорошее, не всегда обходится без искусственности, без заранее подготовленной инсценировки.

Но в его школе открытые уроки все же иногда проходили.

Открытый урок, на который я попал, был в IX классе; вела его Анна Ивановна — учитель литературы. Анна Ивановна была тогда молодым специалистом, в старших классах работала всего второй год, окончив заочно педагогический институт. До того, после педагогического училища, она пять лет работала с младшими школьниками, и с ними у нее получилось неплохо: дети любили ее, имели прочные знания, а главное — занимались с интересом. Работать бы ей с малышами, в этом ее настоящее призвание, считал директор. Так нет, потянуло в старшие классы: дескать, любовь к литературе. Виктор Владимирович знал, что здесь другая причина: ложное убеждение, будто работа в начальных классах менее авторитетна, чем в старших. Какое заблуждение!

В старших классах Анна Ивановна начинала робко, не все у нее ладилось. Она часто приходила с урока в учительскую с плохим настроением. Ей помогал Семен Семенович Ключенков — учитель литературы с солидным стажем, помогали и другие педагоги. И сегодня открытый урок в IX классе проводился не с целью показа достижений или методических находок Анны Ивановны. Нужно было вместе, коллективно разобраться, какие трудности испытывает молодой учитель, в чем необходимо оказать помощь.

Урок, однако, понравился. Все коллеги находили большие перемены к лучшему, поздравляли Анну Ивановну, желали ей успехов. Положительно отзывался об уроке и Виктор Владимирович. Он похвалил Анну Ивановну и указал на многое хорошее: на основательность знания учителем материала темы, эмоциональность изложения, живую манеру речи, наконец, на естественность обстановки, хотя присутствие посторонних мало способствовало непринужденности в классе. Но вот с обратной связью не очень ладится. Поручится ли Анна Ивановна за то, что все ученики усвоили тему, ее основные понятия, особенно те, кто послабее? Почему не были слышны их голоса, почему весь урок они оставались вне поля зрения учителя? Нужно было заняться ими, даже рискуя что-то не завершить по намеченному плану.

— Зачем, товарищи, мы так часто спешим? — обратился Виктор Владимирович к присутствующим. — Кому нужна эта обязательная «законченность» урока? Для обучения и воспитания важнее всего другое: чтобы мы не делали ни шага вперед, пока не убедимся, что новое, сказанное нами, усвоено всем классом. Тогда и «спешить» будет легче.

Все согласились. Анна Ивановна тоже. В самом конце обсуждения, чтобы подчеркнуть, как она старалась лучше подготовиться к нынешнему занятию, она сказала:

— На уроке всегда оказывается сложнее, чем думаешь накануне, а я так надеялась на это занятие. Ведь мною полностью использован план урока, разработанный одним из лучших учителей столицы и опубликованный в журнале. Честное слово, полностью.

— Позвольте, Анна Ивановна, разве дело в плане? — спросил Виктор Владимирович довольно громко, и все остановились у дверей кабинета.

Меня удивил этот вопрос. Помнится, не так давно Лызлов сам прочел большую лекцию о том, как составлять разные планы, в чем их значение, и долго доказывал, что всякую работу в школе нужно планировать. А здесь, у себя в школе, говорит обратное: «Разве дело в плане?» Где же логика?

Анна Ивановна молчала. Она растерялась и не знала, что ответить директору. Заметив ее смущение и реакцию других педагогов, Виктор Владимирович пояснил:

— Планы, конечно, необходимы, но они говорят только о том, *что* нужно сделать. *Как* сделать, этого они не скажут. Мысль, что планы могут заменить личность учителя, весьма опасна. Без педагога, без его души, без его умения быстро ориентироваться в любой, даже неожиданной обстановке план урока ровно ничего не стоит...

Увидав меня однажды на совещании в районном отделе народного образования, Виктор Владимирович спросил, как в нашей школе-интернате с проблемой «двойки», правда ли, что мы уже добились полной успеваемости.

В перерыве Виктор Владимирович снова заговорил о *проблеме*

успеваемости. Я подумал, что это неспроста: видимо, что-то тревожит опытного директора. И спросил его об этом.

— Да, ничего особенного. Просто вспомнился недавний случай перед выпускными экзаменами. Одна мамаша около часа убеждала меня, что не случится ничего плохого, если я повлияю на учителей, чтобы они поставили ее чаду хорошие и отличные оценки. «Что вам стоит это сделать? — говорила она. — А мальчик скорее найдет свою дорогу...» Видите: «Что вам стоит?» А стоит это многого, и самое главное — потери школой своего нравственного авторитета. Я сам ежедневно борюсь за каждую положительную оценку в школе, но поставить ее просто так, простите, не позволю ни себе, ни другим. Вот, будете у нас, обратите внимание на одну меру, которую мы приняли, чтобы такого не происходило.

Мера эта оказалась обыкновенным стендом со списком выпускников, которые после окончания школы поступали в техникумы и институты. Против фамилии каждого выпускника стояли отметки из его аттестата зрелости и на вступительных экзаменах в специальные учебные заведения. Стенд помещался в вестибюле школы, и его могли видеть учащиеся, учителя, родители, все, кто приходил в школу.

Если оценки школы и вуза совпадали или на вступительных экзаменах знания абитуриентов оценивались выше школьных, то учитель по данному предмету уже не нуждался в том, чтобы его авторитет как специалиста кто-то специально поддерживал. Если такого совпадения не было или вступительные оценки в вуз оказывались ниже школьного балла, учителю становилось труднее. Обычно такие учителя, по рассказу Виктора Владимировича, отправлялись в тот или иной вуз, беседовали там с членами приемных комиссий, а потом докладывали на заседании педагогического совета школы о результатах.

Виктор Владимирович много говорил об авторитете школьной отметки, доказывал, что истинность школьной отметки — это лицо учительского коллектива, что отметка успеваемости является категорией нравственной.

С учителями школы Виктор Владимирович работал постоянно. Уже обычное ежедневное общение с директором помогало каждому из них становиться лучше, целеустремленнее, узнавать что-то новое. Общее мнение учительского коллектива хорошо выразила заслуженная учительница школы РСФСР Таисия Антоновна Семенова: «Одного его доброго взгляда было достаточно, чтобы у нас прибавлялись новые силы. Ни одна встреча с этим замечательным человеком не проходила бесследно для нашего роста. Видя и слыша своего Виктора Владимировича, мы легче переносили неизбежные трудности в работе, не жалели сил и времени, чтобы быть на уровне его высоких профессиональных требований».

У Виктора Владимировича была своя система работы с *учителями*, и прежде всего с молодыми, *начинающими*. Научные доклады на педагогическом совете, читательские конференции по наиболее важным новинкам из области педагогики и психологии, за-

седания методических комиссий и объединений, консультации, коллективный анализ характеристик учащихся — вот наиболее характерные формы работы с педагогами школы. Два раза в год — в конце первого и второго полугодия — на педагогическом совете обязательно слушался вопрос: основные итоги контроля за состоянием учебно-воспитательной работы. Обычно по этому вопросу выступал сам директор. Он показывал, что за истекшее полугодие выявлено нового в опыте учителей, как это новое рекомендуется внедрять на какие недочеты нужно обратить внимание коллектива.

При анализе недочетов и упущений в работе учителей директор был очень осторожен: ни одного необоснованного вывода, ни одного резкого слова. Такая же осторожность и осмотрительность проявлялась им и при посещении занятий коллег, в манере анализировать увиденное и услышанное на уроках. Об этом он не раз говорил сам, и я запомнил его слова на всю жизнь.

— Знаете, я убежден, что посещение занятий учителя — это вовсе не благо: не благо для класса, не благо и для учителя. И посещать уроки других мы можем лишь по двум причинам: если нужно изучить опыт педагога или оказать ему срочную помощь. Урок в условиях его посещения мало что дает детям и очень много отнимает нервной энергии у учителя. Я не верю, что есть учителя, которые легко переносят присутствие в классе посторонних. Даже если дающий урок — педагог с большим стажем работы. Поэтому посещение уроков руководителями школы — это исключительно ответственное дело. Отсюда возникает необходимость соблюдения трех важнейших условий таких посещений: самой тщательной подготовки к посещению, исключительного такта на уроке и особой корректности при обсуждении урока с учителем. И не только корректности: учитель должен получить от нас такие советы и рекомендации, чтобы уже завтра он смог вести занятия хотя бы немного лучше. Без этого наше посещение уроков неоправданно.

Многие недостатки в работе молодых специалистов директор относил за счет педагогических учебных заведений, их программ, методик обучения студентов.

— Не всегда наши вузы добиваются того, чтобы педагогические знания студентов превращались в их профессиональные убеждения, в инструмент повседневной работы,— сказал как-то Виктор Владимирович, выходя с нами из класса, где только что проходил урок молодой учительницы.— Поэтому-то неопытный учитель, столкнувшись с конфликтной ситуацией или, что чаще всего, сам ее создав, порой забывает о выводах педагогики. Он руководствуется лишь своим опытом, который, увы, очень мал и редко когда помогает делу...

Обнаружив недостатки в профессиональной подготовке молодого учителя, директор сразу же оказывал ему необходимую помощь: беседовал с педагогом, разбирал конкретную ситуацию на уроке, просил опытных коллег взять шефство над новичком.

Умер Виктор Владимирович Лызлов в 1964 году. Незадолго до этого ему было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Все знали, что директор был давно и тяжело болен: здоровье у него отняла война. Но за все годы работы в Издешкове Виктор Владимирович ни разу не воспользовался больничным листом. Он самоотверженно руководил большим педагогическим коллективом, вдохновлял своим примером учителей и учеников, активно участвовал в жизни села как партийный пропагандист и агитатор.

Мне пришлось побывать в Издешкове после смерти Виктора Владимировича. И в новой школе, и в поселке глубоко чтут память этого талантливого педагога, мужественного воина, убежденного коммуниста, прекрасного человека.

Я прошел к местному кладбищу. Был сентябрь. Была первая половина рабочего дня. На могиле Виктора Владимировича Лызлова лежали свежие цветы. Таких людей не забывают...

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ НА ПОТОЛКЕ!

В последние годы мне часто звонят из областного института усовершенствования учителей, из педагогических кабинетов районов, из школ: не могу ли я выступить с лекцией о новом в методике учебной работы, о дидактических приемах активизации учебного процесса.

Тема эта стала теперь очень модной. Разумеется, в большом интересе к методике ничего плохого нет. Только здесь необходимо полнее учитывать важнейшее условие, при соблюдении которого методика действительно сможет стать настоящей помощницей учителю: методика должна способствовать превращению знаний учащихся в их личные приобретения, в богатства их духовного мира, в убеждения и мировоззрение детей.

Не могу забыть два случая из своей директорской практики в Хиславичском районе Смоленской области.

За неделю до начала учебного года — второго года моей работы директором школы — к нам приехала молодая учительница Надежда Петровна. В Кобылкино ей предстояло начать свой педагогический путь: первые самостоятельные уроки биологии, первые классные часы, первые встречи с родителями своих воспитанников.

Надежда Петровна сразу же понравилась всем учителям школы. Человек общительный и очень подвижный (что можно принять и за энергичность), она в течение двух-трех дней успела сойтись с каждым в коллективе: побеседовать, что-то узнать, о чем-то рассказать, и все мы были рады, что начинаем новый учебный год вместе с нею. В первую же неделю Надежда Петровна сумела встретиться и с учащимися класса, где ей предстояло быть руководителем, поговорить с ними о прошлых и будущих делах и даже организовать уборку классной комнаты. К Надежде Петровне быстро привыкли, всем казалось, что она уже давно работает в нашей школе.

Первый мой разговор с новой учительницей показал, что она неплохо подготовлена методически. Она знала фамилии известных дидактов, популярные в то время направления в методике — липецкий опыт, индивидуальный подход и другие. Этот разговор и проявленный Надеждой Петровной интерес к фонду школьной библиотеки укрепили меня в мнении, что она довольно быстро войдет в роль учителя и не встретит серьезных затруднений в своей преподавательской работе.

Чтобы руководить учителями, директору школы нужно знать, как

каждый из них чувствует себя на уроках, при проведении внеклассных занятий, в общении с детьми. Поэтому директору необходимо видеть работу учителей, пусть не так часто, как порой предписывают школьные инспекторы, но обязательно *видеть*. Особенно нужны так называемые ознакомительные посещения уроков и других занятий с учащимися у начинающих учителей.

Известно, однако, что когда на уроке кто-то присутствует, то обычно опытный учитель выполняет часть работы как бы специально для проверяющего. Это уже в природе вещей. Для начинающего учителя такие уроки особенно сложны.

Чтобы дать возможность молодому учителю освоиться и увереннее чувствовать себя, я начинал свои ознакомительные посещения не ранее чем через две-три недели после начала учебного года. К Надежде Петровне я пошел на урок недели через три. Думалось, что у нее, такой активной, начитанной, и без моей помощи все идет хорошо.

Я решил побывать у Надежды Петровны лишь в одном ее классе, IX «А». Причем расписание у нас было составлено так, что уроки, на которые я наметил свои посещения, учительница проводила уже во второй раз, после IX «Б». Я предупредил Надежду Петровну, что буду на всех уроках по теме — вплоть до подведения итогов. Это немало, шесть занятий, но мне казалось, что только так можно составить представление о складывающейся системе работы учителя и оказать ему необходимую помощь.

Вот мы входим в класс. Я сажусь на последнюю парту. Надежда Петровна приступает к своему первому уроку в присутствии директора школы. И сразу неожиданность — учительницу не узнать: неестественный голос, скованность движений, лицо и шея покрываются красными пятнами. Ребята переглядываются, кое-кто пожимает плечами.

Минуты через три-четыре Надежде Петровне удастся несколько справиться с наступившей вдруг растерянностью. Она более внятно задает вопросы, называет фамилии учащихся, пытается вести намеченный опрос по пройденной теме. Правда, до нормального ритма еще далеко, но, по крайней мере, учительница уже не сорвет урока. Слушаю я ее и не перестаю удивляться: почему такая реакция? Ведь до этого в беседах со мною и другими учителями Надежда Петровна вела себя естественно, была активна и весела. Шли мы вместе на урок по длинному коридору, и до самой классной комнаты никаких заметных изменений в педагоге не происходило, а в классе вдруг все так переменялось! Что это? Может быть, слабые нервы?

Опрос подходил к концу. Теперь, видимо, все пришло в норму. Только повторение прошлого материала — о многообразии и приспособляемости организмов в природе, который обычно вызывает желание учащихся высказаться, поспорить, узнать дополнительно что-то новое, — несколько не возбудило воображение ребят.

Несколько настораживала и реакция самой учительницы: казалось, она была совсем равнодушна к тому, о чем говорили школьники. Какая-то спешка, только и слышится: «Садись! Теперь такой

вопрос...», «Садись! Теперь такой вопрос...». Не сочла необходимым Надежда Петровна и полнее обобщить ответы ребят, напомнить классу о главном, основном. Взглянув на часы, учительница сразу же назвала тему урока и объявила, что приступает к объяснению нового материала.

В пятидесятые годы по биологии в девятых классах изучался курс «Основы дарвинизма». На этом уроке учительнице предстояло рассказать учащимся об одном из самых важных и самых увлекательных вопросов — об изменчивости организмов. Известно, что учение об изменчивости составляет суть эволюционной теории Ч. Дарвина, и от учительницы требовалось особое старание, чтобы донести до каждого ученика главные идеи этой теории. Здесь были необходимы аргументация, логическая стройность изложения и, конечно, неторопливость в раскрытии материала.

К сожалению, ничего этого в рассказе Надежды Петровны не было. Особенно насторожило ее поведение в первые минуты изложения новой темы. Робко повернувшись к классу, Надежда Петровна сильно покраснела, лицо ее выражало полную растерянность. Молча стояла она перед нами, рассматривая указку и перекладывая ее из одной руки в другую. Затем, словно опомнившись, Надежда Петровна заговорила.

Но что это была за речь? Создавалось впечатление, будто учительница поставила перед собою цель рассказать материал как можно быстрее, в самое короткое время. Ни одной паузы между предложениями, ни одной логической остановки между отдельными вопросами темы, ни одного повторения главной мысли, ее разъяснения, уточнения! Все подряд, все в очень быстром темпе, как будто педагог куда-то торопится поспеть.

Не скажу, что девятиклассникам не была дана достаточная информация. Нет, чувствовалось, что учительница много поработала над темой, использовала не только учебник и методическое пособие. Она совсем не заглядывала в план-конспект урока. Но весь этот материал мало что дал учащимся: просто им было трудно успевать за рассказом учителя.

Однако реакция класса, казалось, не особенно занимала Надежду Петровну. Рассказывая, она ни разу не обвела взглядом сидящих перед нею учащихся. Окно в классной комнате, дальний левый угол потолка, плакат у доски и указка в руке — вот на что смотрела Надежда Петровна во время изложения темы урока.

Закончив рассказ, учительница сразу же села за стол. По-видимому, она очень устала и не могла прийти в себя. Вскоре на ее лице появилось чувство облегчения: самое трудное позади! Проводя закрепление по новому материалу, учительница уже посматривала в сторону класса, а к концу урока довольно твердым голосом объявила домашнее задание.

Ранее я предполагал, что побеседую с Надеждой Петровной после посещения всех уроков темы. Но теперь чувствовалось, что

это необходимо сделать после первого же урока. Да и сама учительница ждала от меня каких-то слов.

В конце занятий в школе мы встретились. Я не стал придерживаться обычной схемы анализа урока. Было не до того. Необходимо как-то успокоить молодую учительницу и в то же время дать ей некоторые советы, чтобы она уже завтра чувствовала себя уверенней.

Я пытался внушить ей, что ее робость беспричинна, что нужно постараться быть спокойней, подавить в себе чувство неуверенности, научиться держать себя в руках. Я советовал ей не спешить при объяснении нового материала и опросе учеников, смелее работать со всем классом, поддерживать с ним постоянный контакт.

Правда, о самом главном, что меня особенно волновало, о причине ее боязни встретиться взглядом с учениками, я тогда прямо Надежду Петровну не спросил. Думалось, что это могло произойти потому, что на ее уроке впервые присутствовал сам директор школы. Кроме того, мне не хотелось своим вопросом смутить человека: иногда бывает лучше что-то не заметить, сделать вид, что не заметил...

В конце нашей беседы я спросил, согласна ли Надежда Петровна, чтобы я снова пришел к ней на урок, или, может быть, недельки две переждать. Но она ответила, что не следует изменять намеченное и что она будет стараться вести себя смелее.

— Самый большой страх уже позади, теперь должно быть легче и лучше, — сказала она, чуть улыбнувшись. Я пожелал ей успехов.

Следующие уроки действительно получились лучше. Я уже не замечал робости и неестественности в поведении учительницы, что были на первом уроке. Более приемлем стал и темп ее рассказа. С каждым уроком она все смелее включалась в работу с учащимися — в ходе опроса было заметно ее внимание к содержанию ответов, при закреплении пройденного не обходилось без замечаний учительницы, которая стремилась активизировать класс.

Все, казалось, изменилось к лучшему. Но на всех уроках, которые я посещал в течение месяца, Надежда Петровна так и не решилась посмотреть в глаза своим ученикам во время объяснения новой темы. Как только начинался рассказ учительницы, она сразу утрачивала естественность отношений с учащимися и смотрела то в окно, то в дальний левый угол потолка...

В заключительной беседе я все же решился спросить Надежду Петровну, в чем причина такой перемены в ее поведении, когда она приступает к рассказу. Молодая учительница смутилась, пожала плечами и ничего не ответила мне.

Причину этого загадочного явления я узнал года через полтора. К этому времени Надежда Петровна окончательно освоилась с обязанностями учителя. Уроки она давала хорошо, в классе вела себя уверенно, смело. Как-то в непринужденной обстановке я напомнил Надежде Петровне о ее первых уроках, и она, как человек честный и откровенный, грустно посмеиваясь над своими прежними неудачами, призналась:

— Конечно, было страшновато, на уроке ты не одна, да и опыта никакого. Но не в этом главное. Я слабо знала материал. В вузе бывает всякая успеваемость, даже и такая, что после экзамена все забывается. Так и со мной. Я ведь, работая в детском садике, училась по вечерам и не все успевала сделать.

Потом добавила:

— Вот из-за этого и в школе почти год мучилась. Придет вечер, готовлюсь к урокам, вот уж, кажется, целые страницы знаю наизусть, а переступлю порог класса, и сразу берет какая-то робость. Почему не смотрела на ребят? Боялась, что кто-то отвлечет и я собьюсь, забуду, о чем говорила... Нет, какая там методика при таких знаниях!

«При таких знаниях...» Посещая тогда уроки Надежды Петровны, я, признаться, не думал, что «такие знания» были главной причиной неестественного поведения молодой учительницы, особенно при объяснении нового материала. Оказывается, все, о чем она рассказывала, не прибегая к конспекту, было просто заучено наизусть, заучено в спешке, к данному уроку, а не продумано и осмыслено заранее.

Из Дистервега я помнил, что этот выдающийся педагог называл истинными знаниями человека только те, которые стали частью его души, его мыслями и чувствами, без них он не представляет себе возможным работать и жить. Такие знания нужны учителю, лишь с ними он сможет сделать образованными своих воспитанников. «Чего не имеешь сам, того не передашь другим», — не раз повторял «учитель немецких учителей».

Первые уроки Надежды Петровны и ее откровенное признание помогли мне лучше понять и оценить мудрые слова великого педагога прошлого века.

Надежда Петровна оказалась очень ответственным и трудолюбивым человеком. Это помогло ей довольно быстро преодолеть недостатки трудно сложившегося у нее вузовского обучения. Настойчивая работа по самообразованию, ставшая привычкой, сделала Надежду Петровну хорошим биологом. К ней пришли и серьезные знания, и настоящее мастерство. Лет через десять она была уже известным в районе методистом.

Однако нередко процесс «доводки» вузовских знаний учителя затягивается надолго. Не в этом ли кроется одна из причин недостатков в школьном преподавании? Не поэтому ли у некоторых учеников отсутствуют прочные знания и нет устойчивого интереса к знаниям?

Методическая эффективность ведения урока находится в прямой зависимости от того, насколько *свободно* владеет учитель знаниями, которые он передает своим ученикам.

Это было уже в Сафоновской школе-интернате, и сравнительно не так давно. Меня пригласили на открытый урок по литературе в VII классе, который вела Анна Антоновна Расталова.

В интернате установился порядок, что педагог, отвечающий за всю воспитательную работу в классе, непременно давал в нем и уроки по своему учебному предмету. Анна Антоновна, приехав к нам

по переводу и получив как воспитатель группу семиклассников, стала преподавать им русский язык и литературу.

Замечу, что такое распределение учебной нагрузки в школе-интернате имело определенные преимущества перед делением всех поручений в коллективе между только учителями и только воспитателями. Это помогало организации процесса обучения и профессиональному росту учителей: небольшое количество уроков позволяло педагогу лучше подготовиться к каждому занятию, а совмещение воспитательной работы с учебной избавляло от опасности забыть свою специальность, полученную в вузе.

Анна Антоновна окончила историко-филологический факультет педагогического института и до перевода в интернат имела уже пятнадцатилетний стаж преподавания в школе. Это и удерживало меня от посещения ее уроков, пока не наступил день проведения открытого занятия, запланированного учебной частью.

В классе изучалась поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри», проходил один из последних уроков по теме. Ребята читали наизусть заданные отрывки, отвечали на вопросы учительницы. С пояснениями Анны Антоновны демонстрировались кинофрагменты, а через магнитофон — образцы художественного чтения знаменитого произведения. На стене то открывались, то закрывались репродукции картин и рисунков к поэме. В течение нескольких минут учащиеся работали с индивидуальными карточками-вопросниками. Была даже попытка использовать перфокарты для установления эффективной обратной связи. Во время закрепления Анна Антоновна по примеру эстонских педагогов организовала самостоятельную работу групп по три-четыре ученика, дав каждой из них специальное задание.

Словом, на этом уроке были представлены все новинки, рекомендуемые методическими пособиями и статьями из педагогических журналов.

И все же серьезного, продуманного и педагогически оправданного процесса обучения и воспитания детей не получилось. Создавалось впечатление, что некая сила свалила все методы и формы работы в одну кучу, боясь что-либо упустить. Хотелось крикнуть: «Хватит!» — и распустить ребят: уж лучше пусть резвятся, чем так проводят время на уроке.

И на этом и на следующих занятиях Анна Антоновна (а после открытого урока я посетил их немало) ребят нисколько не удивляло использование учительницей многообразия средств и приемов. Не удивляло и не активизировало. Но почему? Скорее всего потому, что детям не была понятна логика действий учителя, их смысл, они не чувствовали убежденности педагога в необходимости именно такого построения урока.

Может быть, на первых уроках это обилие методов и приемов и производило впечатление, но потом ребята перестали работать. И когда Анна Антоновна, прервав свое объяснение, со словами: «А теперь, ребята, давайте слушаем, это нам поможет лучше понять...» подходила к магнитофону, в классе начинался насмешли

вый шепот: «Да, да, обязательно слушаем». Она подходила к киноаппарату, а класс с иронией замечал: «Да, да, теперь посмотрим. Это очень интересно!»

Более того, на всех уроках Анны Антоновны ее семиклассники были заняты общей игрой, в ходе которой ученики фиксировали на специальных карточках, сколько раз учительница использовала те или иные приемы и средства, какие слова она произносила, какие вопросы задавала, а затем сравнивали результаты с предполагаемой реакцией Анны Антоновны. Кто угадывал большее количество раз, получал звание «телепат», «лучший телепат» и т. п.

Всего этого учительница не замечала. Она несколько не сомневалась, что ученики были заняты активной работой в классе. Их излишняя говорливость и суетливость воспринимались педагогом за положительный результат ее усилий. Своими достижениями в классе учительница была довольна и на замечания коллег реагировала болезненно, иногда со слезами.

Педагоги интерната видели, как много времени отдавала Анна Антоновна подготовке к каждому занятию. Ею тщательно подбирались приборы, наглядные пособия. Заведующий кабинетом учебных пособий не знал покоя от этой учительницы, даже после окончания рабочего дня. Каких-то шесть ее уроков в неделю отнимали больше времени, чем подготовка всех учителей.

Коллеги не могли не видеть, как усердно работала Анна Антоновна с учебником, хрестоматией, методическими пособиями. Я, например, не помню случая, чтобы Анна Антоновна на перемене беседовала со своими коллегами. Нет, у нее всегда было лишь одно занятие — чтение того, что нужно для ее урока в классе.

Как отвечали на уроках у Анны Антоновны? Отвечали в общем-то неплохо. Я давно пришел к убеждению, что у таких учителей, как Расталова, которые не очень-то уверены в собственных знаниях, особенно высоки требования к ответам учеников. Такие учителя ни за что не поставят положительной отметки, тем более самой высокой, пока не спросят школьника обо всем, что есть в учебнике.

И ребята отвечали у Анны Антоновны, но их знания были мало связаны с ее уроками, они давались в основном самостоятельной работой учеников. Многие из них еще до Анны Антоновны любили литературу и язык, и эта любовь давала о себе знать. Правда, однажды — было это года через три после открытого урока — Анне Антоновне прямо заявили, что ее авторитет учителя невысок, что она не так уж много знает, чтобы придирается к ответам учеников. В других условиях такого, возможно, не произошло бы, но Анна Антоновна работала в школе-интернате, а здесь состав воспитанников был довольно трудный — большинство из тяжелых семей или сироты. Ребята, в особенности старшеклассники, отличались особой ранимостью, могли сгоряча ответить резко, грубо, а потом, опомнившись, чувствовали себя виноватыми...

Проводя опрос по теме «Творчество Л. Н. Толстого», Анна Антоновна вызвала отвечать воспитанника, у которого за все годы,

что она преподавала, не было ни одной приличной оценки по литературе. По всем предметам твердые четверки, даже пятерки, а по литературе троечки или даже двойки.

Это был Антипов Юра, в прошлом мальчик очень «трудный». За последние два года он стал серьезней, собранней. У Юры появилась цель в жизни — стать военным врачом, а для этого нужно было хорошо закончить школу. Вот откуда и прилежание в учебе. Беспокоила оценка по литературе, хотя читал Антипов не меньше других, многие поэтические произведения знал наизусть.

Свои неудачи по литературе Юра объяснял исключительно одним — плохим отношением к нему учительницы. Она никогда не давала ему возможности ответить так, как он считал нужным, по своему, не как в книжке, никогда не сказала ему доброго слова. Одни замечания, осуждающие покачивания головой. Вот и сегодня, назвав его по фамилии (других-то она зовет по имени!), Анна Антоновна нахмурила брови, нервно прошла у стола.

Юра стал отвечать на вопрос о художественных особенностях романа «Война и мир». Говорил, кажется, все, что нужно. Этот роман он знал, первый раз прочитал его еще в VI классе. Но Анне Антоновне не понравился ответ Юры. Она несколько раз останавливала его, требуя, чтобы он что-то уточнил, что-то сказал снова. А когда Юра попытался заглянуть в учебник (о какой же особенности он забыл, что нужно от него учительнице?), Анна Антоновна сразу же предложила ему сесть. Она объявила, и, кажется, это доставило ей удовольствие, что за такой ответ ему больше двойки поставить нельзя. К тому же разве можно во время ответа заглядывать в учебник?!

И тут случилось непоправимое. Юра быстро поднялся и, не сдерживая раздражения, громко заявил:

— Мне, говорите, нельзя и за это двойка? А вам, когда рассказываете классу, можно? Вы ведь не обходитесь без конспекта! А почему не наизусть, как от нас требуете? Что же тогда вам поставить, какую отметку? Впрочем, мы не против, что вы объясняете по написанному. Только и нам не запрещайте. Иначе это несправедливо!

Кончилось все это плохо. Анна Антоновна заплакала, кое-как собрала со стола свои книжки, конспекты и бросилась за дверь. В учительской с ней случилась истерика.

К своим воспитанникам она наотрез отказалась пойти и попросила перевести ее в один из младших классов. С тех пор она уже не вела уроков.

Ушла Анна Антоновна из IX класса во II и совсем оставила преподавание по одной причине: не могла перенести обиды, нанесенной ей Антиповым Юрой и всеми воспитанниками группы. Ведь никто из ребят не проронил ни слова в защиту учительницы. Других причин Анна Антоновна не признавала. О понимании своего несоответствия требованиям учительской профессии или о каком-либо сомнении в подготовленности к работе не могло быть и речи. Такие

специалисты, как Расталова, редко упрекают себя за недостаточность знаний. Как правило, они полны чувства своей непогрешимости.

Посещая занятия в вузе, я замечал: когда преподаватель в прямом смысле слова читает лекции, т. е. постоянно пользуется написанным текстом, в аудитории больше невнимательных студентов, чем тогда, когда лектор наблюдает за работой сидящих перед ним юношей и девушек.

Для школьных занятий тем более важен контакт с аудиторией, умение педагога чувствовать реакцию учащихся, видеть их глаза, находить отклик в их сердцах, проверять истинность своего слова на ответах слушающих.

Я начал этот свой рассказ с разговора о методике, о том, что новые методические средства и приемы все больше привлекают внимание учительской общественности.

Методика — очень важный инструмент учителя, но она лишь тогда повышает эффективность преподавания, когда ею *умело* пользуется педагог, *глубоко* и *всесторонне* знающий предмет, основы наук.

Научная эрудиция учителя составляет основу его педагогической деятельности. Без нее невозможно положительно влиять на развитие у школьников интереса к знаниям, на процесс их всестороннего воспитания, на формирование у молодого поколения научного мировоззрения, твердых жизненных позиций.

Научная эрудиция включает и методическое мастерство учителя. Сами по себе методические приемы и средства мертвы. Лишь богатая личность педагога делает их эффективным инструментом в решении образовательных и воспитательных задач школы.

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ...»

Научная эрудиция учителя — эрудиция особого рода. Мне представляется, что об этом очень верно сказала известная советская писательница М. Шагинян.

«Для того чтобы зародить в ученике интерес к предмету, бросить в него «семя» самостоятельного мышления,— читаем мы в ее мемуарах «Человек и время»,— учитель сам должен быть охвачен интересом к этому предмету... Но учитель, стоящий в классе перед группой своих учеников, пусть даже влюбленный в свою науку и стремящийся ее передать, отнюдь еще не подлинный педагог; у него к этим качествам должно быть прибавлено то главное, необходимое свойство творца, которое можно назвать «верой в ответ», «верой в передачу». Он дает свои мысли, свое знание, свою захваченность не в пустоту, перед ним огромная, живая, воспринимающая сила, настроенные на прием сердца, мозговые извилины, нервные сплетения — та живая почва, куда падает его семя. И происходит факт взаимодействия».

И далее: «Все несчастья, падающие на голову учителя, все его «профессиональные болезни» возникают именно в сфере этого взаимодействия с классом: или оно не произошло по вине самого учителя, или возникло со знаком минус... И тогда все переходит либо в механическое «от — до», сорок минут урока, взаимное «вытерпевание» до освобождающего звонка, либо в настоящую трагедию учителя, который не хочет примириться с таким положением вещей»¹.

Лучше не скажешь.

И все-таки неоднократно проверено, если не считать случаев исключительных: учитель приобретает силу влияния на своих воспитанников, а значит, и создает условия для взаимодействия с ними прежде всего *знанием учебного материала*. Все другое, что также способствует росту его влияния и авторитета, обычно проявляется несколько позже, но знания — достаточно быстро, уже на первых уроках. И когда школьники убеждаются, что учитель хорошо образован, то одно это во многом определяет их отношение к его занятиям, к его слову, к нему самому как к личности.

Влияние научных знаний учителя на жизнь и поведение школьников огромно. Оно мобилизует детский ум и воображение, вызывает

¹ Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., Художественная литература, 1980, с. 134—135.

у каждого учащегося желание знать больше, основательнее. Правда, порой бывает, что это влияние несколько задерживается, не сразу вызывает ответную реакцию. Но зато почти не встретишь случая, чтобы хорошо знающий предмет педагог в конце концов не сумел положительно воздействовать на своих воспитанников, чтобы он не смог вызвать у них добрые стремления, готовность внести в свои жизненные планы серьезные поправки и изменения.

Некоторая задержка такого влияния учителя на детей объясняется рядом причин, но причины эти никак не связаны с научной подготовкой педагога. Обычно препятствует что-то другое, а научная и общекультурная эрудиция лишь терпеливо ждет своего времени, чтобы наконец увлечь молодое поколение активной учебной работой, сделать его энергичным и трудолюбивым.

Уже хорошо известный читателю Федор Львович Левитин, говоря о большой роли научных знаний во всей работе учителя, неоднократно приводил в доказательство весьма необычный факт, который имел место в одной из сельских школ Смоленщины.

В школу-десятилетку, находившуюся в сотне километров от железной дороги, совершенно неожиданно, за два-три дня до начала учебного года, прибыл очень нужный специалист. Все уже смирились с тем, что и на сей раз никакие ходатайства директора перед роно не помогут и учительнице биологии опять придется вести двойную нагрузку уроков, как вдруг открывается дверь в учительской, и перед глазами педагогов предстает химик, да еще какой — с университетским образованием!

Это и в самом деле было неожиданностью. И не только для самой школы, которая уже ряд лет не имела постоянного преподавателя химии. Неделью назад об этом не знали и не могли знать ни в районном, ни в областном отделах народного образования, так как нужный специалист приехал без всякого направления на работу. Да и сам он меньше всего предполагал, что его жизнь после окончания столичного вуза будет связана с обучением детей.

Викентий Степанович — так звали молодого химика — имел совсем другие планы на будущее. Он мечтал о работе в тихой научной лаборатории, где с ним будут несколько близких друзей, таких же, как он, страстных поклонников химии, где его будут окружать лишь предметы оборудования для сложных и увлекательных опытов. Впрочем, таково было мнение о будущей работе выпускников университета и профессоров, и преподавателей, и самих студентов чуть ли не с первого курса обучения.

О поприще талантливого исследователя и думал Викентий Степанович, но обстоятельства сложились иначе. После государственных экзаменов Викентий Степанович серьезно заболел. Врачи предложили ему срочно сменить обстановку. О болезни Викентия Степановича вскоре узнала его тетка, проживающая в наших краях, и по ее настоянию выпускник университета оказался в деревне, на отдыхе, в одном из отдаленных районов Смоленщины.

Жизнь в деревне и неустанная забота одинокой женщины сделали

свое дело: через месяц Викентий Степанович почувствовал себя совсем сносно. Он часами прогуливался у заросшей кустарником речки или уходил в соседний лес. Такие прогулки совершались им только ранним утром или вечером, днем Викентий Степанович не любил выходить из дома, и на то у него были сугубо личные причины...

Решение пойти работать в здешнюю школу возникло под влиянием ряда обстоятельств. Во-первых, Викентий Степанович очень скоро убедился, что тете не так-то легко обеспечить его всем необходимым для поправки здоровья, а во-вторых, он узнал, что местная школа очень нуждается в учителе химии. И как человек добрый и отзывчивый, Викентий Степанович загорелся желанием помочь и школе и своей родственнице.

Школа рядом, сразу за огородом тети. Почему бы не поработать? Знаний для этого, наверное, хватит, и не только по химии. Придется только внимательно прочитать литературу по педагогике, учебные и методические пособия. Теперь не так смущало Викентия Степановича и то, что обычно больше всего приносило душевных страданий, стоило ему оказаться среди незнакомых людей,— его внешний вид. Ведь первое впечатление от его внешности люди уже имели: с одними он встречался на улице, у речки, другие под разными предлогами приходили в дом его тети: уж очень хотелось посмотреть на ученого родственника своей землячки.

Внешний вид был причиной постоянных тяжелых испытаний для Викентия Степановича в течение всей его сознательной жизни: маленький рост, большая голова, какая-то странная, не сходящая с лица улыбка, длинные руки и горб — все это приковывало внимание людей, особенно детей, которые тут же начинали сопровождать Викентия Степановича, куда бы он ни пошел.

О своих физических недостатках Викентий Степанович помнил всегда, даже в кругу университетских преподавателей и близких друзей, высоко ставивших его научные способности и познания.

Оказавшись в деревне, где люди очень быстро узнавали друг друга и привыкали к внешнему виду каждого, Викентий Степанович почувствовал себя несколько спокойнее. И поэтому в день представления директору средней школы он почти не волновался, даже позволил себе пошутить насчет исполнения им будущей роли учителя. Он видел себя то начинающим урок, то отчитывающим нерадивого школяра...

За все его пребывание в деревне тетя впервые видела Викентия Степановича таким веселым и жизнерадостным; не замечала она раньше и чересчур заботливого отношения племянника к своему внешнему виду, к костюму, галстуку, ботинкам.

— Хочу обязательно понравиться здешнему руководителю просвещением,— говорил он, одевая новый костюм, поправляя яркий галстук и придирчиво осматриваясь в большое зеркало. Прищелкнув пальцами, словно собирался пуститься в пляс, и улыбнувшись старой женщине, он бодро вышел из дома.

Из школы он вернулся с иным настроением...

Небрежно сбросив с плеч модный выходной пиджак, Викентий Степанович сел за стол и опустил голову. Нет, с работой все благополучно: место ему предложили сразу, даже хотели к урокам химии добавить несколько часов по физике. Вот только покорили обидные промахи в поведении директора и некоторых учителей...

От Викентия Степановича, который всегда был особенно внимателен к реакции людей на его внешность, не ускользнула ни одна интонация в разговоре новых коллег. Всякая неестественность настораживала его, а этой неестественности, по мнению Викентия Степановича, было немало.

Взять хотя бы то, как рассматривал его университетский диплом директор школы. Викентию Степановичу так и чудилось сомнение директора: а не из жалости ли ставились такие высокие оценки? Или замечание заведующего учебной частью, что Викентию Степановичу не обойтись без специальной подставки у доски в кабинете химии. Самое обидное в этой первой встрече было, пожалуй, то, что руководители школы и учителя вольно или невольно давали ему понять: ваш прекрасный университетский диплом дает вам право стать членом нашего коллектива, но вряд ли у вас что-либо получится серьезное с обучением детей.

Таковы были первые впечатления Викентия Степановича. Значит, и здесь, в небольшой и отдаленной деревне, не все будет просто с налаживанием отношений. И не только с учащимися, но и со взрослыми, с учителями. С последними, пожалуй, труднее всего: ведь с ними ему нужно будет часто обсуждать многие вопросы школьной жизни, обсуждать на равных. А как это сделать, если уже первая встреча показала, что в твои учительские возможности верят мало?

Весь остаток дня и долгий вечер Викентий Степанович провел беспокойно. Он снова и снова обдумывал происшедшее, взвешивал все «за» и «против». Были минуты, когда ему казалось, что его решение работать в школе было большой ошибкой. И все же он пришел к выводу: нельзя отказываться от данного директору слова, нужно попробовать себя на учительском поприще.

— Меньше паники, ученый химик,— говорил он себе, просматривая за полночь учебники и методические пособия, которые ему вручили в школе.— Нужно только по-настоящему взяться за дело, тогда непременно получится. Ведь в университете получалось неплохо...

Викентий Степанович забывал о сне и еде. Не зная устали, он готовился к своим первым урокам. Читал и перечитывал педагогическую литературу, планировал, разрабатывал варианты всевозможных занятий — свое вступительное слово, беседы с учащимися, лабораторные и другие работы. Он вспоминал лучшие уроки своих школьных учителей. Вспоминал занятия в вузе, приемы раскрытия учебного материала, которые навсегда запечатлелись в сознании от лекций самых авторитетных профессоров.

Он жил теперь только школой. Намерение его было твердым. Оно

осталось неизменным и после того, как тетя, догадываясь о причинах переживаний племянника, посоветовала:

— Не ходил бы ты к здешним ученикам. Зря надумал. Они ведь никому не дают покоя, все учителя ими недовольны. Им и директор не указ. Говорят, что это самая плохая школа во всем районе...

Никогда еще Викентий Степанович так много и увлеченно не работал над собою, как в эти дни августа перед началом учебного года. И никогда, пожалуй, так не надеялся, что сделанное им обязательно принесет удовлетворение в новом деле, как в то утро, когда он собирался в школу и шел на первые занятия к своим незнакомым еще воспитанникам.

Он верил, что сумеет сообщить им множество по-настоящему нужного и интересного, что ему удастся увлечь ребят не только тщательно продуманной познавательной работой, но и своей искренней любовью к самой науке.

Но действительность распорядилась иначе.

Хорошему настроению Викентия Степановича был нанесен серьезный удар уже во дворе школы, когда какой-то мальчишка во весь голос стал приглашать других ребят посмотреть на «смешного человечка».

На свой первый урок в VIII класс «Б» Викентий Степанович пошел один, категорически отказавшись от сопровождения руководителей школы. И это была большая ошибка: будь с ним в классе директор, завуч или классный руководитель, учитель сумел бы выполнить намеченный план занятия, показать перед учащимися свою высокую научную подготовленность. И тогда его уроки в других старших классах прошли бы иначе.

Придя в VIII «Б», Викентий Степанович долго не мог установить элементарный порядок. Тонкий и слабый голос учителя, его малый рост, неестественно улыбающееся лицо вызвали возбужденное обсуждение учащихся. Растерявшемуся Викентию Степановичу казалось, что он ничего не сможет сделать с этой толпой мальчишек и девчонок. Многочисленные призывы к учащимся начать работу оставались без внимания.

Медленно, очень медленно восьмиклассники освобождались от возбуждения. Но до конца занятий они оставались малоуправляемыми: едва смолкал шум, и учитель начинал объяснять тему, как кто-нибудь задавал глупый или бестактный вопрос, и это вызывало общий смех. Так, известный в школе остролов, явно поощряемый вниманием класса, спросил Викентия Степановича, не приходится ли он дальним родственником Гуинплону — герою романа Гюго «Человек, который смеется». Этот выпад ученика глубоко обидел учителя.

Урок не получился. Из намеченного планом Викентий Степанович сумел сделать очень немного. Предстояло заново и объяснять, и организовывать самостоятельную работу по теме.

Не лучше прошли первые уроки Викентия Степановича и в других старших классах.

— Вот порой как бывает при установлении контактов с нашими питомцами, — с горечью заметил Федор Львович, рассказывая мне о первых уроках Викентия Степановича. — Не понравилась ученикам внешность педагога, и они не захотели даже выслушать его, отказали ему в праве раскрыть себя как специалиста-химика.

После всего пережитого за первый учительский рабочий день Викентий Степанович едва нашел в себе силы, чтобы добраться до домика своей старой тети. В учительскую Викентий Степанович не заходил, даже не занес туда классного журнала. Долгий вечер и ночь он провел в возбужденном состоянии. Но, к его чести, не отказался от намерения продолжить занятия с детьми. Тщательно подготовившись к урокам, Викентий Степанович наутро пошел в школу.

Но и новый день и последующие принесли мало утешений. Попытки школьного руководства и опытных педагогов помочь начинающему учителю не изменили что-либо к лучшему. Викентий Степанович полагал, что его коллеги идут к нему на уроки с предубеждением: он-де неспособен руководить детьми. И поэтому он всячески противился таким посещениям. К тому же молодой учитель считал, что в конфликтных ситуациях нужно рассчитывать только на себя, что авторитет педагога должен создаваться им самим. Директор, завуч, опытный учитель могут помочь в решении конкретных задач отдельных уроков, но они не могут создать авторитет начинающему педагогу. Здесь и первое и последнее слово за ним, только за ним.

Вот почему, как ни трудно было проводить каждый школьный день в напряженной обстановке, как ни тяжело было на душе, Викентий Степанович настойчиво продолжал искать возможность изменить отношение к себе детей, а затем и учительского коллектива. Он строго анализировал каждый свой урок, каждый поступок в классе. Он допоздна засиживался в химическом кабинете за чтением и подготовкой к следующим занятиям.

Викентий Степанович похудел, порой беспричинно ссорился с детьми, но с прежним упорством отстаивал мысль, что он учитель, что он сумеет доказать свое законное право выполнять эту обязанность.

Видимо, это беспримерное упорство и давало ему силы ежедневно отправляться в школу, выдерживать «бои» с нарушителями порядка, добиваться хотя бы минимальных условий, чтобы провести опрос, объяснить новый материал и поставить ряд запланированных опытов. В учительском коллективе удивлялись настойчивости нового химика. Многим казалось просто невероятным, чтобы физически слабый человек мог обладать такой завидной энергией и волей.

Проходила неделя, вторая, третья, а Викентий Степанович не находил сколько-нибудь заметного улучшения своего положения среди учащихся. Правда, если внимательно присмотреться со стороны, то перемены все же были заметны: теперь его уроки протекали спокойнее, да и он сам перестал быть сенсацией. Положительно сказывались и усилия учительского коллектива, ученического актива.

Но уставший от трудных испытаний молодой химик не замечал этих перемен.

К концу второй учебной четверти Викентий Степанович все более стал терять веру в возможность найти себя в учительской работе, а после очередного конфликта в выпускном классе решил уйти из школы. Свое намерение он наметил осуществить сразу же после выставления итоговых оценок за первое полугодие.

Этот день по плану Викентия Степановича должен был стать последним в его учительской биографии. Ему предстоял урок в X классе, где он особенно натерпелся и намучился. По расписанию урок стоял третьим, и Викентий Степанович не спешил в школу.

Так же как и при первом посещении местной десятилетки, он тщательно готовил свой выходной костюм, подолгу стоял у зеркала, навистывая полюбившуюся мелодию марша. Тетя Викентия Степановича терялась в догадках. Она хорошо знала — и по своим наблюдениям за племянником, и по рассказам соседей, как трудно ему было все это время в школе, но спросить его о причине хорошего настроения не решалась.

К школе и по ее территории Викентий Степанович шел не спеша, пристально вглядываясь в каждый предмет, точно прощался со всем этим. В учительскую до урока заходить не стал, даже за классным журналом: оценки можно проставить и после занятий, а заодно и отчитаться за свою работу перед администрацией.

Он шел с твердо принятым решением покинуть школу и обдумывал, что скажет на прощание ученикам, учителям и директору. Всякие обиды на людей он отметал: оказался неудачником — при чем тут другие? И все же очень хотелось, чтобы в этот последний день и ученики и учителя отнеслись к нему как-то иначе, чтобы кто-то сказал доброе слово, пожалел о том, что он уходит из школы...

В класс он вошел при полном молчании учащихся. Было тихо на всех рядах парт, причем каждый сидел на своем месте. Это была необычная, тревожная тишина. Викентий Степанович, привыкший к совсем другим встречам, даже растерялся.

Он видел опущенные головы, отрешенно безразличные взгляды, а у девочек даже слезы на глазах. Викентий Степанович подошел к столу и несколько минут смотрел на эту непонятную картину, которая выражала то ли полную апатию, то ли тихое отчаяние.

Произошло что-то из ряда вон выходящее. Но что? Викентий Степанович пытался узнать: «В чем дело, ребята? Что случилось? Скажите». Никто не ответил. Предложение учителя, не может ли он чем-либо помочь, вызвало лишь грустную улыбку у некоторых.

Викентий Степанович не знал, как ему поступить. Начинать опрос бесполезно. Но чем занять урок? Может быть, пользуясь тишиной, рассказать что-нибудь интересное из истории науки? Но вряд ли кто будет слушать. Впрочем, не мешает попробовать, надо лишь подготовить доску.

Классная доска перед его уроками всегда была исписана, и Викентий Степанович обычно сам приводил ее в порядок: не хо-

телось тратить дорогие минуты для вызова дежурного. Стирая с доски, он, кроме записей с предыдущего урока, находил немало слов и в свой адрес: школьники использовали и это средство, чтобы испортить настроение не пришедшемуся «ко двору» учителю.

Но сегодня на классной доске не было ничего лишнего. Аккуратно написанные строчки сообщали условия задачи по геометрии и тригонометрии.

Викентия Степановича осенило. Он несколько раз прочел условие задачи и понял, что именно здесь, в этих строчках, заключалась причина подавленного состояния класса. Хотя условия полугодовой контрольной работы и не отличались особой сложностью, но кое-что могло оказаться не совсем понятным и увести на ложный путь.

— У вас до моего урока была математика? Контрольная работа? Неужели много неудач? — Викентий Степанович со своей постоянной произвольной улыбкой на лице обвел глазами ряды парт. — Мне кажется, вам не повезло, правда? Но стоит ли так переживать?

И тут класс взорвался:

— А вам-то какое дело до этого?

— Смеяться изволите?

— Нашелся утешитель! Сначала бы сам попробовал, тогда узнал бы!

Из крика и шума Викентий Степанович в конце концов уяснил, что на предыдущем двухчасовом занятии состоялась итоговая работа по математике, что контрольная за первое полугодие прислана из областного отдела народного образования и с нею не справился ни один ученик в классе.

Викентий Степанович хорошо понимал, как тяжело переживают этот провал ребята, и не обиделся на их бестактность. Ведь случилось это в выпускном классе, которому через несколько месяцев предстоит держать экзамен за весь курс средней школы! Как неудача с контрольной может отразиться на аттестате зрелости?

Викентию Степановичу не хотелось так нелепо расставаться с десятиклассниками: достаточно неприятных впечатлений было от их прежних отношений. Стремясь как-то притушить некстати возникший конфликт, Викентий Степанович поднял руки и во всю силу своего слабого голоса произнес:

— Послушайте, пожалуйста! Я не хотел вас обидеть, нисколько! А что касается замечания, что сначала самому надо попробовать решить задачу, а потом уже пытаться утешать, то я считаю это замечание правильным и с вашего разрешения попробую немедленно заняться этой контрольной.

В классе наступила тишина. На лицах большинства ребят появилось выражение недоумения. Кто-то насмешливо заметил: «Вот еще нашелся математик!» Но его никто не поддержал.

Викентий Степанович тут же приступил к работе. Быстро нанося на доску линии геометрической фигуры, четкие, каллиграфически безупречные цифры и буквы, он уже не слышал за своей спиной ни звука. Казалось, в комнате, кроме него, нет больше никого. А когда

уравнение — по условию задачи — было написано полностью, класс замер.

Викентий Степанович повернулся и не узнал своих ребят: еще совсем недавно насмешливые, вздорные, высокомерные, отвечавшие ему грубостью и презрением, они глядели теперь *на него* с огромным удивлением. Именно на него, а не на доску! И за этим удивлением проступало и другое чувство — чувство неловкости, личной вины перед этим человеком...

— Ну что же, пойдем дальше, — сказал Викентий Степанович. — Теперь задача уже не представляет большого труда. — И, с завидной подвижностью работая у доски, он стал записывать ход решения уравнения.

Увлечшись задачей, Викентий Степанович, будто на уроке по собственному предмету, стал громко рассуждать. Он обращался к ребятам с просьбой посоветовать, что следует выводить из предыдущего положения. И теперь со стороны класса он встречал полную готовность работать вместе. Захваченные эрудицией и энтузиазмом Викентия Степановича, десятиклассники не пропускали ни одного перехода в сложном пути доказательства, с охотой отвечали ему. Через несколько минут весь класс, достав, как по команде, свои тетради и чертежные принадлежности, работал в едином ритме с учителем.

— Ну вот, дело сделано, и ничего тут особенного не было. Задача как задача, не труднее многих, — сказал Викентий Степанович, закончив записи на доске и повернувшись к классу. — Тут мог ввести в заблуждение вот этот небольшой нюансик в условии. Задача-то не совсем типовая.

Объяснив «нюансик» в условии задачи, Викентий Степанович вытер руки, посмотрел на часы и с явным огорчением заметил:

— Вот ввязался я не в свое дело, а время-то урока и кончилось. Когда же мне вас спрашивать по химии?

Но ребята будто и не слышали его слов. Все оставшееся время урока они наперебой задавали вопросы, и только по математике.

А когда прозвенел звонок на перемену, ученики тесным кольцом окружили учителя. Кто-то, выражая общий интерес, не удержался и спросил:

— Так вы и математику хорошо знаете?

— Приходилось изучать, а то как же! — ответил Викентий Степанович. — И по университетскому курсу, и со средней школы еще не забылось... И вообще, математику теперь нужно знать каждому, независимо от специальности. Знать хотя бы ее общий, универсальный язык формул. Без этого не получится ни новатора производства, ни исследователя. Современный культурный человек обязан знать намного больше, чем требует его профессия, — и физику, и химию, и математику, и искусство...

Ребята провожали его до выхода на улицу, даже за пределы школьной территории. Но теперь это были совсем другие проводы...

— Знаете, кем стал для своих учеников Викентий Степанович

после этого урока? — спросил меня Федор Львович. — Он стал для них верхом совершенства, настоящим богом, властителем их дум и чаяний...

С того памятного урока Викентий Степанович очень быстро заслужил глубокое уважение всей школы. Никто здесь не пользовался таким большим, неоспоримым авторитетом, как учитель химии. Покоренные силой его научных знаний, учащиеся щедро платили ему своей привязанностью и любовью.

Платили за все: и за каждый новый день радостных встреч, и за прошлое, когда Викентию Степановичу пришлось пережить немало трудных минут...

Теперь в нем нравилось абсолютно все. Далеко не всегда понятная фантазия ребят привела их к твердому убеждению, что для людей выдающегося ума, исключительно одаренных, внешность не имеет никакого значения, что она вполне может быть и такой, как у Викентия Степановича. И тут нет ничего особенного. Подростков, сомневающихся в правильности такого вывода, старшеклассники убеждали, прибегая порой к самым активным средствам...

СИТУАЦИИ ПЕРВОГО ИСПЫТАНИЯ

Рассказывая о школе Федора Львовича, я уже касался вопроса об отношении детей к учителю, особенно в первые дни их знакомства, а на горьком опыте собственных ошибок при установлении контакта с Мишей Латуто показал, как важно учителю помнить о педагогическом такте.

Школьники ждут от нового учителя, чтобы в нем был воплощен *идеал человека*, которому можно во всем верить и подражать. Взыскательно проверяя, соответствует ли реальность ожидаемому, они не только внимательно наблюдают за каждым шагом учителя, но и пытаются создать определенную обстановку, в которой новый наставник мог бы как можно скорее и полнее раскрыться перед ними. Эту обстановку я назвал бы *ситуацией первого испытания*.

В ситуации первого испытания оказался и химик Викентий Степанович, с которым мы только что расстались. Однако ситуация эта слишком затянулась.

Один из бывших воспитанников Антона Семеновича Макаренко, ставший сам воспитателем, выступая в конце шестидесятых годов перед преподавателями и студентами Смоленского пединститута, рассказывал им, как он начинал свой путь учителя.

Когда он, молодой географ, первый раз пришел на урок в самую трудную группу в школе — к семиклассникам, то они, зная, кем в прошлом был их учитель, решили проверить, так ли смел и находчив этот бывший колонист. Ребята придумали для него очень дерзкий прием испытания.

— Открыв дверь в классную комнату, — рассказывал наш гость, — я непроизвольно остановился: весь класс, в том числе и девочки, стояли... на крышках парт. Что оставалось делать? В голову пришло самое первое и довольно странное: я пододвинул стул к классной доске, встал на него, повесил карту и, не спускаясь на пол, начал объяснять тему. Говорил не спеша, минут тридцать. Ребята, переступая с ноги на ногу, молчали. Настало время для закрепления нового материала — почитать по учебнику, побеседовать, как понят урок. Я спросил: «Может, для беседы было бы удобнее сидеть за партой?» Ребята заулыбались и сразу сели... С тех пор у меня здесь не было никаких недоразумений.

Можно, конечно, спорить, прав или неправ был учитель,

приняв такое решение. Не берусь утверждать, что это решение лучшее или единственное. Но учитель никого не обидел, не закричал, не вышел из себя, зато раз и навсегда установил с детьми хорошие отношения, и этому можно верить.

В моей жизни учителя и руководителя школы встречались разные ситуации, в которые попадали и я сам, и мои товарищи по совместной работе. И к сожалению, далеко не всегда нам удавалось сразу находить правильное решение.

Сложная и, я бы сказал, совершенно неожиданная ситуация возникла однажды на уроке молодой учительницы химии Кобылкинской средней школы Нины Григорьевны Тропп, впоследствии известного на Смоленщине мастера педагогического труда.

К этому уроку, проходившему на третьей неделе после начала учебного года, Нина Григорьевна, казалось, установила нормальные отношения во всех своих классах. До этого случая у нее не было сколько-нибудь заметных осложнений в работе с детьми. Со своего первого урока Нина Григорьевна пришла улыбающаяся, бодрая и энергичная, а когда закончилась вторая неделя занятий, ее не без основания поздравили классные руководители и заведующий учебной частью.

Нина Григорьевна, окончив педагогический институт, приехала к нам по направлению министерства одновременно с учительницей математики Аллой Павловной Буйловой. Внешне Нина Григорьевна явно уступала Буйловой. Нам казалось, что у математика — рослой, солидной женщины с серьезным взглядом и басовитым голосом — все должно пойти отлично; ей непременно подчинятся наши ребята. Нина Григорьевна — маленькая, худенькая, со слабым тоненьким голоском — вряд ли произведет большое впечатление на учеников; ей, вероятно, придется туго...

Все, однако, получилось иначе. Рослая и солидная Алла Павловна поработала у нас около года и ушла. Уже с первого урока в V классе она возвратилась в учительскую со слезами, и такое случалось почти ежедневно, что бы ни предпринимали руководители школы. А Нина Григорьевна сразу сумела взять в свои маленькие руки каждого ученика, и очень скоро о ней заговорила вся школа как об учительнице знающей, дельной и строгой.

И вот после столь обнадеживающего начала учительской деятельности с Ниной Григорьевной случилась беда.

Я сам только что принял обязанности директора школы — впервые в моей жизни — и испытывал немалые трудности.

В тот день после большой перемены, проводив учителей на очередные уроки и убедившись, что все идет как следует, я занялся подготовкой к совещанию с ученическим активом. Прошло минут пятнадцать — двадцать. В школе все было тихо. Вдруг резко отворилась дверь, и в кабинет не вошла, а вбежала Нина Григорьевна. Она была сильно взволнована и еле сдерживала слезы. Подойдя к моему столу и опустив голову, она сказала:

— Урок сорван... Случилось такое, что мне теперь в этой школе не работать. Придется завтра же уехать...

Рассказ Нины Григорьевны был краток. Она пришла в IX «А», и урок начался нормально. Ребята хорошо и охотно отвечали по материалу повторения за прошлый год; не встретилось затруднений и с решением задач. Но когда учительница, уточняя некоторые вопросы, повернулась к доске и стала записывать нужные формулы, в классе кто-то свистнул. Этот дерзкий поступок был встречен смешком, и урок пришлось остановить.

Нина Григорьевна решила немедленно узнать, кто позволил себе такую бестактность, кто нарушил дисциплину. Она остановилась перед классом и требовательно спросила: «Кто свистнул?» Три раза повторила она свой вопрос, но никто из учеников не проронил ни слова. Все внимательно смотрели на учительницу и ждали. Чувствовалось, что ученики и сами не рады случившемуся, но никто не решился назвать виновника происшествия.

Нина Григорьевна, явно нервничая, выждала еще несколько секунд. Потом взяла со стола журнал, свои записи и спросила:

— Неужели не скажете? Бойтесь признаться, трусите? — И тут же добавила с подчеркнутой категоричностью: — Я уйду и предупреждаю, что, если до конца урока не узнаю, кто совершил этот дерзкий поступок, я больше с вами работать не буду, понятно? До свидания...

Этот рассказ меня очень расстроил. По первому знакомству со школой я знал, что во многих классах пока отсутствуют связи, характерные для настоящих воспитательных коллективов, их заменяет круговая порука, а в таких условиях трудно надеяться, что кто-то из ребят придет извиняться перед молодой учительницей.

Конечно, обидно, что Нина Григорьевна, хорошо подготовленная в вузе к работе в школе, допустила опрометчивость в отношениях со старшеклассниками, не посчиталась с чувством достоинства каждого сидящего перед ней ученика.

Хотелось сразу же спросить учительницу, зачем ей понадобилась такая категоричность: или — или. Хотелось подробнее разяснить Нине Григорьевне суть единства требований с уважением к личности учащегося. Можно было поговорить и о том, что в обстановке, которая создавалась в IX «А», педагог мог не придать никакого значения случившемуся. Или, выразив на лице удивление, показать, что происшедшее нельзя расценивать иначе, как простую детскую шалость, не заслуживающую серьезного внимания коллектива, занятого ответственной работой...

Но все эти рассуждения и внушения приходилось оставлять на будущее. Сейчас нужно было принимать экстренные меры. Я попытался уговорить Нину Григорьевну вернуться в класс и попробовать разрешить возникшее недоразумение. Не исключено, что ребята уже одумались, пришли к верному решению. Я понимаю, что для них очень важно, чтобы этот нелепый поступок

не стал предметом обсуждения всей школы, верил, что они ждут от новой учительницы снисхождения.

— Поверьте,— убеждал я Нину Григорьевну,— старшеклассники не безразличны к нашей заботе об их авторитете перед всеми учителями и школьниками. Попробуйте пойти к ним!

Но учительница была непреклонна.

Я видел, что Нина Григорьевна глубоко переживает случившееся, но по своему характеру и недостаточному опыту ни за что не изменит принятого решения: если до конца урока ребята не придут, чтобы извиниться перед ней, она ни дня не задержится в Кобылкине, как ни больно ей это сделать. Что касается трудоустройства на новом месте, то ее это не беспокоит: и в области, и в районных городах нужны педагоги с высшим образованием, и она найдет себе работу даже в самом областном центре.

Для меня, впервые руководившего учебно-воспитательным процессом в средней школе, умелое разрешение противоречия между девятиклассниками и молодой учительницей имело особое значение: сохранить авторитет педагога и закрепить за школой подготовленного специалиста, исключить всякие причины, мешающие его работе.

Но что делать?

Мучительно обдумывая разные варианты собственных действий, я послал в IX «А» классного руководителя, дав ему поручение договориться со своими ребятами и обязательно привести в учительскую их представителя для улаживания конфликта. Но классный руководитель, побыв с учащимися до начала перемены, вернулся ни с чем.

Неудача классного руководителя, энергичного педагога, пользующегося уважением среди школьников, еще раз показала, что разрешить конфликт в интересах учебного заведения несравнимо труднее, чем его вызвать. Я попросил Нину Григорьевну продлить срок выполнения ее условия до конца учебного дня, а когда прозвенел звонок с последнего урока, распорядился, чтобы IX «А» оставался в классе, и послал туда заведующего учебной частью.

Завуч, пожилой человек, хорошо знающий школу, отправил с девятиклассникам на переговоры, нисколько не сомневаясь в том, что ему не потребуется много времени, чтобы «все поставить на свои места». Однако прошел час, применены, кажется, все меры убеждения, а до ответа на вопрос, кто свистнул в классе, было так же далеко, как и на незакончившемся уроке химии.

Более того, ребята заявили, что никакого свиста в классе вообще не было, что на них возвели напраслину, что Нине Григорьевне все почудилось или, может быть, свист донесся с улицы...

Когда Нина Григорьевна узнала о результатах переговоров

с классом, она заплакала, взяла лист бумаги и тут же написала заявление об уходе из школы.

Мне ничего не оставалось, как самому пойти в IX «А», чтобы использовать последний шанс в преодолении конфликта.

Четкого плана беседы с провинившимся классом у меня не было. Я даже не решил, с чего начну разговор. Знал я только одно: если уйдет Нина Григорьевна, то в самом начале учебного года школа, а главное — выпускные классы останутся без специалиста. Эта мысль не давала мне покоя, вызывала тревогу, и это чувство, видимо, было написано на моем лице, когда я открыл дверь IX «А».

Ребята дружно поднялись, никто не опустил головы, сколько бы я ни смотрел им в глаза.

И вдруг я решил, что совершенно не буду говорить о самом поступке, об его неэтичности, об упрямстве и бестактности коллектива по отношению к классному руководителю, заведующему учебной частью и к самой учительнице химии.

Свою речь я начал с вопроса: заботится ли класс о получении настоящих знаний по всем предметам средней школы, как они думают учиться без учителя химии? И тут же зачитал заявление Нины Григорьевны: «Настаиваю на немедленном освобождении от работы в вашей школе...»

Затем я обратился к классному активу и прежде всего к секретарю комсомольской организации: поскольку сейчас не до того, чтобы искать виноватого, а может быть, этого вообще не следует делать, нужно немедленно поручить кому-то из наиболее смелых товарищей, дорожащих интересами коллектива, взять вину на себя и пойти к учительнице. В создавшейся обстановке пока нет иного способа избежать потери нужного школе специалиста.

Когда я сел, в классе поднялось несколько рук. Актив класса остановил свой выбор на отличнике учебы и самом вежливом юноше Потапенкове Грише. Все согласились, что он лучше других сумеет убедить учительницу, будто им допущена ошибка: желая сдуть пылинку с пера ручки, он, дескать, не рассчитал силу, и получился свист...

Но тут с задней парты поднялся один из самых высоких парней — Лабузов Ваня — и громко заявил:

— Не надо никого посылать! Зачем портить характеристику Грише? Позвольте уж мне. Я тоже смогу не хуже других...

В классе заулыбались.

— Что, доверим? — спросил секретарь комсомола.

Лабузов быстро прошел мимо меня и направился в учительскую.

Вскоре отношения с Ниной Григорьевной были улажены.

Дней через десять я случайно узнал, почему в классе было так много улыбок, когда Лабузов вызвался пойти к учительнице извиняться. Ему, оказывается, не нужно было кривить душой, он сказал Нине Григорьевне чистую правду...

Было это в той же Кобылкинской школе, только годом позже. Просмотрев записи в классных журналах за сентябрь, я пригласил на беседу молодого учителя математики Василия Ивановича Заикина. На вопрос, почему так мало оценок по его предмету, он ответил, что все дело в недостаточной прочности знаний учеников по материалу за прошлые годы обучения.

Признаться, сказанное Василием Ивановичем о непрочности знаний учеников по математике было для нас новостью: до Заикина в школе работал опытный и добросовестный педагог, его высоко ценили в районе, и до ухода на пенсию он считался одним из лучших специалистов.

И я — молодой директор школы, и завуч должны были усилить контроль за работой нового математика и разобраться, в чем же истинная причина слабых знаний детей по математике.

Посещение уроков Василия Ивановича, просмотр записей в тетрадях учеников никаких серьезных недостатков не выявили.

Ответ на вопрос, почему в классных журналах мало выставлено оценок по математике, мы получили совсем иным путем, помимо инспектирования работы Василия Ивановича. В школьной практике нередко бывает, что многое об учебно-воспитательном процессе, об отношениях в коллективе мы узнаем без каких-либо специальных мер изучения, а по рассказам учащихся, учителей и обслуживающего персонала, и больше всего от первых, которые замечают самые потаенные явления и процессы.

Мы обратили внимание на то, что молодой математик очень быстро получил в нашей школе прозвище «Говорун». Произносилось это слово ребятами беззлобно. Они уважали Василия Ивановича, с первых уроков убедились, что он педагог добрый, хорошо знает свой предмет, может решить любую задачу и серьезно разбирается в самых сложных вопросах техники. Но это не помешало дать ему прозвище, в котором была точно подмечена самая большая слабость нового учителя — его излишняя говорливость.

Спрашивая ученика, Василий Иванович редко давал ему возможность высказаться полностью. Учителю становилось не по себе, если ученик медлил, говорил сбивчиво, неумело объяснял то или иное положение. Тогда Василий Иванович сразу прерывал ответ, делал ученику замечание и, не приглашая никого из класса помочь своему товарищу, начинал говорить сам. Если было нужно, он сам выполнял чертеж, делал записи решений задач, вел обстоятельное доказательство, а нередко даже касался истории вопроса. Иногда он так увлекался, что переставал следить за временем, и по одному-двум вопросам мог говорить до звонка на перемену.

Разумеется, это не замедлило сказаться на качестве подготовки учащихся к урокам. Они поняли, что если не сумеют сами толково ответить на вопрос, то эту задачу возьмет на себя учитель.

Посмеиваясь впоследствии над своими первыми уроками, Василий Иванович говорил на одном из заседаний педагогического совета:

— Да, такое случалось нередко. Мне было куда приятней самому излагать материал, чем «выуживать» ответы у своих воспитанников...

Неумение и нежелание выслушивать ученика, стремление побыстрее заменить сбивчивые слова ребят своей грамотной речью, к сожалению, является пока одной из черт стиля работы многих молодых специалистов. У Василия Ивановича эта особенность проявлялась особенно ярко. А ведь именно в *терпеливом* выслушивании и направлении ученической мысли, в «выуживании» в ней крупинок здравого смысла, в поддержании каждой попытки школьника самостоятельно выделить и доказать тот или иной тезис и состоит *непременнейшее* условие обучения детей, их умственного развития.

Что касается ответов Василия Ивановича на множество вопросов учащихся, то эта его страсть имела еще более негативные последствия.

Еще на первых занятиях ребята заметили, что новый учитель с большой охотой отвечает на любые вопросы, даже на те, которые совсем не относятся к теме урока. Достаточно было кому-либо в классе поднять руку и сказать: «Разрешите задать вопрос», как учитель тут же прерывал любую работу и, едва выслушав ученика, приступал к подробному изложению «сути дела». Порой он вспоминал о намеченном плане урока, даже сетовал: «Ах, я потом ничего не успею», но от ответа отказать не мог.

Эта слабость Василия Ивановича очень часто использовалась детьми, особенно теми, кто плохо подготовился к уроку. Ребята вначале извинялись, делали вид, что им очень неудобно отнимать время от урока. Но, дескать, так сложились обстоятельства, что им непременно нужно знать...

— Не найдете ли вы возможным рассказать об Эйнштейне? Правда ли, что, когда он сам учился, у него не ладилось с математикой? Как же он сумел тогда стать великим ученым?

И так далее и тому подобное. После ответа на первый вопрос, следовали второй, третий, четвертый. Причем теперь не нужны были никакие извинения ребят: Василий Иванович принимал любое обращение, вникая только в «суть вопроса»...

Когда заканчивался урок, на котором никому не приходилось отвечать, ребята не могли сдержать своего ликования. На перемене только и слышалось:

— Ура, Говорун доказывал снова! Опять увели Говоруна!

Слово «увели» означало, что классу опять удалось отвлечь Василия Ивановича от намеченной цели, от необходимой работы, удалось превратить плановый урок в слушание интересных рассказов на различные темы.

Далеко не сразу Василий Иванович Заикин смог оценить весь вред такого общения с детьми на уроках. Еще больше времени потребовалось на то, чтобы этот недостаток был преодолен.

В школьной практике встречалось немало случаев, когда молодые учителя попадали в непредвиденные и нередко трудные ситуации, создаваемые учащимися. В массе своей эти ситуации охватывали широкий круг вопросов, касающихся эрудиции педагога, его нравственного облика, особенностей характера, верности слову, умения сдерживать себя в особых обстоятельствах, отношения к детям и другим людям и т. п.

Словом, нельзя найти такого качества, которое не пытались бы проверить учащиеся у своего учителя. И конечно, от результатов такой проверки во многом зависело их отношение к педагогу и даже к преподаваемому им предмету, зависел авторитет учителя, действенность его усилий и влияние на воспитанников.

В Кобылкинской школе очень трудно было налаживать отношения пятиклассников с начинающим педагогом Валерией Абрамовной. Географ и биолог по образованию, она свою первую беседу как классный руководитель посвятила воспитанию любви к родной природе, бережного отношения к флоре и фауне. Речь Валерии Абрамовны была интересной и содержательной. Учительница не скупилась на обращение к разным примерам из жизни взрослых и детей, показывая их заботу о природе, домашних животных, обитателях лесов, полей, рек и озер. Обладая неплохими артистическими способностями, Валерия Абрамовна хорошо читала отрывки из произведений Мамина-Сибиряка, Короленко, Пришвина, Чехова, Лескова, декламировала стихи. Особенно ей удавалось чтение Есенина.

— Обратите, пожалуйста, внимание,— взволнованно говорила Валерия Абрамовна,— что наш великий поэт ставил себе в особую заслугу любовь к природе, к ее обитателям.

Слова: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове» — Валерия Абрамовна записала на классной доске и просила ребят обязательно запомнить их, руководствоваться ими в своем поведении.

На следующий день в этом же классе проходил урок Валерии Абрамовны. Он был первым по расписанию. Едва учительница приступила к объяснению вводной темы, как в классе раздался собачий лай. Ребята, перестав слушать Валерию Абрамовну, сразу же повернули головы в сторону, откуда доносился лай, и стали наблюдать, что произойдет дальше.

Дети знали, что Буданов Шурик пришел в школу со щенком по кличке Жук, который очень привык к мальчику. Правда, в класс щенок проник вопреки желанию Шурика и забился под парты, откуда его никак не удавалось вытащить до начала урока. Все, наверное, прошло бы незаметно для учительницы, если бы сидящий впереди Степа Зуев не толкнул щенка ногой.

Валерия Абрамовна была поражена случившимся. Как мож-

но так халатно относиться к установленному порядку на уроках, тем более когда урок проводит классный руководитель? Никуда не годится, если вместо внимательного слушания объяснения новой темы ее ученики занимаются игрой с собакой! Валерия Абрамовна потребовала немедленно удалить собаку, а тому, кто ее привел в класс, отправиться домой и без родителей в школу не приходить.

Учительница подошла к парте Шурика и, увидев, что у его ног всего-навсего щенок, смелее повторила свое приказание. Более того, пока растерявшийся Шурик раздумывал, что ему делать, Валерия Абрамовна сама попыталась прогнать Жука из угла.

Ребятам это не понравилось.

— Шурик не виноват, что щенок здесь,— вмешался Степа Зув.

— Пусть собачка посидит до конца урока, на перемене выведем,— попросил друг Шурика Петя Раков.

Тут и Шурик подал свой голос:

— Он сам увязался за мною, я ничего не мог поделать. Не надо его выгонять, он лаять больше не будет!

Но учительница осталась непреклонной. Вскоре Жук и его хозяин оказались за пределами класса.

Однако это не помогло Валерии Абрамовне наладить рабочую обстановку в классе, скорее наоборот. Ребята негодовали, не хотели слушать объяснение темы. Из рядов неслось:

— Сами говорили, что животных нужно жалеть, а тут гоните собачку! Как же так?

— А еще советовали запомнить, что собаки наши меньшие братья. Разве так с братьями поступают, да еще с меньшими?

Урок был сорван.

Мало порядка было у Валерии Абрамовны и на следующих занятиях. Ее не хотели слушать, к ней не обращались с вопросами. Класс замкнулся. И только через месяц настойчивой работы с ребятами, в которой принимали участие и директор, и завуч, стали появляться первые признаки потепления во взаимоотношениях класса с Валерией Абрамовной.

Слишком долго и трудно налаживались отношения с учениками и у Леонида Тимофеевича — преподавателя физической культуры одной из школ города Вязьмы, хотя это был грамотный, знающий педагог.

В тот год выдалась на редкость плохая погода, и все седьмые — девятые классы школы были посланы на работу в колхоз по спасению урожая. Временное привлечение ребят к общественно полезному труду в первый месяц учебного года было мерой оправданной. Школа провела с учениками подробный инструктаж. Подчеркивалась необходимость разумно тратить каждую минуту, чтобы быстрее справиться с заданием и не дать погибнуть богатому урожаю.

С VIII «Б» выехал в колхоз и Леонид Тимофеевич. Он тоже обстоятельно беседовал с учащимися, даже предложил заключить

договор о социалистическом соревновании с параллельным классом.

Приехав на место, ребята быстро устроились по избам, получили у бригадира участок, узнали, где будут трудиться их соперники, и на следующее утро работа закипела. Но уже к вечеру первого дня в группе стало назревать недовольство руководителем.

Причина изменения в настроении ребят была одна: никому не понравилась позиция Леонида Тимофеевича. Говорил о трудолюбии, о необходимости быстрее убрать урожай, а сам ни разу не нагнулся, чтобы поднять сноп льна, только ходит, указывает да беседует в стороне с местными жителями.

Довольно частые призывы педагога: «Давай, давай, мальчики, девочки, поднажмем!» — вызывали раздражение ребят. Они отвечали резкостью. Иногда то один, то другой садились отдыхать, как бы не замечая учителя.

К чести Леонида Тимофеевича, он, поняв причину перемены к нему ребят, не обиделся и вскоре сам стал работать. Однако впечатление от первых дней пребывания в колхозе серьезно отразилось на отношении к педагогу. В глазах подростков он надолго оставался человеком, который умеет призывать, даже показывать, как нужно делать, но не очень-то любит трудиться.

Отношение учителя к любому нужному труду характеризует очень важное качество его личности — единство слова и дела. Ребята не прощают нам, если замечают, что такого единства не получается.

Наконец, расскажу о себе, о том, как и мне, педагогу с опытом, пришлось оказаться в ситуации первого испытания.

После моего перевода в Вязьму на должность заведующего городским отделом народного образования директор одной из школ Владимир Андреевич, дружески советуя мне не отрываться от преподавательской работы, предложил взять уроки по литературе и языку в двух восьмых классах. Я удивился: в середине учебного года в школах обычно не бывает свободных уроков, особенно в городе. Но мне объяснили: работавшая в этих классах учительница почувствовала резкое ухудшение здоровья и, едва дождавшись зимних каникул, ушла на пенсию; другие словесники перегружены и дополнительные часы взять отказались.

Позже я узнал, что и уход на пенсию пожилой женщины, и отказ других словесников от дополнительных уроков в определенной степени связан с тем, что в восьмых классах не все было ладно с дисциплиной. Многие подростки-восьмиклассники были воспитанниками местного детского дома, ребятами со сложными судьбами, к которым нужен был особый подход.

Кто-то из учителей поторопился заочно представить меня ученикам в самом грозном виде. Я еще не заходил в восьмые классы, а учащиеся уже знали, что я заведующий гороно, руководитель всех школ Вязьмы и у меня огромная власть,

например, мне дано право последней инстанции при решении вопроса об исключении из школы. Особенно внушалось ребятам, видимо, то, что я очень строг, не терплю ни малейшей разболтанности и нарушения дисциплины.

О такой осведомленности ребят я узнал при первой же встрече с ними: они стали спрашивать меня о правах заведующего горно сразу же, как начался урок.

Учащиеся мне понравились. Познакомившись с ними, я почти весь урок рассказывал материал по новой теме. Никаких отступлений от плана занятия не произошло. И в одном и в другом восьмом классе учащиеся слушали меня внимательно: это показывали их ответы во время закрепления знаний.

Довольный создавшейся обстановкой, я подробно объяснил, как нужно выполнить домашнее задание, порекомендовал дополнительную литературу по теме. Затем, сказав о необходимости ценить каждую рабочую минуту, попросил дежурных перед уроком положить на учительский стол список отсутствующих учеников с указанием причин пропуска занятий.

Все охотно согласились.

На следующий день я шел в свои классы с надеждой, что все будет хорошо, что контакт с ребятами налажен.

Я уверенно открыл дверь классной комнаты VIII «А» и подошел к столу. Учащиеся дружно поднялись. Они стояли, как по команде «смирно», только у некоторых почему-то были опущены глаза.

Когда я поздоровался, ребята бесшумно сели за парты и раскрыли учебники.

И тут я обнаружил на столе совершенно чистый лист ватмана, без единой фамилии отсутствующих. Ну как дежурный не догадался написать хотя бы два слова: «Присутствуют все»?

Я взглянул на класс, и мне показалось, что ребята тоже заметили промашку дежурного. Все они очень внимательно наблюдают за мной. Сдержав желание сделать замечание дежурному по поводу такого «рапорта», я взял со стола бумажку, но она выскользнула из рук и упала на стол обратной стороной.

И тут я почувствовал, что краснею и не в силах справиться с волнением. На обратной стороне листа нарисован мой портрет. Нарисован мастерски, талантливо. Правда, несколько карикатурно...

Ребята старались показать, что не замечают моего состояния: одни прилежно вчитывались в страницы учебника, другие с весьма озабоченным видом искали в портфелях что-то нужное к уроку. Но я хорошо понимал: весь класс с особым вниманием следит за каждым моим движением.

Что предпринять? Как реагировать на вызов? Выразить классу свое глубокое возмущение? Пристыдить? Ответить на дерзость справедливым выговором? Сейчас же пригласить сюда директора, завуча, руководителя детского дома и показать им, каковы результаты их совместной воспитательной работы?..

И тут меня как бы осенило.

Я еще с минуту рассматривал портрет, а потом встал и, улыбаясь, громко сказал:

— Что ж, не признать таланта нельзя. Благодарю за портрет. Можно взять на память?

Класс молчал.

Я положил листок в тетрадь. Урок начался...

Эти ребята учились у меня не только в VIII, но и в IX—X классах. И больше не было повода сердиться на них. А на выпускном вечере ко мне подошел красивый высокий юноша и, извинившись, признался в своем авторстве того портрета.

Потом добавил, пожимая мою руку:

— Хорошо вы тогда поступили. Спасибо!..

Учительская профессия требует от человека умения быстро находить оптимальное решение в любой жизненной и педагогической ситуации. И будет самым верным, если в сложных обстоятельствах общения с учащимися мы станем исходить прежде всего из учета *добрых побуждений* наших воспитанников и не будем думать, будто дети поступают только с негативной целью...

Практика убеждает, что именно такая исходная позиция учителя вполне оправдана во взаимоотношениях с учащимися и чаще всего способствует положительным результатам в развитии детского коллектива и каждого школьника. И это естественно в условиях нашего, советского воспитания: ведь одним из ведущих принципов воспитательной работы в социалистической школе является вера в человека, постоянная опора на лучшие силы его души.

«MEMORANDUM», ИЛИ ПРИМИТЕ К СВЕДЕНИЮ...»

На курсах при областном институте усовершенствования учителей мы, молодые руководители сельских школ, два-три раза в неделю присутствовали на уроках в школах Смоленска. Для этого, конечно, подбирались лучшие учебные заведения и опытные преподаватели. Посетив занятия, каждый из нас представлял письменный анализ; по его содержанию и выступлению на семинаре методисты судили о нашей личной подготовке.

Последнюю неделю двухмесячных курсов мы провели в самой крупной школе областного центра, где каждый класс имел по четыре-пять параллелей. Эта школа всегда называлась на совещаниях в числе первых, о ней часто писали в газете. На директора школы — высокую, красивую и, по всей вероятности, очень гордую женщину — мы смотрели как на человека особенного и почему-то стеснялись подойти к ней и заговорить, даже обратиться с вопросом.

Разумеется, мы шли в эту школу с большим интересом, заранее убежденные в том, что достигнутые здесь результаты в обучении и воспитании являются эталоном. И убеждение это стало подтверждаться, едва мы оказались на школьном дворе: ровные дорожки, ухоженный и хорошо подготовленный к зиме сад, большая теплица, настоящая метеостанция, спортивная площадка. Все свидетельствовало о том, что мы знакомимся с заведением, где есть умный и заботливый хозяин. Понравилось также оформление вестибюлей, рекреаций, классных комнат, учебных кабинетов, мастерских и залов, каждого помещения и уголка школьного здания. Везде чувствовалось настоящее знание дела, хороший эстетический вкус, высокая культура.

Две недели посещений этого учебного заведения стали для нас серьезной стажировкой по внутришкольному руководству. Об учебной работе учительского коллектива можно было судить по десяткам уроков, среди которых я остановлюсь лишь на двух — по физике в VII классе. Уроки эти помогли мне научиться отличать подлинное мастерство педагога от мнимой оптимизации учебного процесса, которая, к сожалению, еще процветает в школе...

Обсуждая с нами программу посещений и встреч, директор заметила, что ей представляются более целесообразными такие наблюдения, которые проводятся по одной и той же теме, но у

разных преподавателей и в разных классах. Это даст возможность сравнивать и позицию учителей, и поведение ребят, и результаты самого обучения.

Нам было предложено побывать на уроках физики — сначала в VII классе «А», затем в VII «Д». Занятия здесь ведут разные учителя, но по одной и той же теме: закон сохранения и превращения энергии.

Первый урок нам нравился, еще не начавшись. Входя до звонка в учебный кабинет и занимая приготовленные стулья, мы не заметили ни малейшего нарушения детьми обстановки торжественности, которая царила в этом классе. Все ребята, опрятно одетые, с аккуратными прическами, не спеша, спокойно занимали свои места и вели себя с каким-то подчеркнутым достоинством. По взглядам, которые они бросали в нашу сторону и обменивались друг с другом, чувствовалось, что присутствие на уроке большого числа посторонних было для них делом привычным, доставляющим классу явное удовольствие.

Как только открылась дверь, учащиеся сразу же поднялись и, бесшумно выйдя из-за столов, стали ровными рядами в проходах. Во всем чувствовалась натренированность, желание сделать каждое движение красивее, эффектнее.

Вошел учитель — молодой, высокий, в черной паре. Он быстро направился к своему столу, оглядел класс и сделал легкий поклон головой. Дети сразу же сели и приняли позу готовности к серьезной работе.

Уже первые секунды показали, что учитель и учащиеся представляют собой единое целое, что они понимают друг друга буквально с полуслова, полужеста. Учитель сделал еле заметный знак рукою — и у его стола появились два мальчика, его очередные помощники. В считанные мгновения, не проронив ни слова, они внесли из лаборантской несколько приборов, поставили на стол перед учителем и по кивку его головы тут же возвратились на свои места. Еще один знак — и на помост поднялась девочка, чтобы снять со стены лишний плакат. Мы сидели и удивлялись: такие сработанность и взаимопонимание бывают разве что в сложившемся коллективе оркестра, да и сам учитель очень походил на дирижера.

Начался урок, собственно, настоящая работа с учащимися. Учитель спрашивал по материалу предыдущего занятия, сначала с места, фронтально, потом с вызовом к доске. Предлагалось решить задачу или ответить на вопрос развернуто, по возможности полно. Наше удивление стало расти: ни одной запинки, ни одного сколько-нибудь неуверенного ответа. Казалось, ученики только и ждали вызова и каждый думал лишь об одном: как лучше ответить на предложенный вопрос.

— Вот как нужно учить детей, вот какие могут быть результаты, — говорил себе каждый из нас, слушая бойкие ребячьи ответы и с завистью поглядывая на спокойного учителя, уверен-

ного в каждом своем воспитаннике.— В нашу бы школу такого специалиста...

Весьма впечатляющим было и объяснение учителем нового материала. Сделав краткое, но убедительное обобщение ранее изученному, он перешел к рассказу о превращении тепловой энергии в механическую, показал все это на убедительных примерах из жизни, обратился к схемам на плакатах и сформулировал положение о сохранении энергии и ее превращении из одного вида в другой.

Говорил он, не торопясь, негромким баском, без лишних жестов, с уверенностью человека, которому хорошо известны не только школьные сведения по теме, но и передний край науки, ее открытия и достижения. Назывались новые открытия, причем делалось это с особым подчеркиванием нынешних высот физики и, в сущности, заурядности того, что изучается по теме в классе.

Такое противопоставление науки школьному предмету казалось нам неправомерным. Конечно, дидактический принцип научности требует, чтобы преподаватели в доступной форме знакомили учащихся с достижениями современной науки. Но зачем так принижать уровень программного материала, зачем подчеркивать учащимся, задевая их самолюбие, азбучность и несложность истин, которые они должны усвоить на уроке?

Впрочем, сомнения владели нами недолго. Ведь это только один пример, на следующих занятиях и такой пример может оказаться целесообразным. Главное — учитель хорошо знаком с состоянием современной науки, тут уж ничего не скажешь, думали мы, захваченные виртуозностью демонстрации опытов по теме.

Показывая опыты, учитель по несколько раз обращался к ученикам: хорошо ли им все видно, усвоили они суть процессов, разобрались ли в происходящем?

Учитель нагревал на спиртовке медный пятак и показывал, как он не проходит в отверстие между двумя вбитыми гвоздями. Он сам демонстрировал, как вода, нагретая в колбе, выталкивает пробку из горлышка. Делал он это красиво, умело, точно.

Затем классу было предложено самостоятельно поработать над новым материалом, и ребята спокойно, без малейшего шума, как и во время объяснения учителем темы, раскрыли учебные книги и приступили к чтению.

Процесс закрепления нового материала полностью покорил всех присутствующих на уроке педагогов. Молодой учитель предложил детям более десятка вопросов, и на каждый из них был получен быстрый и безошибочный ответ.

Всю перемену мы ни о чем не говорили, кроме как об этом уроке. Впечатлений было так много, их так хотелось сохранить и осмыслить, что мы не заметили, как прозвенел звонок, приглашающий нас на урок в следующий VII класс.

На урок в VII «Д» мы заходили в сопровождении завуча

школы. И надо было такому случиться, что уже первые минуты пребывания в этом классе настроили нас против занятия.

Первыми испортили впечатление трое мальчишек. Опоздав своевременно зайти в учебный кабинет, они, не спеша, примкнули к нашей группе и как ни в чем не бывало продолжали громко беседовать между собой. Кто-то из педагогов — слушателей курсов предложил им пройти вперед и побыстрее занять свои места: ведь сейчас начнется урок. Но один из мальчишек ответил:

— Ничего, еще успеем.

Второй постарался объяснить:

— Сейчас урок Меморандума... то есть Ивана Леонтьевича. Он не обидится.

Мы вошли. Учащиеся стали подниматься из-за парт. Но как это было непохоже на встречу в VII «А»! Кто-то встал сразу, кто-то задержался, а кое-кто продолжал сидеть, рассматривая содержимое портфеля...

За столом учителя никого не было. Минуты через две дверь лаборантской резко отворилась, и на возвышении, где находилось учительское место, появился невысокого роста человек, в белом халате, с сбившимся на сторону галстуком, с взлохмаченным чубом, держа в руках какой-то ящик. Ребята встретили его так же, как и нас, не очень-то стараясь сделать свое приветствие организованным и красивым.

Мы вначале даже не разобрались, кто появился перед классом — учитель или лаборант.

Учитель — это все же был он — не обратил никакого внимания на приветствие учеников. Поставив ящик, он суетливо начал вынимать из него различные приспособления к предстоящим опытам. Справившись с ящиком, учитель подошел к краю возвышения и, поправляя волосы, осмотрел ребячьи ряды.

— А, так у нас сегодня гости! Очень рад, очень рад! — сказал он. — Что ж, начнем, ребята. Вы все здоровы? Больных нет? Нужно постараться побольше успеть за урок, начнем!

По классу прошел шумок.

— Давайте-ка приготовим все необходимое для работы, — продолжал учитель. — Прошу спокойно сидеть на местах и принять оборудование к уроку, а дежурных прошу помочь мне его раздать.

Шум сразу усилился. Заскрипели стулья, начались разговоры, несколько мальчиков и девочек быстро поднялись и стали ходить по комнате, — это, конечно, были не только дежурные.

Учитель, кажется, и на это не обращал никакого внимания. Он вместе с дежурными разносил по рядам столов спиртовки и другое оборудование и тут же отвечал на разные вопросы.

Создавалось впечатление суеты, неорганизованности, напрасной траты учебного времени. Это так контрастировало с обстановкой только что прошедшего урока в VII классе «А»! Присутствующие педагоги посматривали друг на друга и думали примерно одно

и то же: «Что же это за начало урока? Никакой дисциплины и порядка! Да, вот, оказывается, какие дела! Значит, и в самой лучшей школе может быть такое... Ну что ж, послушаем, посмотрим...»

Когда, закончив раздачу оборудования, учитель поднялся к своему столу и, не реагируя на шум, начал копаться в каких-то тетрадах, наше недоумение еще более усилилось. Как выяснилось позже, почти всем в голову пришла мысль, что директор школы, вероятно, не терпит этого учителя и рекомендовала нам пойти на его урок с одной-единственной целью: позже, на разборе занятия в присутствии коллектива педагогов школы заставить этого горе-учителя выслушать о себе мнение со стороны, мнение тридцати директоров, если он до сих пор не убедился в своей профессиональной непригодности.

Большое удивление вызвало и то, как началась работа с классом: ни проверки домашнего задания, ни опроса по ранее изученному, хотя завершалась важная тема курса, и все методические пособия по предмету рекомендовали учителям тщательно проверять уровень усвоения учащимися материала. В VII «А» учитель сделал это очень последовательно и четко.

А здесь, посмотрев, как ребята расположили у себя на столах полученное оборудование, учитель заявил, что урок он начнет сразу с изучения нового.

— Спрашивать просто некогда, новая тема займет уйму времени, с ней нужно основательно поработать,— сказал учитель тоном извинения.— Да вы ведь хорошо подготовились к уроку, правда? Уверен, что и без опроса дело пойдет как следует!

«Вот уж о чем говорить бы не следовало,— думал я.— Откуда такая уверенность в знаниях детей? Это при их-то уровне организованности и дисциплины?» Я чувствовал, что примерно так думают и мои соседи. Один из них, улыбнувшись мне, безнадежно махнул рукой. Дескать, где тут ожидать серьезного урока? Комедия какая-то, да и только!

Между тем в учебном кабинете постепенно установилась тишина. Мальчики и девочки спокойно сидели за столами, их сосредоточенные лица были обращены в сторону учителя. На некоторых рядах появились поднятые руки: в классе вдруг возникли вопросы!

И тут мое настроение сразу изменилось. Я почувствовал себя так, будто попал в совершенно иную обстановку, где ничто уже не вызывало ни тревоги, ни огорчений. Видимо, такое же чувство появилось и у других педагогов, присутствующих на уроках.

Я заметил, что ребята спрашивают Ивана Леонтьевича по темам предыдущих уроков, хотя официальный опрос был отменен учителем, спрашивают откровенно, не скрывая своих затруднений, а такое не часто встретишь даже у очень хороших учителей. Не оставляла равнодушным и интонация, с которой учащиеся

обращались к этому невзрачному и несколько рассеянному Ивану Леонтьевичу, как они произносили само его имя и отчество. Все свидетельствовало о том, что человек этот близок и дорог подросткам: ведь по одному тону обращения можно безошибочно угадать, как школьники относятся к своему учителю, воспитателю.

Ответы учителя слушали все: видимо, его краткие и четкие разъяснения интересовали не только тех, кто задавал вопросы.

Затем был проведен инструктаж, неторопливый и обстоятельный.

— Хотя вы у меня народ опытный и догадливый, но напомнить будет не лишним,— заметил Иван Леонтьевич, начиная объяснение, как пользоваться приборами, которые находились перед каждым учащимся, какая должна быть очередность движений и что нужно делать для соблюдения правил техники безопасности.

— На всем можно экономить время в учебном процессе, но только не на воспитании привычки осторожности в обращении с приборами и реактивами. Это ведь вопрос охраны жизни и здоровья людей,— сказал он в конце инструктажа, глядя в конец кабинета, где сидели мы, его гости.

— Смотрите-ка, и нам с вами преподается урок. А, пожалуй, правильно! — заметил, улыбнувшись, мой сосед. И по тому, как это было произнесено, я почувствовал, что перемена в отношении к невысокому человеку, стоящему перед учащимися, происходит не у меня одного.

Работа, о которой так заботился Иван Леонтьевич, имела действительно нелегкую задачу: школьники должны были самостоятельно наблюдать, выяснять и постараться объяснить, что происходит с телами, если их нагревают. Для этого перед каждым учащимся находились спиртовка, колба с водой, закрытая пробкой, а также медные пятаки и некоторые другие предметы.

Не стану раскрывать весь ход самостоятельной работы учащихся. Отмечу лишь некоторые впечатления, полученные от создавшейся в классе обстановки, от личной заинтересованности каждого ученика выполнить задание учителя как можно лучше.

Прежде всего, было приятно видеть, как после краткой вводной беседы Ивана Леонтьевича школьники сразу же приступили к делу, и учебный кабинет превратился в настоящую лабораторию, в которой работают ответственные люди, буквально дорожащие каждой минутой. Это была неподдельная занятость, истинная устремленность в достижении поставленной цели.

Организованные и контролируемые Иваном Леонтьевичем занятия не оставили равнодушным ни одного человека, находящегося в этой большой комнате, в том числе и нас, взрослых людей, педагогов. Едва учащиеся завозились со своими прибора-

ми, как мы перестали быть простыми наблюдателями. Нас так и тянуло к этим мальчикам и девочкам, которые с завидной энергией взялись за дело. Нам было приятно смотреть на полуоткрытые рты одних и крепко сжатые губы других, на огромную сосредоточенность людей, захваченных общей работой.

Ребята самостоятельно нагревали медные пятаки, такие же как и в VII «А», но там это делал сам учитель. Здесь, в VII «Д», учащиеся собственными руками, вооруженные специальными держателями, пробовали, войдет или не войдет раскаленный пятак в отверстие между двумя закрепленными гвоздями. Они не только наблюдали за состоянием нагретого пятака, но и пытались самостоятельно объяснить физическую природу этого явления.

К проведению опытов учащиеся относились очень серьезно и ответственно. Нас, например, удивило, как реагировали ребята на довольно громкие хлопки, которые стали раздаваться в ходе другого опыта — нагревания воды в закрытой колбе. Из практики уроков по этой теме в своей школе и других я знал, что звук от вылета пробки при демонстрации, проводимой даже учителем, всегда вызывает бурные возгласы детей. У Ивана Леонтьевича, где опыт проводили десятки учеников, мы не обнаружили подобной реакции. Лишь при первом, неожиданном хлопке вскрикнула одна девочка, да и та, посмотрев на товарищей, сразу опустила голову: как-то неудобно так подетски не сдерживать своих эмоций во время столь ответственной работы...

Иван Леонтьевич предложил начать обсуждение результатов самостоятельных наблюдений учеников. Не могу поручиться за полноту своих тогдашних записей, но я все-таки успел занести в блокнот до десятка его вопросов, например: «Пропадет ли бесследно сгораемое в спиртовке? Что происходит с металлическим предметом, когда его опускают в пламя? Что происходит при нагревании с водой в колбе? Что из себя представляет само пламя? Что значит: тело расширяется? Почему и за счет чего происходит такое расширение? Все ли тела одинаково быстро расширяются при нагревании? От чего это зависит? Что такое тепловое движение? Какие вы знаете способы передачи внутренней энергии?» И т. д.

Ребята отвечали, объясняя и доказывая. И мы снова не заметили ни одного случая отвлечения внимания учащихся.

Стало очевидным и другое, не менее важное: учитель стремится не только к тому, чтобы получить от своих воспитанников осознанные ответы по проведенному и наблюдаемому опыту. Не меньше заинтересован он и в том, чтобы ребята, побуждаемые ситуацией самостоятельного поиска, воспроизводили свои прежние знания, знания по всей теме, полученные на предыдущих уроках. Оказывается, повторение, опрос по пройденному не отменены, а лишь проводятся в другой связи, вместе с работой над овладением

новым материалом, и поэтому проходят незаметно, не превращаются в самоцель.

— Что ж мне остается сказать? — подвел итоги Иван Леонтьевич. — Скажу лишь одно: молодцы — и мальчики и девочки. Все хорошо поработали и, по-моему, правильно все объяснили.

Потом обвел ряды довольным взглядом и предложил:

— Сейчас настала очередь решения задач. Давайте-ка для верности заглянем перед этим в учебники: а вдруг мы допустили неточность в своих определениях? Научные законы не терпят небрежности в формулировках. Быстренько откроем нужную страницу...

И школьники сразу же стали внимательно читать параграф учебника. Но едва были дочитаны предложенные учителем страницы, как поведение мальчиков и девочек снова резко изменилось — от сдержанности чувств и эмоций при выполнении самостоятельной работы они перешли к живому обмену мнениями, улыбались, наперебой обращались к Ивану Леонтьевичу.

— Посмотрите, Иван Леонтьевич, смысл один и тот же!

— Послушайте, пожалуйста, Иван Леонтьевич, никакой разницы, честное слово!

— Опять мы угадали, правда?

Иван Леонтьевич стоял перед классом и тоже улыбался. Он ничего не делал, чтобы несколько успокоить ребят. Наоборот, всем своим видом учитель будто поощрял это возбужденное состояние учеников. Ему явно нравилась такая обстановка в учебном кабинете.

И скорее всего — это была единственно правильная позиция учителя: ребята имели полное право радоваться открыто. Ведь им удалось — всем до одного! — правильно объяснить результаты своих наблюдений и дать определения физическим законам почти так же, как это было сформулировано в учебнике.

Когда в кабинете водворилась тишина, Иван Леонтьевич в порядке обобщения сам рассказал, в чем сущность закона сохранения и превращения энергии в механических и тепловых процессах. Сделал он это весьма корректно, нисколько не подвергая сомнению сказанное учениками. Его вступительная фраза: «Итак, мы с вами выяснили» повторялась неоднократно, поддерживая у школьников чувство сопричастности к общему поиску и веру в свои силы.

Начались упражнения. Каждый из учащихся получил карточку с заданием, которое включало до пяти задач по новому материалу. И снова на всех рядах парт — тишина. И так же как во время работы с приборами, ни одного лишнего слова. Завидная сосредоточенность, неподдельный интерес владел классом.

Минут через десять большинство справилось с заданием, но никто из закончивших работу не торопился поскорее сообщить об этом учителю или заняться другими делами. Никто не нарушил тишины и порядка в классе, не помешал соседу завершить

свое задание. Все спокойно сидели на местах. Это нам очень понравилось. Такое поведение — свидетельство хорошей воспитанности учащихся, их умения считаться с другими, не кичиться своими успехами перед товарищами. Вскоре, как и следовало ожидать, в классе не осталось ни одного ученика, который бы не справился с заданием.

Объяснив, что предлагается сделать дома, Иван Леонтьевич со звонком на перемену объявил об окончании урока. Но ему не сразу удалось покинуть кабинет: окруженный толпой своих воспитанников, он почти до следующего звонка что-то объяснял, показывал, вычерчивал на классной доске.

Видимо, не стоит объяснять, как произошла у нас, педагогов, пришедших на уроки, переоценка ценностей. На второй перемене наши беседы были всецело посвящены мастерству Ивана Леонтьевича, а урок в VII «А» как-то отошел на задний план...

Урок Ивана Леонтьевича заставлял нас по-иному посмотреть и на собственные занятия, и на уроки учителей своих школ. Теперь уже не было вопроса, к какой категории специалистов отнести физика из VII «Д». И нам было неудобно вспоминать, как поначалу мы восприняли этого настоящего мастера педагогического труда...

Наш общий интерес к Ивану Леонтьевичу настолько возрос, что мы ежедневно искали возможность зайти к нему в лабораторию, встретиться, побеседовать. По договоренности с учителем мы еще несколько раз побывали на его уроках и неизменно возвращались с большим удовлетворением от увиденного и услышанного там.

Наблюдения за занятиями у Ивана Леонтьевича наталкивали на размышления о двух важных показателях в работе школы — о дисциплине учащихся и их учебных успехах. Сравнивая его уроки и уроки в VII «А», каждый из нас приходил к выводу, что здесь мы встретили два вида дисциплины. На уроках Ивана Леонтьевича царила дисциплина интересного самостоятельного труда, увлекательного поиска, царила атмосфера любви к учебному предмету и глубокого уважения к педагогу, ведущему этот предмет. В VII «А» была дисциплина строжайшей внешней требовательности, нетерпимого отношения к любому отступлению от общих правил, дисциплина давления учительского авторитета на учеников.

Разумеется, и первый вид дисциплины не исключает требования соблюдения правил, но главным является воспитание у ребят *интереса* к учебному предмету, стремления и привычки трудиться *самостоятельно и увлеченно*. Такая дисциплина связана с формированием важнейших качеств личности, которые и составляют ее основу.

Опыт убеждает, что истоки дисциплины детей и подростков и мотивы их повседневной учебной деятельности находятся в

самой тесной связи. В одном из только что показанных случаев — это большое желание детей узнать что-то новое, стремление во всем разобраться самим, внутренняя готовность доводить начатое дело до конца и в не меньшей мере постоянная мечта походить на любимого учителя. В другом случае — это в основном боязнь получить на уроке плохую оценку и вызвать недовольство чрезмерно строгого преподавателя.

В связи с этим не могу не привести одного примера из жизни учебного заведения, которым я руководил в течение ряда лет.

Среди всех начальных классов самым организованным и воспитанным был класс Валентины Владимировны. Она вела здесь уроки и по совместительству работала воспитателем группы продленного дня. Ребята примерно вели себя на уроках и переменах, были самыми аккуратными в столовой, а когда наступал час послеобеденного отдыха, сразу же направлялись в спальни и быстренько ложились в постели. Никто из детей не получал замечаний на самоподготовке (так называлась работа по выполнению домашних учебных заданий в группе продленного дня). Ни я, ни завуч, посещая уроки Валентины Владимировны, никогда не находили причин быть чем-то недовольными. Класс этой учительницы стал первым по успеваемости, и чуть ли не на каждом заседании педагогического совета и на совещаниях при директоре мы хвалили и класс и его наставницу.

Но вот ребята ушли от Валентины Владимировны, закончив обучение в начальных классах, и вскоре мы перестали узнавать этих детей. Что и говорить, переход учеников из начальных классов в средние, от одного педагога к учителям-предметникам, всегда сказывается на успеваемости и прилежании детей. Некоторые учащиеся долго не могут привыкнуть к новой обстановке, частично забывают правила поведения, привитые в младших классах. Но такое обычно наблюдается через два-три месяца после перехода в средние классы и не проявляется у массы школьников.

Воспитанники Валентины Владимировны — причем все без исключения — через полторы-две недели вызвали у учителей средних классов настоящую тревогу. Резко изменилось отношение мальчиков и девочек и к работе на уроках, и к выполнению домашних заданий, и к поведению после занятий. Не стало прежней опрятности на рабочих местах и в спальнях, дети перестали обращать внимание на свой внешний вид.

Случившееся опечалило весь коллектив педагогов. Мы стали искать причины, объясняющие такие перемены. Кто-то говорил об отсутствии преемственности в педагогической работе младших и средних классов. Что ж, преемственность — важный вопрос, но дело оказалось не в этом.

Валентина Владимировна и ее помощница по группе, предъявляя строгие требования к поведению ребят в школе и вне ее,

довольствовались лишь внешним проявлением исполнительности и мало заботились о том, чтобы старательное отношение детей к учению и соблюдению правил общежития превратилось в качество личности каждого, стало предметом заинтересованного стремления.

— Выйдя из-под опеки Валентины Владимировны, дети как бы расковались,— очень тонко подметил завуч школы.— Они отбросили в сторону все, даже привычку ежедневно заниматься уроками. Видимо, в начальных классах, избегая резких замечаний педагога, они делали многое не по внутреннему побуждению, не по собственному желанию...

Ту же картину мы наблюдали и на уроках в VII классе «А», где так отлаженно и споро шла работа, но только внешне...

Иван Леонтьевич всего третий год работал в школе, был еще молодым специалистом, но уже пользовался репутацией способного и очень трудолюбивого учителя.

Учительский путь Ивана Леонтьевича начался не без трудностей. Ученики на первых порах увидели в нем лишь застенчивого, рассеянного и даже смешного человека. Вскоре у него появилось и прозвище.

Случилось это так. Выражая свое недовольство поведением класса, которое постоянно отвлекало его от дела, Иван Леонтьевич обратился к ученикам со следующими словами:

— Так дальше продолжаться не может, вы мне очень мешаете. Я на вас не сержусь, но *примите к сведению* — это мой *меморандум*, если хотите, или напоминание: балуюсь или занимаясь посторонними делами, вы мешаете прежде всего себе, мешаете по-настоящему учиться, узнавать новое. Какие должны быть у нас взаимоотношения? Очень простые: я стараюсь как можно больше дать вам, вы стараетесь как можно больше взять от моих уроков. А сейчас вы так много теряете впустую драгоценного времени...

Разумеется, после этой речи Иван Леонтьевич не заметил сколько-нибудь серьезных изменений в поведении ребят, но зато сразу приобрел второе имя. Все учащиеся, точно сговорившись, стали называть его между собой не иначе как «Меморандум».

Прозвище нового учителя ребята произносили без всякого зла, как бы в шутку. Просто для них это было необычное слово. Возможно, что с этим словом они интуитивно связывали одно из примечательных качеств учителя физики — его предупредительность, готовность все объяснить, уточнить.

Дети очень точно отражают в прозвищах какую-либо важную черту личности учителя или воспитателя. При этом они редко наделяют педагога прозвищем за качество, которое им не нравится, скорее наоборот.

Ребята называли Ивана Леонтьевича «Меморандум» и после того, как признали в нем настоящего учителя, у которого научились любить науку и труд, дорожить своим и чужим временем.

И тогда для них перестали иметь значение и его застенчивость, и рассеянность, и некоторая неловкость движений. Все, что сначала снижало авторитет учителя, со временем отпало, потеряло всякое значение. Но «Меморандум» остался. Только теперь это слово вызывало у ребят чувство гордости, а может быть, и преклонения...

Талантливые учителя... Они совершенно разные, и не каждый из них сразу находит дорогу к сердцу и разуму ученика. Но, встречаясь с талантливым учителем, дети — да и не только дети — обязательно становятся лучше — умнее, воспитаннее, добрее...

Талантливый учитель — личность увлеченная. Ей свойственны прежде всего всеохватывающая любовь к педагогическому труду, неустанный поиск путей совершенствования своей работы, постоянное внимание к судьбе каждого ребенка и готовность сделать все необходимое для того, чтобы эта судьба была красивой, достойной чести человека нового общества. А это именно те качества личности, которые рано или поздно, но обязательно помогут учителю обрести способность стать истинным наставником подрастающего поколения.

«ПОВЛИЯЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА СТОЛЯРОВА...»

За последнюю неделю Александр Иванович Городкин трижды приходил к директору и все по одному вопросу. Он настоятельно требовал принять самые строгие меры к тому, чтобы во всех классах школы-интерната для каждого учебного предмета было установлено определенное количество времени на выполнение домашних заданий. Городкин, ссылаясь на Устав школы и высокие педагогические авторитеты, предлагал даже специальную систему по внедрению своих рекомендаций: расчеты часов, порядок инструктирования, организацию контроля и пр. Все это казалось чересчур усложненным, хотя сама идея усиления внимания к объемам домашних заданий не вызывала возражения.

На этот раз Александр Иванович был немногословен. Войдя в кабинет, он тут же заявил:

— Убедительно прошу Вас срочно повлиять на Столярова. Это никуда не годится: буквально все ребята учат лишь его литературу. Они ведь так не окончат курса школы...

Затем, немного успокоившись, Александр Иванович сказал, что он долго терпел такое отношение своего коллеги к другим учителям-предметникам, но теперь решил говорить в открытую. Им проведено специальное хронометрирование на протяжении месяца, и вот результат: предметом Леонида Пантелеевича Столярова учащиеся занимаются в три с половиной раза больше, чем математическими дисциплинами.

Обдумывая, как поступить в этой ситуации, я спросил у Александра Ивановича:

— Скажите, пожалуйста, разве Леонид Пантелеевич перегружает ребят домашними заданиями? Тогда, может быть, стоит привлечь внимание завуча и председателя предметной комиссии?

— Нет, нет,— после небольшой паузы ответил учитель математики,— формального превышения объема домашних уроков я не обнаружил. Но не без ведома же Столярова ребята часами просиживают в библиотеке и находят для себя дополнительное занятие!

Я понял, что мне не удастся найти для Александра Ивановича ответ, который пришелся бы ему по душе. Возможно, я поступил опрометчиво, но все же сказал:

— Да, действительно, вы, Александр Иванович, очень долго оставляли в покое Столярова. На вашем месте я давно бы испортил ему настроение: обязательно добился бы, чтобы все воспитанники

влюбились в математику, чтобы не литературе, а математике отдавали они большую часть своего времени...

Александр Иванович, думая, что это всего лишь шутка, настроился слушать меня дальше. Но я ничего не добавил к сказанному, протянул руку и заключил:

— Вот и все, что я могу вам посоветовать. До свидания...

Александр Иванович внимательно посмотрел на меня и медленно пошел к двери.

Как мы уже отмечали, с научной подготовленностью педагога, с его эрудицией связаны многие качества личности учителя, воспитателя подрастающего поколения. И среди этих качеств особо хотелось бы подчеркнуть *собственное отношение педагога к преподаваемому им школьному предмету*. По характеру данного отношения, думается, можно условно разделить всех учителей-предметников на две группы.

Александр Иванович Городкин скорее всего относился к той группе учителей, которые придерживаются убеждения, что основная, если не единственная, обязанность преподавателя школы — сообщать ученикам знания и проверять, как эти знания усвоены, как они применяются. Конечно, сообщать или объяснять материал основательно, по возможности популярно, с использованием различных дидактических средств, но не больше! В том, что ученик может не все понять или слабо усвоить урок, такие специалисты не видят ничего особенного: это вполне допустимо, даже естественно. И если таким учителям приходится анализировать причины неуспеваемости, они нередко готовы обвинить самих учащихся, их родителей, администрацию — всех, только не себя, не свою работу с классом.

Учителя, подобные Александру Ивановичу, имеют довольно хорошую подготовку по специальности, по предмету, который преподают детям. Но эти знания не составляют *сути* их бытия, не являются органической частью их души, их определяющим жизненным интересом.

Бывает и так, что знание преподаваемой учебной дисциплины, весьма ценное специалистом, еще не осознано им как неперенное и важнейшее средство развития и воспитания личности каждого школьника.

Наконец, отметим, что среди специалистов, придерживающихся позиции Александра Ивановича, можно встретить не только пожилых, с солидным стажем работы, но и молодых, начинающих, которые довольно строго следуют раз и навсегда взятой дистанции: учитель — ученик. Они представляют себя как бы стоящими над массой учеников и сходить с этого пьедестала не собираются. Интересы, заботы, тревоги, самочувствие каждого сидящего в классе мало заботят их и существуют как бы на втором плане.

Давно подмечено, что специальные знания, не одухотворенные высокой нравственностью, отнюдь не всегда являются благом...

Леонид Пантелеевич Столяров по-иному смотрел на свое место

и роль в жизни воспитанников. Главное, что отличает педагогов типа Леонида Пантелеевича,— это их большая, *все подчиняющая себе преданность избранному делу*, любимой профессии. Это же чувство преданности, постоянного внимания и искренней любви такие педагоги испытывают и к детям, ко всем тем, кого они обучают, воспитывают, с кем встречаются в классе, библиотеке, музее, на школьных вечерах.

Свою преданность учительскому делу, *глубокую личную заинтересованность в судьбе каждого учащегося* Столяров не афишировал, даже скрывал. За несколько излишней серьезностью, неулыбчивостью, лаконичностью в разговоре скрывалось искреннее и сильное желание педагога сделать свои уроки и внеклассные занятия средством вдохновенного и радостного поиска, увлекательной работы школьников, средством всестороннего развития их сил и способностей.

Истинная преданность и любовь скромны, они не нуждаются в том, чтобы о них заявляли. Преданность учительской работе, искренняя личная заинтересованность педагога в судьбах воспитанников всегда скоро и безошибочно угадываются детским коллективом, особенно ребятами с трудной судьбой. Малыши, подростки и старшеклассники в условиях интерната быстро узнают, *кто есть кто*, и тут же довольно верно определяют линию своего отношения к учителю.

Вспоминается такой, казалось бы, рядовой случай из жизни нашей Сафоновской школы-интерната. При проведении смотров по охране природы первые места из года в год присуждались воспитанникам Тамары Ивановны: у них всегда был самый богатый живой уголок при гостиниой, самый ухоженный цветник у окон общежития. Стали изучать опыт воспитательницы, и выяснилось, что Тамара Ивановна не так уж много провела бесед о природе и специально запланированных мероприятий. Но вот мы слышали рассказы самих детей, и наше представление о действительной роли воспитательницы в формировании у ребят чувства любви к природе заметно изменилось.

Рассказы мальчиков и девочек из группы Тамары Ивановны были полны ребячьего удивления и большой гордости за свою воспитательницу. Ведь это она, Тамара Ивановна, в холодный морозный день возвращаясь из далекой деревни, куда ходила навестить больную бабушку одной своей ученицы, подобрала на снегу полуживую галку с подбитым крылом и несла ее восемь километров до интерната! Галка была поселена в большой клетке живого уголка, она и сейчас находится там, хотя иногда вылетает на улицу.

Это Тамара Ивановна достала лучшие сорта роз, которые всю весну, лето и осень украшают цветник и главную аллею на территории школы-интерната. Саженцы роз воспитательница получила из знаменитых питомников Кавказа, куда посылала много писем и телеграмм, а потом специально ездила во время своего отпуска.

Украшенные самыми необычайными подробностями, на которые

так богато детское воображение, эти рассказы убедительно доказывали, что сделанное Тamarой Ивановной для живого уголка и цветника оказалось куда более действенным средством воспитания у ребят бережного отношения к природе, чем десятки мероприятий других педагогов, в том числе и самые квалифицированные беседы о животном и растительном мире.

Наша школа-интернат встречала тогда свой первый и довольно трудный учебный год, и в числе ее педагогов — учителей и воспитателей — был двадцатидвухлетний выпускник историко-филологического факультета Смоленского педагогического института Столяров Леонид Пантелеевич.

Трудность работы в наступавшем году была очевидной: из восьмисот шестидесяти воспитанников школьного отделения, съехавшихся из разных мест страны, чуть ли не пятьсот по документам числились второгодниками; немало ребят к нам перевели условно классом выше. Много проблем вставало по важнейшим условиям жизни детского городка: режим и распорядок дня, дисциплина и культура поведения, отношение учащихся к труду, к общественной собственности, организация самоуправления.

Молодой специалист Леонид Пантелеевич получил сразу же значительную учебную нагрузку: ему предстояло вести уроки русского языка и литературы почти во всех средних и старших классах. И это были предметы, по которым мы имели самое угрожающее состояние успеваемости. Проведенные вскоре после прибытия в городок воспитанников письменные работы показали очень слабую подготовку по грамматике.

Столяров, которому предстояло ежедневно давать по шести уроков в очень трудных классах, а потом вести консультации и дополнительные занятия с неуспевающими, проверять ученические тетради и составлять разные планы для следующих занятий, по существу, не имел никакого опыта самостоятельной работы в школе. Вряд ли можно назвать самостоятельной работой те несколько пробных и зачетных занятий, которые проводятся студентом по программе вузовской педагогической практики.

Там, на педпрактике, можно было не особенно напрягаться, чтобы решить тот или иной вопрос организации и содержания урока. К услугам студентов опытные специалисты и на кафедре, и в школе: они по несколько раз проверяют конспекты-сценарии занятий, дают необходимые советы. Да и школы, где проходит педагогическая практика, лучшие в городе.

Здесь, в обстановке школы-интерната, которая только что укомплектована сложным детским контингентом, где у молодого учителя оказалась такая большая нагрузка, все обстояло иначе...

К чести Леонида Пантелеевича нужно сказать, что предложение о работе в таких условиях его не испугало и было принято с пониманием.

Уже в первые дни Леонид Пантелеевич с большой ответственностью взялся за порученное ему дело. Усталый, с бледным лицом

и вспотевшим лбом, садился он на переменах в дальний угол учительской и просматривал свои записи к очередному уроку. Осознавая свое место среди опытных педагогов, он почти не участвовал в разговорах.

Лишь однажды он счел возможным сказать несколько слов. Услышав мнение преподавателя математики Александра Ивановича, что при таких исходных данных, как в этой школе-интернате, всякое педагогическое усилие и мастерство абсолютно бесполезны, Леонид Пантелеевич быстро поднялся с места и, густо покраснев, очень громко заметил:

— Но, позвольте, это уже чересчур! Тут еще нужно хорошенько разобраться, да и по-настоящему поработать, прежде чем так говорить! По-моему, вы слишком сгущаете краски. С таким настроением в классы ходить бесполезно. Простите...

Не обескуражило Леонида Пантелеевича и довольно серьезное недоразумение во время занятия у десятиклассников. После этого случая молодой педагог стал еще более требовательным к себе, к каждому своему поступку.

Это было на втором уроке в X классе «А», после проверочного занятия по русскому языку — фронтальной беседы и небольшого диктанта. Прочитав небрежно исписанные, а порой просто грязные листки учеников, Леонид Пантелеевич шел в класс с тяжелым настроением. Конечно, думал учитель, наскоро созданные в войну и после нее детские дома, откуда поступили его воспитанники, не могли дать многого; еще меньше могли дать детям неблагополучные семьи. И все же такая запущенность в знаниях языка, орфографии, пунктуации...

Леонид Пантелеевич вошел в класс, ребята поднялись. Учитель внимательно посмотрел на стоящих перед ним учащихся, и ему еще больше стало не по себе: ни одного озабоченного лица, ни малейшего чувства тревоги. А ведь они должны были ждать учителя со своими диктантами! Неужели никто из этих почти взрослых людей не знает или не догадывается, что их грамотность никуда не годится? А может быть, это результат полного безразличия к учебе?

Леонид Пантелеевич вынул из портфеля стопку листков и еще раз оглядел класс, но никакого изменения реакции не произошло. Некоторые все еще продолжали улыбаться: видимо, они продолжали жить какой-то забавной темой разговора на перемене, разговора постороннего, не имеющего отношения ни к уроку, ни к положению с успеваемостью.

Едва учитель отметил отсутствующих, как над рядами парт поднялось четыре руки: самые взрослые ученики, и среди них двое, у кого больше всего было ошибок в контрольной, стали отпрашиваться с урока по «неотложному делу».

Класс встретил эти заявления громким смехом.

Леонида Пантелеевича это разозлило, и он тут же допустил досадную ошибку.

— Что ж, идите, малыши, а мы здесь поиграем,— сказал он с нескрываемой иронией. Затем добавил резко: — Если так относиться к учебному времени, то лучше вообще не посещать школу!

Когда четверо скрылись за дверью, Леонид Пантелеевич, осуждающе покачав головой, обратился к сидящим за партами:

— Больше никому не нужно по «неотложному делу»? Не стесняйтесь, говорите! Я отпущу, возражать не стану!

Это было его второй, самой нелепой ошибкой в отношении к старшекласникам. И он сразу же это почувствовал — по резким взглядам насупившихся учеников и учениц, по еле слышному ропоту, который прошел по рядам парт.

Он понял все, но было поздно. Едва Леонид Пантелеевич сел за учительский стол, как в классе поднялись все юноши. Со словами «Можно?», не дожидаясь разрешения учителя, они стали выходить в коридор школы. В комнате остались только девочки, но и они, казалось, были готовы последовать примеру мальчиков.

Леониду Пантелеевичу ничего не оставалось делать, как извиниться за допущенную бестактность. Хмурая брови и виновато улыбаясь, он сказал:

— Вот как их задело... Что ж, простите, если обидел ненароком. Еще раз прошу, простите! И впрямь, вышло очень глупо, не подумал...

— Мы вас хорошо понимаем, но не надо обижаться на ребят,— поднялась с задней парты рослая, красивая девушка. Это была Абрамцова Лариса, вскоре показавшая себя в интернате способной ученицей и умелым организатором воспитанников.— Какие они ни есть, а все равно обиду сносить трудно. Хотя знаний пока и маловато, но народ это гордый! — И, уже садясь, закончила тихим, но твердым голосом: — Ведь гордость есть не только у хорошо грамотных, правда?

Этот случай Леонид Пантелеевич запомнил на долгие годы, а слова Ларисы, что гордость может быть не только у «хорошо грамотных», неоднократно повторял и на педсоветах, и на заседаниях методической комиссии.

На следующий день Столяров старался вести себя с учениками ровно, не допускал резкого повышения голоса. Человек организованный, обладающий силой воли, Леонид Пантелеевич умел сдерживать свои эмоции. К тому же он все больше начинал понимать, что серьезные провалы в знаниях его учащихся — это меньше всего их вина.

Первые уроки в его классах — и у подростков и у выпускников — убедили учителя: если и можно чего-то добиться от учеников, то лишь при условии, что им будет *интересно* учиться. Только очень заинтересовав, только по-настоящему удивив каждого, можно рассчитывать на положительный результат — таков был итог наблюдений Столярова в самом начале занятий в интернате.

Но это нисколько не смутило Леонида Пантелеевича. Еще в своей дипломной работе по педагогике он писал: «Только передавая информацию, то есть сообщить определенные знания, не стремясь

заинтересовать ими всех сидящих в классе, а затем спросить, как знания усвоены,— это посильно любому мало-мальски грамотному человеку. Учитель обязан сделать свою информацию такой, чтобы ее *хотел усвоить* и *обязательно усвоил* каждый его воспитанник. В этом, собственно, и состоит одно из важнейших назначений педагогического труда...»

Теперь Леониду Пантелеевичу предстояло ежедневно трудиться над реализацией собственного требования, и трудиться в несколько необычной обстановке. Работа в школе-интернате могла проходить нормально только при условии строгого учета особенностей каждого воспитанника, именно *каждого*, и постоянной готовности учителя отвечать на его запросы.

Далеко за полночь засиживался молодой учитель за подготовкой к очередным урокам. Программный материал он знал хорошо, можно сказать — основательно. Литература и язык еще со школьных лет были для него предметом не только исключительного интереса, но и настоящего преклонения и обожания. При изучении этих дисциплин в вузе он обнаружил такие яркие способности, что уже на втором курсе ему наметкнули о возможном месте в аспирантуре. И теперь в школе Леонид Пантелеевич внимательно следил за выходом в свет каждого значительного произведения художественной литературы, каждой серьезной критической статьи, а также работ по языку и методике преподавания предметов филологического цикла.

Но была у него и самая неотложная цель в повседневной работе над собой. При подготовке к урокам Леонид Пантелеевич осваивал материал *педагогически*: он не спеша определял, о *чем* обязательно скажет и *как* это будет сказано, *каким* будет начало рассказа или объяснение, *что* он спросит по ходу изложения, *что* он прочитает наизусть, *как* он закончит изложение нового. Для него было также важно заранее определить, *чем* будет занята каждая минута урока, *что* он предпримет, чтобы *все* учащиеся занимались нужным делом, причем *с интересом*, а значит, с полной отдачей своих сил.

Он писал подробнейший план, вернее план-конспект, готовил нужные тексты, обдумывал средства наглядности и материалы фонозаписей. А перед его глазами стояли лица ребят, и прежде всего тех, кто уже успел проявить свою чрезмерную активность и сразу запомнился: им нужно приготовить задания поинтересней, чтобы эти задания могли увлечь, побудить к деятельности, развить воображение, вкус к творчеству. Представляя конкретных мальчиков и девочек, юношей и девушек, Леонид Пантелеевич определял, когда, при каких видах работы целесообразнее привлечь каждого из них, как просить ответить на вопросы: то ли фронтально, то ли предложить дать полный, развернутый ответ. Много других проблем вставало перед учителем, и он решал их без суеты, спокойно, с явным увлечением. Такая *тщательность* при разработке плана урока и определении методики работы с *каждым* учеником остались ха-

ракторными для Столярова и через пять, и через двадцать лет его занятий в школе...

Его уроки проходили живо, на них всегда было *интересно*. Они покоряли учащихся и манерой, и содержанием рассказа учителя, и видами деятельности самих учеников, и своей непохожестью друг на друга. Вскоре уроки Леонида Пантелеевича стали ждать во всех классах, отдавая им явное предпочтение.

Красивый голос, убедительная и образная речь, чтение наизусть огромного количества стихов и страниц прозаического текста, находчивость во время обсуждения самых сложных вопросов и обязательная честность во взаимоотношениях при любой ситуации — все это постепенно выдвигало Леонида Пантелеевича в число наиболее авторитетных учителей в средних и старших классах.

Особенно нравилась ребятам *деликатность* учителя литературы, его умение не обидеть и не поставить в неловкое положение вызванного к доске или с места, даже когда совсем не ладилось с ответом. Леонид Пантелеевич терпеливо, не перебивая, выслушает, немного помолчит, а потом скажет: «Что ж, я думаю, тут уже виден некоторый путь к истине». Или по-другому: «Молодец, постарался, теперь нам легче будет разобраться со всеми сложностями», — и предлагал классу высказаться, а потом рассказывает сам, то соглашаясь, то тактично не соглашаясь с только что говорившими.

Это, собственно, была новая лекция или новый рассказ, но теперь они опирались *на ответы учащихся* — далеко не полные и нередко неправильные, но все же ответы, с которыми нельзя было не считаться. Учительские обобщения, в которых учитывались трудные для понимания учащимися положения, помогали лучше понять тему и имели немалое воспитательное значение — они поощряли инициативу, не отбивали желания высказаться, участвовать в обсуждении. Кроме того, такое обобщение (в форме рассказа или лекции) организовывало волю воспитанников: после таких выступлений Леонида Пантелеевича *хотелось учиться*.

Интерес к урокам Леонида Пантелеевича, как и к самим учебным предметам, которые он преподавал, постепенно рос. Но каждая беседа и даже самое простое письменное упражнение показывали, что большинство учащихся серьезно отстают, что с ними нужна повседневная работа, помимо урочной. Но как ее лучше организовать, чтобы была реальная польза и чтобы ребята не испытывали унижительного чувства принадлежности к «неуспевающим»?

Леонид Пантелеевич решил объявить свои дополнительные занятия как консультации. Это слово не могло унижать ребят: консультациями пользуются весьма грамотные люди, даже крупные ученые.

«Консультация — важное средство быстрее разобраться с тем или иным положением или прочнее что-то усвоить», — так сказал

Леонид Пантелеевич в каждом своем классе, и по реакции ребят сразу было видно, что консультациями готовы воспользоваться не только неуспевающие, но и подготовленные ученики. Когда появился интерес к учебному предмету, отношение к консультации как к новой возможности заняться хорошим и нужным делом вполне объяснимо и естественно. Учителю было приятно, что во вторник, среду, четверг и пятницу — в дни дополнительных занятий его параллельных классов — на консультации приходило столько желающих, что их трудно было разместить в классной комнате: всякий раз приходилось занимать то актовый зал, то столовую.

Когда консультации в основном выполнили свою роль (хотя они продолжались и все последующие годы, только с ограниченным числом участников), Столяров приступил к организации большого *литературного объединения*. Не кружка, а именно объединения. Со временем объединение включило в себя несколько секций на правах ученических кружков: по изучению богатства родного языка, по сбору местных фольклорных произведений, по составлению карты и альбома литературных мест Смоленщины, где проживали известные или малоизвестные поэты, писатели, деятели культуры, а также по художественному чтению. Создана была и творческая секция: здесь пробовали свои силы начинающие литераторы, те, кто увлекался поэзией или созданием небольших прозаических произведений. Через несколько лет эта секция стала коллективным членом литературного объединения при Смоленской областной писательской организации.

Литературное объединение вскоре заняло видное место в школе-интернате. Регулярные вечера-отчеты экспедиций по родному краю, концерты художественной самодеятельности с выступлениями своих авторов стихотворений и рассказов, диспуты, читательские конференции, встречи со смоленскими литераторами, а также выставки, хорошо оформленные стенные газеты — все это привлекало внимание детского коллектива и учителей, было своего рода событиями в жизни школы. Воспитанники интерната дорожили своей принадлежностью к литературному объединению, которым руководил Леонид Пантелеевич, старались, чтобы их участие в работе объединения было более заметным. Особое чувство удовлетворения и гордости испытывали члены творческой секции.

Этой секцией гордился и сам руководитель литературного объединения. Он не скрывал своего чувства и от нас, своих коллег.

— Если ученик был вчера безразличен к урокам языка и литературы, а сегодня начинает писать стихи, старается разобраться в силе и красоте родного слова, то это говорит об очень многом, — подчеркивал Леонид Пантелеевич, выступая на заседании методической комиссии, которая обсуждала вопрос о детском литературном творчестве.

Однажды после выпускного вечера Столяров зашел ко мне и предложил послушать стихи.

— Но сначала несколько слов об авторе,— сказал Леонид Пантелеевич.— Это выпускница Костенкова Люба, она еще недавно испытывала большие трудности в учебе, а теперь и школу хорошо закончила, и серьезно занялась литературными опытами. Вот какое стихотворение написала она во время школьного бала.

«Л. П. Столярову — моему учителю — с радостью и благодарностью посвящаю.

Отзвучала музыка в зале,
Выпускной окончился бал,
Все подружки мои разбежались,
Опустел наш актовый зал.
Сядьте рядом со мной, учитель,
Под гитару вместе споем.
Пусть та песня над рощею мчится,
Пусть умоется теплым дождем.
Мы поем. Песня так и льется.
За окном струй дождя переплещ.
Вы спросили: «Ну, как поется?»
Я сказала: «Споем еще раз».
Был рассвет с тишиной безграничной,
Соловиная трель разнеслась.
Я готова просить публично:
«Мой учитель, споем еще раз».

— Ведь неплохо, правда? — спросил Леонид Пантелеевич, улыбаясь.— Посидели в кругу ребят, спели несколько песен, а через полчаса такой подарок!

Леонид Пантелеевич рассказал, что Люба не сразу записалась в секцию, стеснялась. Но потом, спустя год, призналась, что хочет научиться писать стихи, и принесла тетрадочку со своими первыми опытами. Пришлось долго работать вдвоем, затем стало возможным вынести кое-что на обсуждение секции. Ребятам понравились искренность и образность стихов, и это очень вдохновило Любу. Через месяц была подготовлена подборка ее стихов и с согласия учителя литературы послана в областную молодежную газету «Смена». Там стихотворения напечатали и автора похвалили. Теперь у Любы уже много стихов.

— Люба будет учительницей литературы,— закончил свой рассказ Леонид Пантелеевич.— Это мне тоже по душе. То, как она чувствует и любит литературу, дает право надеяться, что со временем она сумеет по-настоящему учить детей...

За всю учительскую жизнь Столярова, в том числе и в первые годы работы в школе-интернате, у него не было учащихся, которые бы не смогли справиться с программным материалом. Он добивался этого через воспитание устойчивого интереса детей и подростков к своему предмету, к книге, образному слову, через развитие в каждом школьнике творческого начала. «Любовь к творчеству способна вызвать в человеке огромные силы, помогает справиться с самым трудным делом»,— как-то в беседе со мной отметил Леонид Пантелеевич.

Творчество как условие быстрого развития школьников и активного усвоения ими духовной культуры общества стало для

Столярова важнейшей темой. Со стихами своих воспитанников он не расставался ни на методических занятиях, ни на заседаниях педагогического совета школы-интерната. Он читал их собравшимся учителям, заранее предупреждая, что это только первые шаги такого-то ученика. Он читал стихи, и кто-то из его коллег менял свое мнение о том или ином воспитаннике, начинал смотреть на него оптимистически, а это было очень важно.

У меня сохранилась чуть ли не полная запись выступления Л. П. Столярова на педагогическом совете в конце пятого года его работы учителем. Позволю себе привести отрывок из этого выступления, которое условно можно назвать «Учитель и ученик: педагогика их отношений».

«Средний и старший возраст школьника, как известно, время интенсивного развития самосознания, первые шаги во взрослую жизнь, первые серьезные попытки самоутверждения. Мы пока мало задумываемся над этим, редко догадываемся о тайных помыслах и надеждах ребят, а порою вообще ничего не знаем о них. Мы работаем с коллективом и, к сожалению, часто надоедаем воспитанникам бесконечными назиданиями, нотациями, опекой. *Личность*, индивидуальность ребенка, если говорить откровенно, остается за пределами наших усилий и внимания. Между тем наши питомцы, особенно старшеклассники, живут напряженной внутренней жизнью. Они пытаются осмыслить самих себя, ищут пути самовыражения, осознают уходящее детство.

Ты растаяло, детство, как заря за рекою,
Только капли дождя над тобою повисли.
Так прощай, мое детство, голубое, родное,
Что сплетало в косичку разноцветные мысли.

Какой интересный мир стоит за строчками этого стихотворения восьмиклассницы Гали Локтионовой, правда?

А вот другой школьник, Лемешко Сергей, известный многим здесь не только своей привязанностью к поэзии, пробует в своих стихах определить, почему уже в шестнадцать лет бывают горькие минуты, почему «давит груз обид».

Почему мечты мои напрасные
Не сбываются, как бы хотелось мне?
Почему дождя слезинки ясные
Снова плачут на моем окне?
Почему, как будто в наказание,
Детство спряталось в таинственном дыму?..

Кто из нас, педагогов, сумеет ответить юноше? И сумеет ли? Личность современного старшеклассника — это сложный конгломерат максимализма и самоуверенности, мечтательности и практицизма, это нередко смесь наивности и серьезных раздумий. Но в любом случае старший школьник осознает свое место в жизни и с полным основанием считает себя индивидуальностью — со своей судьбою, характером, мечтами.

Именно это, думается, утверждает в своем стихотворении наша девятиклассница Василевская Зинаида. Вот послушайте:

Вопросы, на которые нет ответа,
Проблемы, у которых решения нет...
А может быть, это — всего лишь лето?
А может, мне просто семнадцать лет?
Меня уверяют, что я повзрослела
И стала я больше чуть-чуть понимать.
Но это детство мое улетело
С тех пор, как из жизни ушла моя мать.
Быть может, я знала чуть больше горя,
На долю мне выпало меньше добра.
Но с тихою жизнью была в вечной ссоре
И плакала чаще других...
А утром не видел никто ни слезинки,
И думали с завистью даже друзья:
«Найти человека счастливее Зинки
Во всем белом свете, наверно, нельзя».
И я-таки счастлива, вы мне поверьте,
Я счастлива — и повторю это вновь.
Судьбою моей и наградой до смерти
Останутся вера, надежда, любовь.

Если отбросить попытку девочки примерить на себя одежды много прожившего человека, то в ее стихотворении выразилась творческая, развивающаяся личность, стремящаяся к совершенствованию. И если не понимать этого, не знать ребят, то обязательно возникают противоречия во взаимоотношениях между учителем и школьником, способные перерасти в напряженность, в конфликт...

И еще: «слезинки, слезинки» — встречаем мы в стихах наших воспитанников. Видимо, путь становления личности для них весьма нелегок, а наша конкретная и ежедневная помощь этому становлению пока недостаточна. Помните, у Достоевского: все блага мира не стоят слезы ребенка. Это, пожалуй, больше всего относится к нам, учителям и воспитателям...»

Леонид Пантелеевич постоянно настаивал на том, чтобы урок и другие занятия с учащимися оценивали, исходя из того, насколько они способствуют активизации мышления школьников, воспитанию у каждого стремления обязательно сделать изучаемое своим внутренним достоянием, частью своего духовного богатства. По этим вопросам Столяров подготовил ряд докладов и лекций, с которыми выступал перед учителями города и области.

Столяров уже в первые годы своей учительской работы сделал для себя правилом: в процессе обучения непременно решать творческие задачи, вводить элементы самостоятельных исследований учащихся, тем самым развивая их познавательные силы.

На одном из заключительных уроков по пьесе А. М. Горького «На дне» я обратил внимание на учебно-исследовательский характер заданий, которые Леонид Пантелеевич предложил своим старшеклассникам. Они должны были самостоятельно разобраться и ответить на такие вопросы: что предпочтительнее — трезвая правда Бубнова или спасительная ложь Луки? Почему Сатин утвер-

ждал, что Лука повлиял на него, как кислота на грязную монету? Почему Горький ни разу не сталкивает в открытом споре Луку и Сатина? Почему пьеса кончается словами: «Эх... испортил песню... дур-рак!»? Разве правильно называть Луку жуликом? В критической литературе существует два мнения: первое — Лука — спасательный круг для ночлежников; второе — Лука — камень на их шее. А каково ваше мнение?

Я видел, как старшеклассники напряженно думали, вчитывались в текст пьесы, сравнивали его с материалом учебника. Дальнейшие наблюдения показали, что работа над выполнением таких заданий очень интересна для учащихся. Она позволяет использовать различные методические приемы, в том числе элементы диспута, а главное, воспитывает, учит утверждать свой взгляд, свою позицию, формирует характер.

Этому же правилу — воспитывать у учащихся потребность самостоятельно мыслить, формировать личную позицию — Леонид Пантелеевич был верен и при определении тематики ученических сочинений. Известно, что сочинения, и прежде всего их тематика, в старших классах с давних пор стали проблемой из проблем для учителя литературы. В практике школ пока не изжит шаблон в написании сочинений, нередко отсутствует самостоятельность суждений школьников, обеднена их речь. Общие темы, предлагаемые всему классу, и ограниченность их вариантов мало способствуют самостоятельности письменных работ. Столяров скоро убедился, что ученики более заинтересованно и добросовестно относятся к индивидуальным сочинениям-докладам.

Таких сочинений-докладов в практике Леонида Пантелеевича учащиеся пишут много и делают это с большим удовольствием. Каждому автору сочинения предлагается обязательно что-то доказать, например: раскрыть смысл тезиса Н. А. Добролюбова: в «Грозе» особенно видна необходимость так называемых «ненужных лиц»; или по той же пьесе — показать, что Тихон и Борис — одновременно и жертвы «темного царства», и виновники гибели Катерины, и т. п.

Постоянное стремление учителя сформировать и укрепить у каждого воспитанника чувство глубокого уважения к родному слову подсказывало все новые и новые идеи, формы и средства работы. По инициативе Л. П. Столярова у нас была открыта так называемая *литературная школа*. Она не имела постоянного состава, если не считать членов литературного объединения интерната. Литературную школу обычно посещали все учащиеся средних и старших классов, посещали добровольно, с большим желанием, так как на ее занятиях было интересно.

К открытию школы готовились долго: тщательно обсуждали программу, подбирали докладчиков, участников большого литературного вечера. Наконец наступил торжественный день, которого ждали все в интернате. Литературную школу открыл известный поэт-смолянин Николай Иванович Рыленков. Он дал согласие быть

ее почетным директором и исполнял эту обязанность в течение ряда лет.

В литературной школе занятия проводились один раз в месяц. Прежде всего заслушивались публичные лекции по вопросам литературоведения. С ними выступали Столяров и другие учителя-словесники, нередко смоленские писатели, профессора и доценты педагогического вуза. Программа школы предусматривала также специальные вечера поэзии, прозы, драматургии, юмора, сатиры. Раз в год занятия посвящались общему обзору развития советской и мировой литературы.

На эти вечера приходили не только воспитанники школы-интерната, но и молодежь из города Сафонова, поселка Горный, из ближних деревень. Это обстоятельство сказалось и на выборе времени и места проведения вечеров: обычно это был конец мая, когда можно было организовать встречу на открытом воздухе, чтобы принять всех желающих.

О Столярове можно писать много, но как о всяком настоящем мастере всего не расскажешь. Весь он и его жизнь неотделимы от школы, от судьбы каждого воспитанника, кто учился в ней, кто приходит сюда, а через несколько лет должен вступить в самостоятельную жизнь.

Добавим лишь два штриха. Большинство выпускников Столярова, поступая в вузы, выбирают филологический факультет и обязательно учительскую профессию. И второе — среди выпускников школы-интерната невозможно найти такого, кто бы на вопрос о человеке, больше всего повлиявшем на его жизнь, не назвал Леонида Пантелеевича.

Такие учителя, как Столяров, благотворно влияют не только на учащихся: они щедро дарят богатство своей души и ума каждому, кто повстречается им в жизни, хотя бы случайно, хотя бы ненадолго...

ИЗ НЕТИПИЧНЫХ СЛУЧАЕВ

Кто-то очень верно подметил: приступая к воспитанию человека, начиная своего рода «путешествие» в чужую жизнь, никогда не знаешь, что встретится тебе на пути и какие качества личности педагога потребуются для этого. Таковы уж сложность и необычность внутреннего мира каждого воспитанника, что даже самые большие профессиональные знания и умения не могут избавить нас от неожиданности,— они лишь помогают ориентироваться и принимать правильное решение.

Подтверждением этому служит опыт многих учителей, в том числе и жизнь педагога Анатолия Дмитриевича Вереснева.

Этого теперь уже немолодого человека, с тронутыми сединами висками я знаю почти тридцать лет. Мы вместе учительствовали в одном коллективе. И всегда меня поражала необыкновенная преданность Анатолия Дмитриевича своим учащимся, его трепетная забота о каждом из них.

Внешне спокойный и даже медлительный, он редкую минуту не волновался: кем-то из ребят недоеден завтрак, слабо выучен урок, не совсем опрятный вид у подростка, у кого-то плохое настроение и т. д. и т. п. Все вызывало у Анатолия Дмитриевича неподдельную тревогу, которую он, однако, пытался скрыть от своих коллег и воспитанников.

За годы работы в школе Анатолий Дмитриевич поставил на ноги не один десяток ребят, которые требовали от него исключительного внимания и особого мастерства. Некоторые его питомцы, и прежде всего воспитанники школы-интерната, имели трудное детство и тяжело входили в жизнь коллектива. Но все они впоследствии стали настоящими советскими людьми — энергичными, целеустремленными и трудолюбивыми, честными и порядочными.

Расскажу о работе Анатолия Дмитриевича лишь с одним таким воспитанником. Анатолий Дмитриевич тогда только что закончил педагогический вуз и первый год трудился в школе. Он не любил делиться с коллегами своими трудностями. Не прояви инициативы директор или завуч, молодой учитель никогда бы не открыл дверей в их кабинеты. Что бы ни произошло в его группе, он всегда считал: здесь его вина, он недостаточно поработал сам, всякие обращения с просьбами о помощи преждевременны.

За первое полугодие Анатолий Дмитриевич только один раз беседовал с директором, да и то не по своей инициативе. Узнав

в конце декабря, что молодой специалист несколько ночей провел в общежитии воспитанников, что он совсем не спит и сильно похудел, руководитель школы-интерната срочно вызвал его к себе.

На вопрос директора, что происходит, почему учитель так плохо выглядит, почему ночует в общежитии интерната, Анатолий Дмитриевич пытался отговориться незначительными причинами.

Лишь в результате долгой беседы директор понял, что дела у Анатолия Дмитриевича неважные. Беспокоит его поведение Гуркина Сережи. А ведь сколько пришлось повозиться с этим парнишкой, сколько он давал обещаний! И теперь он будоражит всю группу. Рассказал Анатолий Дмитриевич и о своих поездках по выходным дням в разные города области, о ночных рыбалках с Сережей: ему жаль было оставлять мальчика в интернате одного, когда почти все ребята разъезжались к родителям и родственникам. Казалось, что мальчик полностью доверился воспитателю, а выходит, что все остается по-прежнему...

И второе, что особенно беспокоит Вереснева, — это отношения Сережи с коллективом группы. Ребята дружные, трудолюбивые, все делают вовремя, но никак не могут повлиять на Сережу, противопоставить свою единую волю его распушенности, грубости, лживости...

Гуркин Сергей поступил к нам из детского приемника-распределителя как подросток, утративший связь с родителями и не имеющий определенного местожительства.

Помнится, сотрудник этого учреждения — пожилой эвакуатор Василий Семенович, предварительно знакомя директора и педагога Вереснева с документами будущего воспитанника, сказал, что за все годы работы с малолетними нарушителями ему еще не приходилось встречать такого мальчика.

Затем состоялось наше знакомство с Сергеем Гуркиным.

Войдя в кабинет в сопровождении Василия Семеновича, Гуркин смело поздоровался, оценил обстановку и, обращаясь к сотруднику приемника, сделал замечание:

— Долго же вы заставляете ждать, дядя Вася. Наверное, все информировали, рассказывали мою биографию? Зря! Надеюсь, вы не забыли слова начальника, что копать в прошлом детей и подростков, которые вступают в новую жизнь, непедagogично, что это противоречит советам Макаренко? Он же работал с ребятами потруднее, а в их старые дела не заглядывал, как-то обходился без этого...

Василий Семенович посмотрел в нашу сторону, как бы приглашая убедиться в правильности его слов об этом мальчишке.

Гуркин пододвинул стул поближе к моему директорскому столу, снова окинул кабинет изучающим взглядом, улыбнулся и сообщил:

— А у вас, и правда, хорошо! Куда ни посмотришь, просто настоящие хоромы, недаром говорят о вашем заведении. В таких домах мне обитать пока не приходилось. Да, очень интересно, честное слово...

Убедившись, что его слова произвели нужное впечатление, он быстро согнал с лица улыбку и добавил:

— Что ж, если с вашей стороны возражений не будет, я могу здесь остановиться. В самом деле, я не шучу, мне у вас нравится...

Перед нами сидел воспитанник, которому вполне можно было дать года на четыре-пять больше его настоящего возраста: двенадцатилетние так не разговаривают. Потом мы убедились, что в этой манере поведения больше было напускного, неестественного — от стремления чувствовать себя независимым, от желания выглядеть взрослым, самостоятельным. И все это влияние компаний сомнительного толка...

Много было причин и для объяснения пока еще слабого влияния детского коллектива на Гуркина, как и причин других трудностей в повседневной работе воспитателя Вереснева.

В интернате всегда работать трудно, легких дней не бывает. Кроме обычных школьных занятий, здесь у педагога немало других обязанностей: это и быт, и труд, и взаимоотношения детей во внеурочное время. Словом, организация сложной и постоянно меняющейся жизни воспитанников — в течение суток, недель, месяцев, лет. Сами дети нуждаются в особом внимании: многие приходят сюда без стремления учиться, без желания следовать традициям учебного заведения.

Трудности особенно значительны в первые дни работы интерната или тогда, когда становление коллектива затягивается, проходит со срывами. Тут всем педагогам приходится быть среди ребят неотлучно, с «подъема» и до «отбоя». И нередко героическим усилиям воспитателей противостоят инертность и даже явное сопротивление детей. Другое дело, когда эти же мальчишки и девчонки, еще недавно капризные и непослушные, сами становятся организаторами своего труда и досуга, помощниками школы. Тогда они берут на себя какую-то долю ответственности за укрепление коллективной жизни и дорожат ее традициями.

Анатолий Дмитриевич все это понимал правильно. Но он, пожалуй, чересчур упрощал свою роль, когда говорил о месте воспитателя в организованном детском коллективе.

И теперь педагогам было нелегко, забот и волнений хватало. И создание детского коллектива еще не означает, что все пойдет своим чередом, без срывов и осложнений. Объединить ребят, направить их энергию к большой и интересной цели — это только начало. Надо, чтобы постоянно росла и ширилась добрая инициатива воспитанников, ни на минуту не угасал огонек их активности. Для этого нужны педагогическое искусство незаметно направлять стремление каждого питомца, умение постоянно развивать ребячью самостоятельность, тонкость в руководстве самоуправлением школьников.

У молодого специалиста Вереснева в первое полугодие его работы в интернате, естественно, преобладало представление о воспитательном процессе, характерное для многих, прослушавших

вузовский курс педагогики: достаточно провести несколько мероприятий, как тут же последует вполне надежный результат.

Чтобы воспитание принесло свои плоды, чтобы знания превратились в убеждения школьников, необходима *длительная* и *кропотливая* работа педагога, нужна система упражнений, входящая в реальную жизнь молодого человека. Анатолий Дмитриевич пришел к этому выводу ценой многих промахов и неудач в работе с коллективом воспитанников, а больше всего с Гуркиным Сергеем, завидную энергию которого он пытался направить на цели самовоспитания.

Анатолий Дмитриевич ежедневно беседовал с Сергеем, приглашал его на прогулки; он подбирал для него книги, даже разрешал ему пользоваться личной библиотекой, которую считал самой большой своей ценностью. Вереснев не раз обращался в совет пионерской дружины и в комитет школьной комсомольской организации с просьбой подобрать для его воспитанника дело, которым бы тот мог по-настоящему увлечься.

Педагог замечал, что Гуркина тянуло только к старшим ребятам. Изучая прошлую жизнь мальчика и наблюдая за ним в разных ситуациях, он все больше убеждался, что Сергею скучно с одноклассниками и что это не случайно.

Анатолий Дмитриевич узнал, например, что Сереже довольно рано было предоставлено право распоряжаться своим временем. С четырех лет он жил при весьма условном надзоре со стороны взрослых. Мать и отец, не ладя между собою, забывали о воспитании сына. Они часто сходились и расходились, уезжали, меняли адреса, а мальчик оставался на попечении родственников, которые почти не ограничивали свободы его действий.

Он самостоятельно научился чтению и интересовался книгами постоянно. Но, придя в IV класс школы-интерната, имел очень слабые знания программного материала, так как успел сменить несколько школ и в общей сложности посетил не более трети уроков. Регулярное учение не стало для него правилом, учебные дела занимали его мало. Зато ему рано пришлось столкнуться с неприглядными сторонами людских отношений...

Воспитатель чувствовал, что Гуркину нелегко вживаться в новую обстановку. Он скучал в окружении учащихся, которые, по его мнению, кроме школьных занятий да детских забав, ничего не понимали в жизни и ни к чему не стремились. Чем больше Анатолий Дмитриевич беседовал с бабушкой Сергея, которая жила в трехстах километрах от интерната, в Голицыно, тем лучше он узнавал прошлое своего питомца. Из осторожных фраз бабушки стало известно, что последние два года Сергей привык находиться в кругу ребят, каждый день которых был полон неожиданностей, захватывающих прогулок и весьма сомнительных историй.

Как рассказала старая женщина, она не помнит случая, чтобы ее внук, учась в школе, сошелся с кем-нибудь из мальчиков своего возраста. Для него дети-одногодки как бы не существовали:

чем бы они ни увлекались, какую бы игру ни затевали, Сергей проходил через двор, не удостаивая их своим вниманием.

В первые дни жизни в Голицыно Сережа много читал. Придя из школы и наскоро приготовив уроки, он доставал книгу — обычно приключенческого характера — и сидел с нею до глубокой ночи. Но через две-три недели чтение отступило на задний план: к Сергею все чаще стали наведываться незнакомые подростки. Эти ребята были значительно старше его, кое-кто уже не учился. Бабушка видела некоторых приятелей Сережи слоняющимися на городском базаре.

Бабушке не нравились эти приятели. Она не могла понять, что связывало ее внука, второклассника, с развязными, грубоватыми и дерзкими парнями. Но Сережа их защищал, говорил, что ему с ними интересно, что они хорошие и умные, только недостаточно воспитанные, и просил бабушку не обижаться на ребят. В их присутствии он был весел, подвижен, часто смеялся. Но стоило им не прийти, как он слонялся из угла в угол, все у него валилось из рук, и, сославшись на какую-либо причину, Сережа исчезал из дома.

Чувствуя недоброе, бабушка писала дочери — Сережиной маме, прося и требуя, чтобы та приехала и повлияла на мальчишку. Старая женщина видела, что ее внук совсем не делает уроки, вечерами не бывает дома и приходит от приятелей крайне возбужденный и усталый. Не раз она обнаруживала в его карманах папиросы. Иногда Сережа приходил домой в состоянии легкого опьянения, объясняя это то именинами, то другими семейными праздниками своих новых друзей.

Нужно было принимать срочные меры, чтобы оградить мальчика от вредных влияний. Но родители не приезжали, мать даже не всегда отвечала на письма. Возможности бабушки были крайне ограниченными. К тому же она боялась поделиться своими тревогами и с соседями и с учительницей Сережи.

Событиям ничто не мешало развиваться, и к концу третьего класса Сережа уже пробовал не ночевать дома, выезжал в другие города, а однажды бабушка не видела его в течение трех дней. В начале нового учебного года он оказался в детском приемнике-распределителе.

Рассказ бабушки помог воспитателю многое понять в поведении Сергея, когда тот очутился в условиях жизни интерната. Его давняя привычка общаться со взрослыми ребятами, постоянно быть в курсе их интересов, играть среди них не последнюю роль требовала и здесь чего-то похожего. Но таких ребят в IV классе не было, и Гуркин сразу почувствовал себя одиноким. Он свысока смотрел на повседневные хлопоты активистов и дежурных, на старания своих одноклассников, полагая, что ему тут делать нечего.

Гуркин не проявлял желания выполнять какие-либо поручения группы, даже элементарные требования режима и распорядка дня. Ему претила всякая организованность и регламентация жизни.

Он не хотел подчиняться никаким правилам, видя в них насилие над его волей, унижение его достоинства. Не случайно первые месяцы его пребывания в школе-интернате были периодом постоянных столкновений с учащимися класса, педагогами, дежурными по городу, с органами детского самоуправления.

Как поступить в такой ситуации воспитателю? Строже потребовать с ученика, заставить безоговорочно подчиниться, наказать? Это, конечно, допустимые меры, и ими чаще всего пользуются в школьной практике. Но Анатолий Дмитриевич пытался найти другие меры. И поэтому он всякий раз, не обостряя конфликта, спешил вывести Сергея за пределы только что «создавшейся ситуации». По мнению педагога, это очень важно сделать, когда данный воспитанник еще не понимает интересов коллектива, а коллектив еще плохо знает новичка, чтобы найти нужное средство положительного воздействия.

Вывод за пределы «создавшейся ситуации» не означал для Вереснева избавления Сергея от необходимости отвечать за допущенный проступок. Пользуясь таким приемом, педагог в спокойной беседе, наедине с воспитанником, старался объяснить ему смысл его поведения, нетактичность и недопустимость выпадов против учителей и товарищей по классу. Одновременно Анатолий Дмитриевич работал и с ученическим активом, и со всей группой, формируя дружный и заботливый коллектив.

После ряда неудач с попыткой привлечь Гуркина к общественной работе непосредственно в своей группе и классе Анатолий Дмитриевич договорился с пионерским активом, чтобы Сергею поручили важное общешкольное дело — составить план туристических походов на предстоящие каникулы.

Гуркину это понравилось. Уже назавтра он прибежал в пионерскую комнату и, встретив старшую вожатую, рассказал ей о своих наметках к плану, о том, что для его выполнения потребуются усилия не только пионеров, но и комсомольцев. Вожатая, не вникнув как следует в идею четвероклассника, поспешно похвалила его предложение, и Сергей сразу же приступил к работе.

Никогда еще не видели Гуркина таким активным в школе-интернате. Около двух недель просидел он в библиотеке, перечитал горы книг, отыскивая более интересные маршруты. Не раз он обращался к учителю географии — спрашивал, уточнял, советовался. На третью неделю Сергей составил большую карту, обозначив на ней до двух десятков направлений туристических походов.

Но на этом активная деятельность Гуркина кончилась. При рассмотрении на совете пионерской дружины план признали невыполнимым и отклонили. Это решение дружины Сергей переживал как большое потрясение. Он никак не мог понять, почему его план оказался неприемлем: ведь он уже показывал свои маршруты многим старшеклассникам, и они их одобряли и даже просили, чтобы им поскорее позволили путешествовать. А тут, на совете дружины, совсем другое! Понимают ли они, что делают?

Сергей волновался, несколько раз вступал в спор, но все оказалось напрасным. А когда он узнал, что вместо его маршрутов — чуть ли не на целый месяц, в дальние районы области — предлагаются экскурсии детские — всего на каких-то три — пять километров от интерната, он громко засмеялся, демонстративно разорвал план и карту и выбежал из пионерской комнаты.

С тех пор Гуркин о походах уже не заговаривал.

Анатолий Дмитриевич воспринял случившееся как личное горе. Правда, Сергей не посвящал педагога во все тонкости плана, держал его как бы в тайне, желая, видимо, всех удивить потом, после заседания совета дружины. Каждый в группе знал, как тщательно готовился Гуркин к этому заседанию, с каким гордым видом направился он к пионерской комнате, держа под мышкой белую трубку ватмана.

Анатолий Дмитриевич допускал, что Сергея заинтересовал не столько сам туризм, сколько возможность чаще бывать со старшеклассниками, что-то с ними решать, предпринимать. И все же это был пока первый и единственный случай, когда его трудный воспитанник мог сделать что-то хорошее и полезное для ребят школы, для себя. К сожалению, опыт оказался неудачным — и не только по вине одного Сергея. Но случай с планом туристических походов приоткрыл перед Анатолием Дмитриевичем заманчивую перспективу: попробовать вовлечь Сергея в работу разновозрастных отрядов, создаваемых штабом учкома на базе групп старшеклассников. Раз мальчика так тянет к взрослым воспитанникам, то он непременно будет дорожить принадлежностью к их трудовому объединению!

Так Анатолий Дмитриевич нащупывал более верные пути в воспитании трудного подростка...

Среди множества вопросов, связанных с организацией работы в группе, его больше всего беспокоило, пожалуй, то, как относился Сергей к своим родителям. Анатолий Дмитриевич считал, что этот вопрос особенно важно учитывать, когда речь идет о преодолении так называемой черствости души, о воспитании характера ребенка, его подлинно человеческих отношений с миром.

Вересневу было известно, что мать и отец Гуркина не заботятся о своем сыне и еще ни разу не навестили его в интернате, хотя живут недалеко. Мальчик, наоборот, думает о них постоянно. Об этом свидетельствовала и первая страничка его альбома, лежащего на тумбочке у кровати, где была любовно оформлена семейная фотография, и несколько пожелтевших листков писем матери, присланных более года назад, с которыми мальчик не расставался.

Но вопрос этот очень деликатный, и нужен особый повод, чтобы незаметно коснуться этой сферы жизни мальчика. И такой повод вскоре нашелся.

Анатолий Дмитриевич пригласил Сергея к себе в рабочую комнату, чтобы в беседе с ним выяснить, где он думает провести осен-

ние каникулы. Может быть, Сергей поедет к родителям или родственникам? Или надумает остаться в детском городке? Здесь тоже никто не скучает, интересного будет немало.

Гуркин внимательно посмотрел на воспитателя и сразу ответил как о давно решенном:

— Если и поеду, то только к бабушке, в Голицыно. А к ним... нет, я мешать им не хочу. Они не любят со мной возиться, да и отвыкли от меня давно. Впрочем, я им прощаю. Что поделаешь, они у меня и сами никак не могут устроиться... Наверное, потому что живут по принципу свободной любви...

— Как, как? — спросил Анатолий Дмитриевич, опешив от столь неожиданного заключения.

Сергей как ни в чем не бывало повторил сказанное. Но при этом чувствовалось, что тема беседы трудна для мальчика, что вопрос педагога сильно повлиял на его настроение. Теперь уже не было того беззаботного спокойствия, той высокомерной снисходительности, которые еще недавно наблюдались и в тоне ответов, и во всей манере поведения. И когда воспитатель встретился с ним взглядом, он увидел в глазах Сережи глубокую грусть.

«Да ты еще настоящий ребенок, мой милый,— подумал тогда Анатолий Дмитриевич.— Значит, у нас не все потеряно, за тебя еще можно побороться, мой юный мудрец...»

Проходили недели, месяцы. На общем фоне частых недоразумений с Гуркиным стали появляться довольно обнадеживающие факты: Сергей постепенно приучился ежедневно готовить домашние задания, без особых возражений выполнял обязанности дежурного по классу и общежитию, реже возникали его конфликты с учащимися из других групп. Гуркин терпимее относился к собраниям и сборам, по крайней мере не уходил до конца мероприятия.

Наблюдения и дневник воспитателя свидетельствовали: к концу первого полугодия учебы и жизни в школе-интернате трудный воспитанник начал понемногу исправляться. После выходного дня, который мальчик обычно проводил с воспитателем где-нибудь за пределами детского городка, Сергей вообще становился неузнаваем.

Анатолий Дмитриевич чрезвычайно обрадовался, когда заметил улыбку удовлетворения на лице своего воспитанника после того, как педагог сообщил ему, что, по всей вероятности, вторая учебная четверть закончится для Сергея вполне нормально.

И вдруг случилось неожиданное, необъяснимое: Гуркин стал уходить из общежития каждую ночь, уходить неизвестно куда...

В начале своей жизни в интернате Сергей порой отлучался, но в дневное время, в часы, когда не было обязательных занятий. Анатолий Дмитриевич не препятствовал этому, полагая, что мальчику иногда полезно побыть одному, освоиться, почувствовать себя здесь своим, привыкнуть к новым местам. А за пределами детского городка и на его территории интересного было немало: и роща, и большое, заросшее по берегам озеро, и овраги, и аллеи для прогулок, и площадки для игр. Сергея видели то в одном, то

в другом уголке. Обычно он гулял один и возвращался в городок без опозданий.

И вдруг ночные прогулки! Куда, зачем?..

Не надеясь на дежурных нянечек, Анатолий Дмитриевич стал оставаться в общежитии на ночь. После «отбоя» он делал вид, что уходит домой, однако до утра не смыкал глаз: заняв в вестибюле или в другом помещении городка удобную позицию, он высматривал мальчика.

Но все старания педагога были напрасны: Гуркин находил для себя такой путь, что его уход из общежития не могли заметить ни нянечки, ни воспитатель. Встретить мальчика удавалось лишь перед утренним «подъемом», когда Сергей, ни от кого не прячась, усталый и чем-то огорченный, возвращался через главный вход.

Войдя в вестибюль и встретив Анатолия Дмитриевича, Гуркин говорил: «Здравствуйте» — и, будто ничего не произошло, следовал на свой этаж. В разговор он не вступал, а на вопрос: «Куда ходил?» — всегда отвечал сдержанно: «Решил пройтись по воздуху» — и все.

Ночные отлучки Гуркина волновали воспитателя больше всего. «Что бы это могло значить? — думал Анатолий Дмитриевич. — Уж не вспомнились ли мальчику его прежние, голицынские связи с компанией подростков? А может быть, появились и новые, поближе?»

Вопросы эти были настолько важны для Анатолия Дмитриевича, что ждаты, когда они сами собой выяснятся, казалось недопустимым. И воспитатель решил напрямик, самым серьезным образом поговорить с Сергеем, хотя тот всячески пытался уйти от этого объяснения.

Но и специальный вызов ничего не дал. Войдя в рабочую комнату воспитателя, Сергей так и простоял у дверей всю беседу, стараясь не встречаться со взглядом Анатолия Дмитриевича. Внешне мальчик был спокоен, даже пытался разыграть роль, к которой прибегал и раньше, — роль напрасно обиженного человека.

— Зря вы так беспокоите себя, да и обо мне думаете чересчур плохо, — говорил Гуркин. — Ну, конечно, с учебой и дисциплиной у меня пока не блестяще, тут я виноват, стараюсь мало. Но я никого не обманываю и плохого не замышляю. Куда я ходил? Просто прогуляться. Люблю побыть с самим собою. А что ночью, так какая разница? Спать не хотелось, вот и пошел...

Потом переступил с ноги на ногу, помолчал и, сверкнув озорными глазами, спросил смелее:

— А что, здесь ребятам до самого выпуска из школы нельзя выходить по ночам? Могут чего-то напугаться, да? Но надо же когда-то вырабатывать волю и смелость, чтоб не было страшно!

И на сей раз воспитатель ничего не добился от Сергея. Оставалась одна надежда — на встречу с бабушкой Гуркина: не знает ли она чего-то нового о бывших друзьях внука, не рассказывал ли кто из них о посещениях Сережи?

Под предлогом командировки в Москву сразу же после новогодних праздников Анатолий Дмитриевич выехал в Голицыно.

Беседа с бабушкой поначалу ничего не дала: прежних знакомых Сережи она больше не видела, писем от внука около месяца не получала.

Пришлось говорить откровенно. Рассказ о ночных отлучках Сергея сильно обеспокоил бабушку. Она пыталась выяснить, каковы отношения Сережи с другими ребятами, здоров ли он, что говорит школьный врач, как питается мальчик. Успокоенная словами Анатолия Дмитриевича, она вдруг поднялась со стула и подошла к письменному столу, где раньше готовил уроки внук. Открыв стол, она поискала что-то в бумагах и попросила еще раз назвать дни, когда Сережа уходил по ночам из интерната.

— Ну, это ничего, это не страшно. А я-то уж подумала невесть что,— сказала бабушка.— Только почему без спросу? Вот проказник!

И потом продолжила как бы про себя:

— Глядите-ка, даже не испугался ночи, один побежал. Проказник, а молодец! Значит, не обиделся, все еще хранит в сердце доброе чувство. Жаль, что не встретился с ними, очень жаль! Может, и у них бы душа потеплела...

Постепенно перед воспитателем предстала следующая картина.

Оказывается, Сережа постоянно интересовался жизнью родителей. Он спрашивал о них бабушку — и в письмах, и во время встреч в интернате. Дважды ему становилось известно, что отец и мать обещают приехать в Голицыно примерно во второй половине декабря. Их поезд должен был пройти через местную станцию, что в семи километрах от школы-интерната. На этот самый период и падали Сережины ночные отлучки. Повидать родителей ему так и не удалось: пообещав, они почему-то откладывали свой приезд. Мальчик же так надеялся и не пропускал ни одного ночного поезда на протяжении почти двух недель!

— Но почему бы ему не сказать об этом откровенно? — думал Вереснев.— Может быть, обычно бравирюя своим безразличием к родителям, стеснялся признаться, что любит их и по ним скучает? Что ж, пусть это останется его тайной...

Возвращаясь от бабушки, Анатолий Дмитриевич с радостью отметил для себя: «Сколько же напускного бывает в поведении мальчишек! Нет, в Сереже сохранился настоящий ребенок, он безразличен к своим родителям, а это очень хорошо... Привязанность к близким — важнейшая основа успехов и нашей работы!»

Сидя в вагоне, Анатолий Дмитриевич обдумывал очередной маршрут совместной поездки со своим воспитанником. Думал он и о том, что необходимо сделать, чтобы путь этого мальчика в самостоятельную жизнь был значительно прямее и проще...

ПОЧЕМУ ЛЮБИЛИ ДИКТАТОРА

Андрея Ефремовича стали называть «Диктатор» со времени появления в школе-интернате первых воспитанников. Кто знает, почему ребятам понравилось именно это слово и кому первому пришла мысль назвать им нового директора? Не исключено, что среди руководителей детских домов, которые передали сюда своих воспитанников, кто-то имел такое прозвище, и прибывшие дети сразу же окрестили им Андрея Ефремовича.

Ребята любят меткие слова, в которых определяются такие качества взрослых, как воля, характер, способность потребовать, настоять на своем. Особенно щедро наделяют ими тех педагогов, которые обладают административной властью.

Андрей Ефремович как-то рассказал об одной из своих встреч с детьми, которая показала, что малыши, например, зачастую связывают слово «руководитель» с такими понятиями, как строгость, готовность наказывать. Вместе с воспитателями интерната он знакомился с новой группой детей, приехавших из дошкольного детского дома, и вдруг заметил, как один мальчик стал обижать своих соседей. Директор сразу сделал ему замечание и предложил вести себя хорошо, но это не подействовало. Пришлось напомнить второй и третий раз, даже предупредить мальчика, что, если приставания не прекратятся, его придется наказывать.

Мальчик быстро отошел от ребят, долго и пристально смотрел на директора, а затем с хитровой улыбкой спросил:

— А вы здесь Евсей Захарычем работаете?

— Как Евсей Захарычем? — удивился Андрей Ефремович.

Воспитательница группы, в которую входил смелый мальчуган, поспешила сообщить ребятам имя и отчество нового директора и попросила называть его только так.

— А я думал, что вы Евсей Захарыч, — разочарованно произнес малыш. — Как же, говорите: накажу, а сами не Евсей Захарыч!

Спустя некоторое время директор школы-интерната вспомнил, что Евсеем Захарычем звали руководителя дошкольного детского дома, откуда прибыли эти ребята...

Имя «Диктатор» переходило от одного пополнения воспитанников школы-интерната к другому, оставаясь, пожалуй, самым близким синонимом слову «директор».

Когда мне доводилось встречаться с Андреем Ефремовичем, он

всегда напоминал мне о своем новом имени, посмеиваясь над изобретательностью ребят. Нас всегда занимали вопросы воспитания; порой мы обсуждали острые проблемы, анализировали сложные случаи из богатой школьной жизни. От своего опытного коллеги я всегда уходил обогащенный знанием какого-либо нового и особого мероприятия, которому директор отдавал немало сил. Этими мероприятиями была пронизана вся многогранная повседневная деятельность директора.

Действенный гуманизм — вот что отличало все мероприятия в школе-интернате, которым руководил Андрей Ефремович. И случай, о котором я хочу рассказать, с особой яркостью подчеркивает это.

Насколько я помню, Андрей Ефремович всегда был строг и даже несколько суров. Он был строг и к себе, и к другим, не терпел небрежности, недоделок в работе, формального отношения к обязанностям, отсутствия организованности и дисциплины. Но вся его строгость была подчинена главному в работе школы-интерната — воспитанию каждого юного члена коллектива хорошим человеком, настоящим советским гражданином.

При всей своей строгости и кажущейся суровости Андрей Ефремович с большим вниманием и заботой относился ко *всем* воспитанникам, особенно к тем, кого принято называть «трудными». Он довольно широко толковал известный макаренковский принцип: «Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». Для Андрея Ефремовича требование уважения к человеку означало и воспитание у всех детей *чувства человеческого достоинства*, и всемерное стимулирование проявления их лучших качеств, и борьбу за незапятнанность имени ребенка, подростка, молодого человека, и уважение к его мнению, к его точке зрения.

«Охранять честь каждого питомца и непременно учить этому каждого — такова наиглавнейшая из задач нашего учреждения», — не раз напоминал он своим коллегам.

И воспитанники школы-интерната быстро разобрались в том, что больше всего заботит их Андрея Ефремовича, их «Диктатора». Ежедневно ребята наблюдали, как директор, не прощая никому отступления от установленных норм поведения, готов был встать на защиту достоинства каждого, даже тех, кто еще только начинал осознавать себя как член коллектива. Он защищал ребенка не во имя «честь мундира» воспитательного учреждения (хотя и это было немаловажно), а прежде всего во имя укрепления в каждом ребенке, подростке, юноше, девушке чувства собственного человеческого достоинства.

В открывшуюся школу-интернат приехали сотни ребят, среди них были и взрослые воспитанники. Началась трудная пора организации жизни большого коллектива. Педагоги не жалели сил, порой не отдыхали сутками. Дел было много. Тем радостней встречалась каждая победа — в организации, санитарии, в налаживании учебы, в установлении режима дня.

И вдруг в одном из населенных пунктов, расположенных поблизости от детского городка, поползла оскорбительная, гнусная сплетня: дескать, в школе-интернате нечисто с бытом, пора бы в городке построить ясли, они быгодились...

Первой об этом узнала нянечка общежития. Честный и заботливый человек, по-матерински относящаяся к воспитанникам, она сразу обратилась к директору интерната и рассказала о слухах.

Через день грязная сплетня распространилась уже в другом поселке, потом дошла до районного центра. Чьи-то злые языки поставили под угрозу авторитет всех воспитанников и воспитанниц, намного осложнили работу по становлению нового коллектива школы-интерната. Нужно было что-то делать, и притом немедленно. Однако некоторые педагоги, хотя и были удручены случившимся, полагали, что волноваться не следует: чистое останется чистым, время пройдет, и все станет на свои места.

Директор категорически отрицал такой подход к случившемуся. Надо было видеть его в эти дни! Откуда только брались у него силы: все знали, что крепким здоровьем он никогда не отличался, особенно после войны...

В течение двух суток Андрей Ефремович обошел все дома в близлежащих поселках, неоднократно ездил в районный центр, провел десятки бесед. Он выступал перед колхозниками и рабочими, рассказывал о формировании нового детского учреждения, о его целях и задачах, о трудностях школы-интерната. Директор говорил о том, как много внимания требуют от педагогов воспитанники, как необходимо установить шефские связи производственных коллективов с детским городком. И тут же приглашал местных жителей посетить школу-интернат, прийти на праздник официального открытия городка. Рассказывая о первых шагах нового воспитательного учреждения, директор как бы попутно вспоминал и об обиде, нанесенной детям, об огромном вреде распространяемой лжи, которая пагубно сказывается на самочувствии его питомцев, особенно старшеклассников.

Усилия педагога имели хорошие результаты: вздорные слухи были полностью нейтрализованы; директору удалось выяснить, кто распустил гнусную сплетню, и виновница, одна из медицинских сестер районной больницы, весьма ограниченный и непорядочный человек, понесла за это заслуженное наказание.

Вернувшись из районного центра в интернат, директор сразу же провел обстоятельные беседы с учащимися восьмых — десятых классов, отдельно с юношами и девушками.

В конце второй беседы, когда Андрей Ефремович собирался покинуть зал и еще раз окинул взглядом притихших воспитанниц, он увидел, с какой благодарностью на него смотрят десятки пар девичьих глаз! Это свидетельство искренней признательности полностью убедило директора, что сделанное им и в поселках и в районном центре должным образом понято и оценено учащимися. На душе потеплело, и довольный, бодрой походкой он направился к две-

ри, но, сделав несколько шагов, почувствовал большую слабость: сутки в разъездах, исключительное нервное напряжение — все это привело к глубокому обмороку...

Жизнь в интернате налаживалась, но процесс этот проходил крайне медленно. Среди воспитанников было немало таких, кто трудно привыкал к новой обстановке, требующей организованности и дисциплины. Ждать, когда все детское население городка само по себе сплотится в коллектив, было рискованно. К тому же появились серьезные симптомы неблагополучия: по-прежнему велико было число групп, где не ладилось с подготовкой уроков; не уменьшались случаи открытых возражений воспитателям; плохо было с физзарядкой, с выполнением трудовых поручений; в спальнях и других помещениях не удавалось создать необходимых санитарных условий; из соседних поселков доходили сведения о недостойных поступках воспитанников на улицах, в садах и огородах.

Нужно было предпринять что-то решительное, что-то необычное, чтобы увлечь интересной целью, общей перспективой всю эту пока неорганизованную толпу индивидуалистов. Любый самый страстный призыв бороться за честь школы-интерната, за высокую успеваемость, за лучшую спальню, за чистоту и порядок во всех помещениях пока захватить не мог. Тут нужно было что-то другое, что помогло бы решить воспитательные задачи, не выпячивая их, а как бы попутно. Одна из особенностей воспитательного процесса — в отличие от учебного — в том и состоит, что цель не обнажается, о ней открыто не говорят, она достигается *опосредованно*.

И директор думал, советовался. Несколько раз он выезжал в Москву, знакомился с лучшими интернатами страны. И постоянно помнил, что может случиться в интернате, если в ближайшее время не удастся организовать всю эту бьющую через край энергию подростков и юношей.

Наконец одна из перспектив была определена. Внешне она выглядела очень просто: добиться того, чтобы в течение восьми — двенадцати месяцев каждый воспитанник смог обязательно побывать в Москве — походить по выставкам, покататься в метро, посетить театры, кинозалы, зоопарк, увидеть множество достопримечательностей самого главного города страны.

Пригласив к себе в кабинет активистов школы и групп, Андрей Ефремович так и сказал им:

— Живем неинтересно. Изучили мы с вами все окрестные населенные пункты. Куда направимся дальше? Есть предложение — в Москву. Не возражаете? Там интересных впечатлений наберется на целые годы вперед!

С этой идеей Андрея Ефремовича согласились сразу и актив интерната, и все учащиеся средних и старших классов. Не было возражений и против того, чтобы для обеспечения выезжающих жильем и питанием немедленно установить связи с коллективом крупного столичного интерната и подружиться с его воспитанниками. Ребята приняли предложение написать письмо московским

школьникам и сначала пригласить их к себе, чтобы удобнее было потом приехать в Москву.

Большинство настаивало на том, чтобы письмо о дружбе отправить не почтой, а доставить специальными уполномоченными и тоже немедленно, поручив этим ребятам сразу же привести с собой москвичей. Уж очень хотелось воспитанникам интерната поскорее начать свои поездки в столицу!

Но если с письмом можно было не откладывать, даже направить его с нарочными, как говорил Андрей Ефремович, то со сроком приглашения москвичей дело было сложнее: ведь в любом доме, если ждут гостей, всегда готовятся основательно, тем более что гости приезжают не на час и не на два, а на несколько суток. Необходимо все устроить так, чтобы гостям понравилось, чтобы и другие школьники из столицы, узнав, как встретили их товарищей, тоже захотели приехать к нам.

— А сделать предстоит немало, — продолжал Андрей Ефремович. — Нужны чистые, со вкусом убранные спальни, и не только для приезжих мальчиков и девочек, но и для нас, хозяев: ведь гостям не запретишь посмотреть все спальни. Нужно подумать и о столовой: понравится ли она приезжим? А как проводить свободное время? Одних бесед и экскурсий по району маловато, потребуется организовать вечера самодеятельности, спортивные состязания. Готовы ли мы? К тому же не исключено, что гости захотят побывать на уроках, послушать наши ответы, посмотреть наши учебники, тетради, проверить оборудование классов и кабинетов. Все ли здесь хорошо?

И началась работа! Ребята захотели сразу же стать лучше, организованнее. Как само собой разумеющееся появилось социалистическое соревнование, возникли разные самодеятельные комиссии — по подготовке общежитий, школьного здания, столовой, мастерских, теплицы, по благоустройству территории. Были созданы кружки, спортивные секции. Организованнее стала проводиться самоподготовка — выполнение заданий к следующим урокам. Никто не уходил с дополнительных занятий. Кто-то предложил научиться хорошим манерам: ведь придется иметь дело с москвичами! И в переполненном зале воспитанники прослушали лекции о культуре поведения.

Все больше и больше ребят увлекались в *общественно необходимый, полезный, осознанный труд*. Этот труд объединял, сплачивал воспитанников, закладывал основы будущего коллектива, формировал общий стиль поведения и новые отношения.

За первый год жизни в школе-интернате воспитанники Андрея Ефремовича десять раз встречали у себя гостей из Москвы и всякий раз внимательно заботились о них, создавали им лучшие условия. Гости обычно приезжало много — до шестидесяти человек в группе. За этот же год каждый воспитанник местного интерната испытал счастье быть принятым школьниками столицы.

Встречи, соревнования по спорту и художественной самодеятельности, а позднее и по техническому творчеству, совместный

труд в поле, личные контакты ребят — все это создавало в жизни школы праздничную приподнятость, здоровый нравственный и эстетический настрой. И это радовало строгого и мудрого директора.

Были уже видны и такие результаты, которые поддавались строгому учету. Быстро рос интерес ребят к знаниям, что положительно отразилось на их школьных отметках. Через год почти не стало плохих оценок. У многих воспитанников появилась требовательность к себе, что не замедлило сказаться на уменьшении пропусков занятий. Прилежнее стали трудиться воспитанники и в мастерских, в школьном хозяйстве — на поле, в саду, на ферме.

Андрей Ефремович очень дорожил связями своего детского городка с московскими интернатами. Он включал в сотрудничество с ними все новые и новые аспекты совместной деятельности, чтобы увеличивались возможности для более радостной жизни каждого воспитанника. Но это были не единственные связи, призванные развивать и укреплять детский коллектив, поднимать уровень его организованности. Стремясь к тому, чтобы организованность, дисциплина в широком смысле слова стали традиционными для самих учащихся, чтобы у них были общие цели и общие мысли, директор вместе с педагогами школы и ученическим самоуправлением постепенно расширяли круг таких связей. Кроме сотрудничества с местными предприятиями и учебными заведениями, устанавливались тесные контакты с некоторыми школами Белоруссии, Крыма, Кавказа.

Ежегодно проводилось несколько встреч и дальних походов, которым директор придавал серьезное воспитательное значение. Прежде всего директора интересовало личное отношение каждого воспитанника, его участие в подготовке и проведении этих мероприятий. Директор стремился к тому, чтобы в походах и встречах принимало участие как можно больше школьников. Его беспокоило самочувствие ребят и в процессе подготовки похода, и в период его проведения. В некоторые длительные экскурсии директор отправлялся вместе со своими питомцами.

Андрей Ефремович постоянно напоминал учителям и воспитателям интерната о необходимости внимательного изучения детей, подростков и юношей. «Только тогда мы сможем помочь подняться лучшему и поставить запрет плохому, всему тому, что оставили в каждом из них годы беспризорного детства», — говорил директор своим коллегам и на совещаниях, и в личных беседах. Он предлагал разные формы такого изучения, средства развития всего положительного в каждом воспитаннике, расширения межличностных отношений во всех группах интерната.

Эти советы и напоминания, а также организуемые директором практические дела по перевоспитанию многих учащихся вспомнились мне особенно ярко, когда я нашел весьма созвучные мысли у писателя В. А. Солоухина.

Вот что сказано Владимиром Алексеевичем: «Детство — фундамент, основа будущего человека... В детстве все уже посеяно в ду-

ше человека. Потом это будет расти и расцветать. Конечно, под влиянием последующих лет и событий одни ростки могут заглухнуть, а другие расцвести пышным и даже махровым цветом, и не обязательно заглухнет худшее, а расцветет лучшее, но посев состоялся, и состоялся в детстве».

Постоянное изучение детей и разумная организация их усложняющейся деятельности — учебной и внеучебной, познавательной и трудовой — вот основа педагогической работы, способной развить в ребенке *лучшее*. Такая основа, по убеждению директора, включает многочисленные виды *общественно полезного труда школьников*, и важнейший среди них — *труд производительный*, конечно, посильный. Без непосредственного участия в нем, без переживания радости совместных достижений в этом виде труда настоящего человека не воспитать.

Вот почему усилиями Андрея Ефремовича, поддержанными партийными и советскими органами района и области, детский городок уже в первые месяцы своей жизни получил до двухсот гектаров пашни и других угодий, переданных по акту на вечное пользование, большую теплицу, животноводческую ферму, кроликоферму, тракторы, комбайны, автомашины, а к годовщине своего открытия — хорошо очищенное и зарыбленное озеро и большой плодово-ягодный сад.

Производительный труд воспитанников в этом хозяйстве, руководимом преподавателем биологии и ученическим активом, вскоре стал важной составной частью учебно-воспитательного процесса в школе-интернате.

Ученический актив, формирование в коллективе и у каждого его члена стремления сделать жизнь интерната интереснее, содержательнее, целеустремленнее — трудно сказать, какое место занимали эти вопросы в жестком бюджете времени директора, рабочий день которого начинался с семи утра и длился до поздней ночи. И так ежедневно, включая выходные и праздники. Иначе было нельзя, особенно в первые годы жизни детского городка. И несмотря ни на что, о работе с коллективом директор думал постоянно, для него не было более важного дела, чем это.

Андрей Ефремович считал возможным успешно справиться с задачами воспитания и перевоспитания сотен детей лишь при условии, если удастся создать настоящий ученический коллектив, если каждый из школьников почувствует себя *хозяином городка*. Поэтому, неоднократно напоминал он своим коллегам, так важно, чтобы все воспитанники постоянно занимались общим делом, чтобы они непременно развивали *организаторские способности*.

Директор указывал на ряд причин, мешающих школам упражнять своих питомцев в общественно значимой деятельности. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, все еще дает о себе знать привычка отдельных педагогов видеть в учащихся, даже старшего возраста, лишь объект воспитания, а свою роль сводить главным образом к постоянным тре-

бованиям и наставлениям. Не отрицая прямо, что ученик — это также и субъект воспитания, эти педагоги отводят незначительное место самостоятельным усилиям личности по выработке определенных качеств, в первую очередь организаторских способностей. Считается, что эти способности — дело наживное, что личность по-настоящему развивает их, лишь вступив во взрослую, самостоятельную жизнь.

Против привычки смотреть на школьников только как на ведомых всегда возражал А. С. Макаренко. Он не раз подчеркивал, что советская система воспитания, система социалистическая, никогда не рассматривала и не рассматривает воспитанников как материал для дрессировки, а считает их полноправными членами общества, активными его деятелями. Коллектив воспитанников в условиях социализма — это прежде всего ячейка нового общества, обладающая всеми особенностями, правами и обязанностями любого другого коллектива в стране.

Андрей Ефремович всецело разделял позицию выдающегося советского педагога, который никогда не соглашался с тем, будто школа должна только готовить детей к жизни, и считал, что ее задачи значительно шире: школа призвана создавать для своих питомцев условия, которые помогли бы им уже в ее стенах *жить заботами и радостями советского общества*. Только так можно воспитать гражданина, борца, созидателя. Директор любил повторять слова А. С. Макаренко: «Наше детское общество должно отражать жизнь всей Советской страны. Школа должна бороться за коммунизм с такой же волей, с таким же мужеством, с таким же напряжением, как и все наше общество. И с такой же радостью».

Во-вторых, своевременному и всестороннему развитию организаторских способностей школьников зачастую мешает неверие некоторых педагогов в силы своих воспитанников. Их пугает, что ученики сделают что-то не так, допустят ошибку. Если ребятам поручается самостоятельная работа, то такие учителя, воспитатели, классные руководители тут же спешат подсказать, дать подробнейший план действий, проконтролировать каждый шаг учащихся. Слов нет, ученик может допустить ошибку, ведь у него пока есть только желание что-то сделать, но мало жизненного опыта. Но это нисколько не оправдывает постоянную опеку над ребенком. Ученики не любят, когда им не доверяют самостоятельную работу, когда не верят в их возможности. Будучи поставленными в позицию механических исполнителей воли старших, они скоро утрачивают всякий интерес к делу.

И наконец, весьма часто проявляется стремление педагогов в любой работе, связанной с организацией жизни ученического коллектива, взять лично на себя большую часть обязанностей. Нужно классу или отряду подготовить концерт — и педагог сам подберет материал, сам договорится с музыкантом, сам распределит роли; надо пойти в туристический поход — и учитель сам составит маршрут и план, сам снабдит отряд оборудованием и инвентарем; необ-

ходимо организовать дежурство — и график составит тоже сам педагог. Что же в таких случаях остается ребятам? Только выполнять, пользоваться готовым. Им не нужно думать, волноваться, самим решать организационные вопросы. Конечно, педагогу куда проще сделать все самому, и времени уйдет меньше, чем тогда, когда хочешь добиться нужного результата, опираясь на инициативу ребят. Безусловно, второй путь значительно сложнее и хлопотнее, но вне его слишком мала цена мероприятиям, проведенным в классе и школе.

Важным условием воспитания коллектива учащихся и развития их организаторских способностей Андрей Ефремович считал *общий стиль жизни школы-интерната*, и прежде всего отношение каждого педагога к делам, которые организуют ученический коллектив, его актив, пионерская и комсомольская организации.

На методических занятиях, совещаниях и в личных беседах руководитель детского городка постоянно убеждал учителей и воспитателей в необходимости самого уважительного отношения к детскому коллективу. Если школьники, говорил он, ежедневно отмечают, что их работа, их начинания и стремления встречают понимание и поддержку у педагогов, то сама деятельность приобретает в их глазах значение важного и необходимого дела, а не забавы, не надуманного мероприятия, чтобы как-то занять свободное время воспитанников.

Требования к стилю отношения педагогов школы-интерната к коллективу учащихся сводились к следующему.

Первое: ни руководитель городка, ни учитель, ни воспитатель, ни старшая вожатая не могут начать какого-либо дела, связанного с жизнью, трудом и досугом учащихся, не посоветовавшись предварительно с ученическим активом, а затем и со всем коллективом. Только тогда, когда предложение (или план) по-своему содержанию и по способам осуществления станет близким и понятным учащимся, можно начинать работу по его осуществлению.

Второе: в школе и в группах должна действовать хорошо налаженная, постоянная учеба актива и всех учащихся, дающая знания, умения и навыки организаторской работы. Учеба проводится в форме семинаров, бесед, инструктажей, коллективного анализа итогов конкретных дел, обмена опытом. Без систематической работы с учащимися по обучению методам организаторской деятельности не может быть и речи об успехах детского коллектива, его самостоятельности и активности.

Третье: наряду с обучением учащихся организационным умениям и навыкам педагоги постоянно заботятся о том, чтобы каждый воспитанник имел поручение, соответствующее его возрастным и индивидуальным особенностям. Очень важно, чтобы эти поручения помогали школьнику пробовать свои силы и организаторские способности в различных видах деятельности. Позиция педагога состоит в том, чтобы помочь активу школы или группы правильно определить характер поручений и организовать общественный контроль за их выполнением.

Четвертое: в школе, где осуществляется уважительное отношение педагогов к деятельности ученического коллектива, все учителя и сотрудники обязательно поддерживают требования актива учащихся и лиц, выполняющих задания органов детского самоуправления (при дежурствах, при руководстве сводными отрядами), способствуют повышению авторитета учкома, комсомольских и пионерских органов.

Словом, не играть в детский коллектив, а смотреть на его деятельность так же серьезно, как и на свою собственную. Ученический коллектив и его заботы должны быть частью личной деятельности каждого педагога, причем не менее важной, чем проведение урока.

Андрей Ефремович внимательно наблюдал за тем, как отвечает этим требованиям работа каждого учителя, воспитателя, всех сотрудников городка, и любое отступление от принятых норм вызывало в нем бурную реакцию. Обычно сразу же следовали беседы, объяснения, иногда строгое предупреждение и критика на совещаниях или педагогических советах. Был случай, когда неуважительное отношение педагога к инициативе ученического коллектива пришлось отмечать в приказе по школе-интернату с объявлением на общем собрании учащихся.

Шел третий учебный год в детском городке. Он начался непрекращающимися дождями в течение трех недель. Это неблагоприятно сказалось на чистоте полов во всех помещениях, особенно в учебном корпусе. Дело в том, что все здания городка, а их более десятка, были связаны между собой не закрытыми переходами, а широкими заасфальтированными дорожками, и учащиеся, особенно мальчишки, заносили в помещения много грязи: дождь не дождь, а детям всегда хочется побегать, и не только по асфальту.

Объявления и специальные «молнии» помогали мало. Не многим больше дало и патрулирование на территории, установленное учком. Тогда общешкольный актив принял «чрезвычайное решение»: установить дежурства у входов в здания и никого не пропускать в грязной обуви. Решение несколько раз объявляли по школьному радио, его одобрили учителя и воспитанники. Чтобы такая мера была лучше осознана каждым школьником, о ней рассказывалось на классных часах, при проведении самоподготовки и во время ужина — накануне введения дежурств.

На другой день решение вступило в силу. Из двадцати классов в девятнадцати все проходило, как и ожидалось. Лишь в одном классе — VI «Б» — было опоздание, за которым последовало неприятное осложнение.

Уже прозвенел звонок на уроки, а трое шестиклассников никак не могли попасть в школу. Они несколько раз принимались очищать свою обувь, но делали это явно нехотя, и дежурные не пропускали их в здание. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не вмешалась учительница Ефросинья Марковна.

Придя на первый урок, чтобы провести контрольный диктант, и узнав, что отсутствуют слабоуспевающие ученики, она сразу же направилась к главному входу и строго потребовала от дежурных немедленно пропустить ее шестиклассников. На возражение дежурных Ефросинья Марковна ответила:

— Не буду же я для них давать второй диктант! Или вы думаете иначе? Сделали замечание, и хватит. А если этого мало, то я пришлю их к вам на всю перемену — успеют вымыть ботинки...

В тот же день еще до конца уроков к директору пришли ответственные за дежурство и заявили, что поступок учительницы русского языка сводит на нет все усилия коллектива. Об этом же сказал и председатель учкома на вечерней линейке. Один из активистов — Коваленков Валерий поставил вопрос категорически:

— Если сами учителя отменяют указания дежурных по школе, то зачем нам всем этим заниматься?

Директор очень дорожил авторитетом каждого учителя и воспитателя. Он проводил различные учительские семинары и чтения, чтобы уровень общекультурной и научно-методической подготовки педагогов был постоянно высок. Он приглашал крупных специалистов из Москвы и Смоленска для чтения лекций своим коллегам. Андрей Ефремович не жалел времени для составления различных документов о работе учителей и воспитателей, достойных поощрения, и отвозил эти материалы в облоно, а то и в Министерство просвещения РСФСР, непременно добиваясь, чтобы труд самых активных его коллег был своевременно отмечен. За десять лет работы школы-интерната шесть педагогов были удостоены звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», двадцать пять награждены значками «Отличник просвещения», пять — медалями ВДНХ СССР.

Наказывать, объявлять взыскания коллегам директор не любил. Он предпочитал беседовать с педагогами, разъяснять им промахи в их работе. Руководя большим коллективом, директор всего два раза использовал меру наказания, в том числе и выговор, который получила Ефросинья Марковна. По убеждению Андрея Ефремовича, это был именно тот случай, когда иначе поступить он не мог.

Повлиял ли директорский приказ на авторитет учительницы? В коллективе школы, где педагоги и учащиеся по-настоящему сотрудничают, поддерживают друг друга при решении общих задач, такой приказ мог служить лишь укреплению авторитета учителей и авторитета детского самоуправления.

Андрей Ефремович часто повторял слова Коменского, что учителям вручена превосходнейшая должность, выше которой ничего не может быть на земле. Директор сам гордился принадлежностью к этим счастливым людям, которые формируют завтрашних тружеников и мыслителей, и требовал и от себя и от своих коллег постоянной работы, чтобы в большей мере отвечать такой должности.

В записных книжках Андрея Ефремовича, в докладах педагогическому совету и лекциях учителям можно встретить перечисление важнейших качеств, которыми, по мнению директора, обяза-

тельно должен обладать воспитатель подрастающего поколения. Среди *качеств личности педагога*, относящихся к идеологической и профессиональной подготовке, его нравственному и эстетическому облику, есть и такие, которые имеют характер своеобразных правил. Например: «Настоящий воспитатель не злится подолгу на своих питомцев», «Педагог-практик должен жить интересами своих питомцев и в этих интересах черпать для себя радость», «Отсутствие полной откровенности воспитателя с воспитанниками — вот главное, что мешает установлению между ними правильных отношений» и другие.

Сам он никаких тайн от ребят не имел. Все, что касалось планов, близких и далеких перспектив школы-интерната, было хорошо известно воспитанникам, и не только старшекласникам. С активом, с учащимися средних и старших классов директор встречался ежемесячно, чтобы побеседовать о том, как прошла жизнь за истекшее время и что предстоит сделать коллективу в будущем.

В связи с этим хочется рассказать об одной традиции, которая во многом способствовала проявлению инициативы каждым воспитанником в жизни детского городка.

Ежегодно в начале второго полугодия проводились два обязательных совещания: первое — с широким активом (учком, комитет комсомола, совет пионерской дружины, самоуправление в классах) и второе — со всеми учащимися групп. На повестке дня обоих совещаний стоял один вопрос: как будут расходоваться денежные средства, предусмотренные финансово-хозяйственными сметами на календарный год, общей — по детскому городку в целом и специальной — по школьному хозяйству.

Когда я спросил у директора, зачем ему понадобилось обсуждать с детьми, даже с младшими школьниками, такой сугубо административный вопрос, он с удивлением посмотрел на меня и ответил вопросом на вопрос:

— А как же мы приучим ребят к *хозяйственности, к бережливости*? Только запретами и призывами: «Не трогай!», «Не ломай!», «Береги!»? Этим ничего не добьешься!

— В хороших семьях, — говорил Андрей Ефремович, — когда подрастают дети, родители советуются с ними, что нужно купить, где можно сэкономить; во всяком случае, дают понять, что деньги *зарабатываются* нелегко, что есть *неотложные* нужды и затраты, от которых семье не уйти. У нас, в детском городке, тоже семья, только очень большая, но это не исключает необходимости советоваться с нею. Ребенок, тем более школьник, *должен обязательно знать*, что, например, электрическая лампочка потребляет энергию, за которую нужно платить, и по интернату это немалые деньги; не сами по себе обогреваются комнаты и классы, течет вода из кранов: за это тоже нужно платить. Недешево обходятся ребячьи костюмы, обувь, школьная и спальная мебель, учебники и тетради, приборы, книги, бумага. За все это платится из государственного

кармана, за счет труда всего нашего народа, в том числе и труда родителей или родственников каждого воспитанника.

— Будут об этом хорошо знать воспитанники, убедятся в том, как важно беречь общее добро,— и они непременно станут лучше относиться к народному достоянию. Возможно, не сразу и не все, но со временем обязательно будут! Однако совещания проводятся не только для ознакомления ребят со сметами. На этих совещаниях решаются и многие другие практические дела.

Андрей Ефремович рассказывал, что с учащимися анализируется каждая статья смет, кроме тех, которые относятся к расходам на питание детей и содержание штата учителей и сотрудников. Возьмем расходы на электроэнергию, топливо, воду, транспорт, на мелкий ремонт помещений. Можно здесь сэкономить? Конечно, и довольно просто: своевременно выключать электролампочки, не оставлять открытыми краны и не брызгаться в умывальнях, не допускать, чтобы разбивали окна. А сколько можно сэкономить на сбережении книг, учебников, тетрадей, авторучек, мела! И ничего особенного делать не нужно: только не рвать, не бросать и не ломать. Или не покупать полсотни новых парт, а хорошо отремонтировать старые; отказаться от запланированных новых стульев, но зато привести в порядок поломанные или рассохшиеся.

Таковы лишь некоторые возможности *школьной экономии*. Она дает не только экономический, но и *воспитательный эффект*. Для стимулирования борьбы за экономию, для привлечения к этому делу всех учащихся школы очень важно, чтобы каждый воспитанник мог скорее убедиться: бережное отношение к вещам и народной копейке непременно способствует улучшению жизни самого детского коллектива. По договоренности с органами финансов и народного образования часть сэкономленных средств можно дополнительно израсходовать, например, на организацию дальних туристических походов, на посещение театров, приобретение спортивного инвентаря, телевизоров, игрушек. Не последнее место в расходах за счет экономии составляло приобретение праздничных костюмов для воспитанников, специальных платьев для хора и танцевальной группы, наконец, не лишними были и модная обувь для старшеклассников, и запасные штанишки и рубашечки для малышей.

А когда в детском городке появились свои выпускники, то по решению общего собрания стали выделяться денежные средства, чтобы помочь молодым людям в студенческие годы или в первое время после устройства на работу. И здесь все зависело от доходности полей, ферм, теплицы, огорода и сада — школьного подсобного хозяйства.

Директор не раз убеждал меня, как важно, чтобы дети сами, без какой-либо команды педагогов, строго следили за сохранностью имущества, предоставленного им государством. Ни одного разбитого окна за год, ни одной царапины на столах и партах, сотни реставрированных книг, ни одной испорченной страницы в учебниках — это и многое другое подтверждают необходимость привле-

чения ребят к *хозяйствованию* с самых ранних лет школьной жизни.

Не могу не вспомнить одного рассказа Андрея Ефремовича о хозяйском, бережном отношении воспитанников к народному добру.

Был тихий летний вечер. Все оставшиеся на каникулы в городке ребята убирали сено на лугу в километре от общежития. Вдруг на небе показалась тучка и стала быстро расти, поднялся сильный ветер. И тут же к директору обратились четыре девочки, утром дежурившие в спальнях:

— Отпустите, пожалуйста, в интернат. Там открытые окна, их может разбить ветром. Одни дежурные по вестибюлю не успеют.

Получив разрешение, девочки быстро побежали, оглядываясь на приближавшуюся тучу. Оставшиеся убирать сено тоже стали волноваться. И директор подумал: так могут поступать только люди, которым есть чем дорожить и о чем заботиться...

Воспитанник школы, по мнению Андрея Ефремовича, должен расти хозяином и обязательно *уметь делать все*, что необходимо в жизни. Ему должно быть по душе любое занятие. И это нисколько не мешает проявлению и развитию индивидуальных склонностей, наоборот, это способствует такому процессу. Природа человека многогранна, и надо учить ребенка *любому труду*, которым занимаются взрослые люди. Строя учебно-воспитательный процесс в школе-интернате, директор стремился создать такие условия, чтобы каждодневная жизнь воспитанников была наполнена личными переживаниями, связанными с участием в различных видах труда.

Он не верил в эффективность узкопрофессиональной ориентации в условиях общеобразовательной школы. Особенно не доверял однообразию методов, которыми порой выявляется индивидуальная склонность школьника к тому или иному виду деятельности: провели анкету или сочинение на тему «Кем я хочу стать», узнали, что ученик прилежен в работе того или иного кружка,— и ответ готов.

Нет, не узкая профессионализация, а формирование у ребят здоровой психологической *готовности к труду* на основе широкой социальной ориентации. За годы учебы в школе воспитанник должен иметь возможность обязательно вжиться в процесс *всякого общественно полезного труда*, и в первую очередь *производительного, испытать себя в труде*, понять важность каждого его вида.

Особенно, по словам Андрея Ефремовича, это относится к задачам сельской школы. Социальная функция сельской общеобразовательной школы состоит прежде всего в том, чтобы, наряду с воспитанием устойчивого интереса к труду на земле, выработать у своих выпускников глубокие общественные интересы, дать им возможность полнее овладеть культурными ценностями народа. Только при этом условии молодые люди смогут внимательно относиться к истории крестьянства, к истории своего сельского края, поймут потребности колхозов и совхозов в молодых кадрах, охотнее возьмутся за сельскохозяйственные работы.

Широкая профессиональная ориентация — это постоянный, хорошо продуманный труд детей, десятки кружков и секций, научные, технические и другие клубы и общества, серьезное идейно-политическое и нравственное воспитание, тесная связь школы с жизнью производственных коллективов, с жизнью района, области, страны и всегда активный отклик коллектива учителей и учащихся на их потребности и задачи.

Четкость в организации любой работы, в подведении ее итогов и определении перспектив была одной из самых сильных сторон в деятельности Андрея Ефремовича. Этому он постоянно учился, отдавая свободное время чтению книг, наблюдению и осмыслению опыта многочисленных товарищей по общему делу. Учился и всегда сетовал на недостаток времени, чтобы учиться настоящим образом.

Постоянной работы над собой требовал директор от каждого, кто связан с воспитательным процессом. Особенно настаивал, чтобы каждому педагогу был хорошо известен лучший опыт — местный и всесоюзный, по возможности и зарубежный. При этом он не терпел механического копирования опыта, выискивания в нем каких-то единых для всех рецептов. «У опыта нет общей школы, всех своих учеников он учит порознь», — часто говаривал директор.

Знание детей, их всесторонняя подготовка, высокий профессиональный уровень педагогов — в этом важнейшие условия успехов учебно-воспитательного процесса, в том числе и профессиональной ориентации.

Изучая детей, директор больше всего стремился помочь каждому из них стать счастливым, правильно найти свою дорогу, встретить настоящего друга и пройти с ним по всей жизни как порядочные и уважаемые люди. Когда подходило время окончания школы, Андрей Ефремович обязательно встречался с выпускниками, встречался наедине, чтобы откровенно побеседовать о том, куда решил молодой человек направиться искать свою долю.

Беседой дело не ограничивалось. Директор считал обязательным, чтобы школа отвечала за своего питомца и после вручения ему свидетельства об окончании учебного заведения. Школа, как и семья, должна помочь юноше и девушке стать на самостоятельную дорогу труда и ученья, помочь по-настоящему определиться в жизни.

Предварительно договорившись с руководителями средних специальных и высших учебных заведений, производственных предприятий и учреждений, которые ребята называли во время бесед, Андрей Ефремович обычно еще до выпускных экзаменов ездил туда со своими воспитанниками. Цель таких поездок — познакомить выпускников с учебным заведением или предприятием, организовать их встречу с руководителями и специалистами, чтобы молодые люди на месте убедились, каковы их реальные возможности поступить учиться, устроиться работать, правильно ли они ориентировались в выборе профессии.

Такие поездки иногда выходили за рамки области. С одним

из лучших учащихся — Павловым Евгением — директор ездил в Ленинград. Отличник и, безусловно, талантливый человек, Женя очень заикался (здесь не помог даже логопед), и это могло помешать при собеседовании или вступительных экзаменах. Перед тем как сдавать документы, директор интерната представил Женю ректору вуза, декану.. Привез он в Ленинград и наиболее убедительные результаты технического творчества юноши. Женя в присутствии Андрея Ефремовича чувствовал себя спокойнее и вскоре был зачислен в вуз.

Определение в самостоятельную жизнь... Мне не раз приходилось видеть, как директор встречал своих выпускников, приезжавших с места учебы или работы. Одни во время каникул, другие в период отпуска приезжали в школу-интернат. Даже если кто-то работал в студенческом строительном отряде, он обязательно выкраивал несколько деньков, чтобы «побывать дома», в своем детском городке.

Директор в такое время был на редкость весел и жизнерадостен. Он устраивал встречи всего коллектива с выпускниками прошлых лет. Заботился об отдыхе каждого, но в то же время давал поручения: поинтересоваться своими подшефными в интернате, выяснить, все ли у них ладится, посоветовать, помочь. А когда наступал час расставания, директор отправлялся со студентами на склад, где для них было приготовлено белье, верхняя одежда, обувь.

Это была помощь тем, кто учился на стороне, кто по тем или иным причинам не получал стипендии. А к каждому празднику из детского городка по разным адресам отправляли продуктовые посылки — подарок от школьного хозяйства.

Не обошел Андрей Ефремович своим вниманием и каждую молодую семью. Я помню, как однажды в его кабинет в конце дня пришел его бывший выпускник, а теперь рабочий одного из заводов Архипкин Ваня. Должна состояться свадьба, а как дальше жить, если жених и невеста находятся в общежитии? И директор интерната тут же стал звонить то одному, то другому районным руководителям, а потом, не откладывая, поехал в райцентр. И через несколько дней Ваня имел ордер на отдельную квартиру...

— Раза три в неделю, — рассказывала мне старая дежурная няня, — директор бывает вечерами в общежитии, чтобы самому узнать, как ребята ведут себя во время «отбоя». Придя в вестибюль, усевшись в уголке и положив на стол свой головной убор, беседует то со старшей воспитательницей, то со мной. Но стоит кому-нибудь из ребят увидеть директорский головной убор, как все немедленно укладываются спать и затихают...

— И ведь, кажется, никто не боится директора, хотя про себя и называют его грозным именем. А если и боятся, так лишь одного: как бы не огорчить своего Диктатора, не сделать ему неприятное, — закончила старая няня.

НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ

В Х «А» проходит собрание, обычное, так сказать, рядовое. Посвящено оно выполнению трудового задания общешкольного коллектива.

Я знаю, что у наших выпускников все в основном ладится, и поэтому от приглашения старосты и комсорга присутствовать на собрании отказался. Но не прошло и получаса, как у меня в кабинете появились представители десятиклассников во главе с Коваленко Валерием — человеком настойчивым и энергичным.

— Наши ребята решили побеспокоить вас, — начал Коваленко, сделав свое лицо подчеркнуто серьезным. — Тут возник такой вопрос, что без вмешательства администрации не обойтись. Очень просим вас уделить собранию несколько минут...

Коваленко Валерий — воспитанник особенный. В свои семнадцать лет Валера и по росту и по внешнему виду мало чем отличается от ученика пятых — шестых классов, но держится солидно. Ему ничего не стоит вступить в разговор с любым посетителем интерната, будь то народный артист, академик или руководитель местных органов власти. Он первым вступает в беседу или дискуссию, причем по самым разным темам, и ошеломляет сверстников обилием информации. Хотя его учебные успехи в общем-то невелики, в школе он слывет за эрудита и считается личностью интересной.

У Валерия непростая биография. Круглый сирота, совершенно не помнящий родителей, он по случайному стечению обстоятельств сменил несколько детских домов, а в семь лет оказался в компании слепого старца и обошел с ним десятки смоленских деревень и сел. О многом, что было им увидено и пережито до приезда в интернат, Валера неоднократно рассказывал ребятам, и эти рассказы, украшенные богатой фантазией и артистизмом, способствовали тому, что их автор приобрел большой вес в глазах десятков слушателей.

Приход Валерия Коваленко, да еще в сопровождении двух учениц, заставил меня срочно подняться на третий этаж. Видимо, там и в самом деле произошло что-то важное, требующее немедленного вмешательства директора.

Собрание, намеченное воспитателем с согласия ученического актива, неожиданно и очень скоро вышло за рамки темы.

Зачитывая общешкольную сводку о результатах труда за про-

шестую декаду, Николай Романович — воспитатель X «А» заметил, что сегодня его никто не слушает, все заняты чем-то другим. Многолетний опыт общения с группой подсказывал педагогу, что такая резкая перемена к его выступлению, к нему самому могла быть вызвана только очень серьезной причиной. Но что это могло быть?

Рабочая декада, казалось, закончилась без малейших осложнений в жизни группы. Больше того, Николай Романович считал, что именно истекшие семь — десять дней на редкость были полны искренней взаимопомощи ребят и проявления глубокого уважения к нему.

Может быть, что-то произошло вчера, во второй половине дня, когда он выехал в районный центр? Но вряд ли: его сразу бы известили обо всем утром.

Когда закончилось выступление Николая Романовича и председатель собрания предложил приступить к прениям, первым поднялся Коваленко Валерий. Валерка не стал говорить о сводке трудовых итогов, об отношении ребят к заданию, а сразу же начал критиковать воспитателя за «так называемое педагогическое руководство» классом. Чего только не ставилось в вину Николаю Романовичу! И формальное отношение к жизни учащихся, и утрата прежней заботы о каждом, и безразличие к коллективу, его трудностям и заботам...

Слова Коваленко вызвали у Николая Романовича чувство растерянности. Он не знал, как реагировать на эти обвинения и что сказать в ответ разошедшемуся оратору. Растерянность усиливалась и потому, что воспитатель видел: в своих обвинениях Валера не одинок, многие ребята как-то не так посматривают на классного наставника, еще вчера самого близкого для них человека.

В речи Коваленко не было ничего конкретного, она состояла из утверждений, не подкрепленных никакими доводами, и тем не менее принималась сидящими за партами как вполне оправданная, доказательная.

— Будь наш воспитатель ближе к своей группе, мы имели бы лучшие результаты, в том числе и в труде. По крайней мере, не уступили бы первого места X «Б», — победно заключил Валерий. И класс закивал головами в знак согласия.

Николай Романович не сдержался. Начав свой ответ с совета никогда не обвинять других без сколько-нибудь достоверных фактов, он вскоре перешел к обвинениям против Коваленко и назвал его демагогом.

После этого Валерий, пригласив с собою Журавлеву Машу и Осипенкову Тамару, без разрешения Николая Романовича вышел из классной комнаты и направился в кабинет директора.

Когда я в сопровождении Коваленко и его спутниц вошел в классную комнату, передо мной предстала картина, которая встречается в семьях после серьезной ссоры между родителями и взрослыми детьми. Николай Романович стоял у окна, вдали от учительского стола. Он, видимо, был настолько расстроен, что лишь спустя несколько секунд повернулся в мою сторону. Его воспитанники

молча сидели, опустив головы. Так же глядя вниз, они стали подниматься с мест при моем появлении. Прежней беззаботности на их лицах я не увидел.

На мой вопрос, что произошло, воспитатель лишь пожал плечами и сделал неопределенный жест рукою по направлению к классу: дескать, спросите у них.

И тут снова заговорил Коваленко.

— Мы всегда слышали: один коллектив, и у ребят и у педагогов задачи общие. А выходит, что это неправда,— начал Валерка.— Ведь как тогда объяснить, что ученик, даже выпускного класса, не может и словом обмолвиться о недостатках воспитателя, а воспитателю позволено оскорблять ученика...

Речь его была долгой. Но если не считать слова «демагог» да каких-то непонятных намеков, в ней ничего понять было невозможно. Складывалось впечатление, что и Коваленко и его товарищи очень недовольны тем, что Николай Романович отсутствовал в интернате весь вчерашний вечер. Где он мог быть так долго? Значит, у него есть какие-то особые интересы, которыми нельзя поделиться даже со своими воспитанниками? Как же так?

В жизни многих семей порой можно наблюдать: чем больше дети уверены в любви к себе со стороны родителей, тем беспощаднее испытывают они их чувства. Что-то похожее происходило и с Валерой. Он знал, как хорошо относится к нему Николай Романович, как ранят педагога его слова, и тем не менее позволял себе бестактность, даже в присутствии директора.

— Вы говорите, что случайно задержались, что встретили армейского товарища? Неужели случайно? Да и армейский ли это товарищ? А не девушка ли это была? Может, та, что приходила к нам на вечер под Новый год? Ведь это ей отдали вы тогда чуть ли не все танцы на нашем балу!

Испытывая чувство неловкости, вызванное столь бесцеремонным вмешательством воспитанника в личную жизнь педагога, я лишь изредка посматривал на сидящих передо мною девушек и юношей, но, к своему удивлению, должен был признать, что никто из них нисколько не смущен подобными вопросами. Наоборот, по устремленным на Николая Романовича взглядам, по напряженным позам молодых людей можно было заключить, что именно эти вопросы больше всего волновали каждого из воспитанников. «Что же происходит с классом?» — думал я и вспоминал долгие годы дружной совместной работы группы со своим любимым наставником.

С основным костяком этой группы Николай Романович связан около десяти лет, еще с тех пор, когда нынешние выпускники только начинали осваивать премудрости букваря.

Было это в небольшом детском доме, разместившемся в деревне Пушкино, куда в трудное послевоенное время съехались десятки детей из населенных пунктов Сафоновского района Смоленской области. Здесь в середине пятидесятых годов, демобилизовавшись

из рядов Советской Армии, стал пробовать свои воспитательские возможности студент-заочник педагогического вуза Николай Романович Иванов.

В детском доме, как и в школе-интернате, педагог познается куда быстрее, чем в массовой школе. Сама обстановка, когда нередко приходится работать на пределе сил, сразу высвечивает в человеке все, чем он действительно богат, особенно его нравственные качества. Золото души непременно заблестит, как бы ни пряталось оно за внешней скромностью. И так же скоро проявят себя равнодушные, духовная ограниченность...

Педагогических знаний у Николая Романовича тогда явно не доставало, зато за плечами был уже значительный жизненный опыт. Лет десять колхозной работы, которую он познал еще со школьного возраста, и более трех лет службы в армии научили многому. Он любил землю, хорошо овладел специальностью тракториста, умел плотничать и столярить, а в роте зарекомендовал себя незаурядным запевалой, активным участником художественной самодеятельности и спортсменом. Все это пригодилось и здесь, в новых условиях. Человек общительный и энергичный, не умеющий и дня прожить без участия в общем деле, Николай Романович быстро пришелся по душе всем работникам детского дома и его питомцам.

Мальчики и девочки, которых принял Николай Романович, с первой же встречи признали в нем настоящего старшего товарища. Они с охотой брались за любое дело, которое предлагал их воспитатель: дежурить на ферме, заготавливать дрова, полоть огород, заниматься ремонтом мебели, библиотечных книг, участвовать в занятиях кружков или спортивных секций. Стоило Николаю Романовичу первому начать что-то делать, как возле него немедленно появлялась вся его группа, готовая сразу же включиться в работу.

Может показаться, что молодой педагог принял организованную и воспитанную группу. К сожалению, далеко не все первые питомцы Николая Романовича обладали такими качествами. Из шестнадцати первоклассников, в основном переростков, немало было и таких, кого принято называть «трудными».

Теперь Н. Р. Иванов не любит вспоминать об этом: каждый, кто когда-то заставлял Николая Романовича волноваться, нашел свое место в трудовой жизни и честно следует избранному пути. Но для более полного представления о той обстановке, в которой начиналась педагогическая деятельность Николая Романовича, стоит рассказать о некоторых его тогдашних воспитанниках.

Лакеенков Петя, например, за два месяца до поступления на работу Николая Романовича сумел не только подтвердить характеристику, данную ему в дошкольном учреждении, но и проявить новую, ранее не отмеченную черту, — мягко говоря, равнодушие к чужой собственности. Спецов Коля, как отмечалось в его личном деле, не терпел замечаний взрослых, постоянно вступал в драку со сверстниками, склонен к бродяжничеству. Селюков Володя — «пленник улицы», «не раз замечен в воровстве». О Филимонове Васе вос-

питатель узнал, что тот «с малых лет сам себе хозяин», «не любит никакого труда, особенно учебных занятий», «не понимает дружбы», «привык уединяться». Леонов Сеня обладает «тяжелым, неуживчивым характером», «нелюдим и угрюм», «эгоистичен». Щербаков Федя в свои девять лет «не признает никаких детских игр», «не любит заниматься каким-либо полезным трудом», «к жизни в детском доме привыкал очень трудно», «совершил несколько побегов». И т. д. и т. п.

И это в группе из шестнадцати первоклассников!

В жизненном опыте и в повседневном поведении питомцев Николая Романовича было гораздо больше такого, что мало способствовало их объединению в сплоченный и дружный коллектив. И все же это не помешало всем шестнадцати сразу же ответить своему новому воспитателю готовностью быть рядом с ним, участвовать во всех его начинаниях.

Что было причиной такого отношения к Николаю Романовичу? Видимо, главную роль сыграли его трудолюбие, открытость и общительность характера, непоказное внимание к детям, подлинный интерес к каждому. Это был тот редкий случай в воспитательной практике, когда малознакомые друг другу дети, безмерно удивленные истинной добротой нового педагога, вдруг преобразились. Они как бы забыли о своих прошлых привычках и обратились к наставнику самой лучшей стороной души. Дети потянулись к нему, заметив его готовность поверить каждому слову любого мальчика или девочки, поверить без малейшего сомнения, так что после этого ребенку нельзя не сдерживать слова. И не в этом ли проявляется подлинный педагогический талант, способность человека быстро объединить вокруг себя других и оказывать на них нужное влияние?

Отношения доверия между воспитателем и его группой не могли, разумеется, привести к немедленному перевоспитанию тех, кто в этом особенно нуждался. Известно, что таких быстрых изменений в характере и поведении детей не встречается. Но уже само признание за Николаем Романовичем права старшего, появление у ребят добровольной готовности следовать его советам и требованиям создавали необходимые условия для успешной воспитательной работы.

И через два-три месяца о группе воспитанников Николая Романовича заговорили как об одной из самых организованных в детском доме. Ее нередко ставили в пример и работники школы: дети прилежно учились, хорошо вели себя на уроках и переменах.

Методика работы воспитателя Иванова была довольно простой: он стремился к тому, чтобы каждый день в группе детского дома обязательно походил — и по содержанию и по атмосфере взаимных отношений — на жизнь *в здоровой семье* с хорошо налаженным распорядком. Четкое распределение посильных обязанностей, разумное чередование труда и отдыха, ответственность друг перед другом и неременная оценка поведения и сделанного — таковы основные требования этой методики.

Методика Николая Романовича отличалась еще одной особен-

ностью: воспитатель постоянно возбуждал у детей интерес к завтрашнему дню в жизни всего детского дома и каждого ребенка в отдельности, учил мальчиков и девочек мечтать о будущем, планировать его. И не случайно, что именно эта группа довольно быстро нашла приложение своим силам в общем хозяйстве, первой откликнулась на призывы школьного самоуправления.

Николаю Романовичу очень помогало в работе с группой и его отношение к так называемым «трудным». Иванов воспринимал их как обычных детей, без настороженности, без боязни каких-то последствий, твердо веря, что ребенок есть ребенок, какое бы ни было у него прошлое, что это маленький человек с неограниченными возможностями, и нужно только поскорее вызвать их к жизни.

— Это неправда, будто «трудные» дети и подростки имеют неисправимые недостатки или являются людьми с ограниченными природными возможностями, — возражал он одной воспитательнице, выступая на психолого-педагогическом семинаре. — Я думаю, что нередко ребенок может оказаться трудным для воспитателя именно в силу богатства и сложности своего внутреннего мира. Не случайно говорится, что молодое вино сильно бродит. Сильные и талантливые натуры развиваются особенно бурно.

Когда в 1960 году детский дом в деревне Пушкино был расформирован, а его воспитанники переданы в открывшуюся Сафоновскую школу-интернат, группа Николая Романовича выросла вдвое. К его питомцам, у которых была хорошо налажена жизнь, добавились двадцать незнакомых подростков. Появились непредвиденные заботы и тревоги. Не досмотри чего-то вовремя, и все, что было достигнуто за шесть лет ценой нелегкого труда, может быть сведено на нет.

Кое-кто из зачисленных в группу к Николаю Романовичу сразу же дал понять и воспитателю и активу: то, к чему привыкли шестнадцать ребят из Пушкино и что оберегается ими как закон жизни, теперь не обязательно. Начались пререкания, отказы подчиняться дежурным, уходы из общежития; появились случаи кражи детдомовского имущества, порчи мебели.

Работать с новым пополнением оказалось значительно труднее. И не только потому, что многие поступившие в группу подростки не принимали требований воспитателя. Главное заключалось в том, что новые воспитанники — это не первоклассники, они, к сожалению, имели куда более длительный опыт неорганизованного поведения. Это были шестиклассники, большинство которых в силу ряда причин просидели в предыдущих классах на год-два больше положенного. Тут было о чем задуматься Николаю Романовичу.

Однако и в этой усложненной обстановке победила методика Иванова. Над всем наносным и сопротивлявшимся одержали верх его глубоко заинтересованное отношение к детям, постоянная забота, вера в их возможности. Победили разумно организованный распорядок жизни в группе и привычка воспитателя всегда находиться с ребятами.

Это были методика и стиль педагога, для которого группа воспитанников имела значение главного, если не единственного смысла его жизни, каков бы ни был состав детей — «легкий» или «трудный». Это методика постоянного контакта с детьми, полной отдачи своих сил, знаний и умений каждому, кто стал его воспитанником.

И чем больше времени проводил Николай Романович со своими ребятами, тем лучше становилось его настроение, энергичнее походка, радостнее улыбка при встрече с коллегами.

— Трудно ли мне работать, спрашиваете? — говорил Иванов на заседании педагогического совета через три года после переезда в школу-интернат. — Конечно, иногда устаю... Но эта усталость приятная — ведь делаешь то, что больше всего нравится...

Целыми днями со своими воспитанниками! И так из года в год. Но им, его воспитанникам, и этого мало. Николай Романович давно замечал: всякий раз, когда он собирался домой, мальчики и девочки обязательно находили предлог, чтобы несколько отсрочить его уход.

Но стремление всегда видеть своего воспитателя еще не говорило о том, что группа Николая Романовича не приучена к самостоятельности. Нет, она довольно скоро научилась этому умению и могла организовать свой труд и досуг без помощи и наблюдения педагога. И не на один день, а на неделю, даже на месяц оставлял своих воспитанников Иванов, когда уезжал на курсы повышения квалификации учителей и его заменял другой педагог.

И еще одну особенность в отношении к нему группы заметил Николай Романович: чем взрослее становились его воспитанники, тем сильнее проявлялось их желание, чтобы педагог *принадлежал им* и никому другому, при этом обязательно одинаково каждому, без всяких исключений...

Выполняя задание агронома школы-интерната по подготовке теплиц к посевам, девятиклассники Николая Романовича работали, как обычно, в два звена. Задание было не из легких: нужно было занести новый грунт, тщательно перемешать его со старым, а затем равными дозами добавить удобрения. По нормам на выполнение такого задания полагалось затратить два с половиной рабочих дня. Однако группа Иванова решила справиться с работой в два раза быстрее. Результаты были прекрасными: уже к концу первой смены вся работа была закончена и строгий агроном дал ей самую высокую оценку.

Тут бы радоваться каждому: ведь опять во всей школе заговорят о воспитанниках Иванова как о настоящих ударниках. Но общей радости в группе не получилось. Первое звено, которое обрабатывало правую сторону стеллажных площадей теплицы, почти неделю обижалось на своих товарищей из второго звена и на Николая Романовича. А причина была одна — на левой стороне теплицы почему-то больше всего работал воспитатель. Неужели на стеллажах справа было меньше работы? Или первое звено чем-то провинилось?

Не проходили без бурной реакции группы и случаи, когда кому-то вдруг казалось, что педагог проявлял больше внимания тому или иному воспитаннику. Сколько ревнивых взглядов то одного, то другого питомца встречал воспитатель в подобных случаях! Не так что-то сказал, не так посмотрел на кого-то, где-то больше задержался. И чем взрослее становились его мальчики и девочки, тем строже и взыскательнее они были к каждому шагу и каждому жесту своего наставника и старшего друга.

Главным в отношении воспитанников к Николаю Романовичу была их *любовь и уважение к педагогу*, хотя внешне могло показаться, что то один, то другой подросток находится с ним в настоящем конфликте. Да, конфликты были. Но при этом в группе не нашлось бы человека, который не пошел бы ради Николая Романовича на любые жертвы, на любое ограничение своих личных интересов.

Когда группа Иванова училась в VIII классе, произошел характерный случай. Все учителя и воспитатели школы-интерната участвовали в районном лыжном кроссе. Разумеется, в числе наиболее активных участников и организаторов кросса оказался Николай Романович. Кросс был объявлен на вторую половину дня. Мужчинам предстояло пробежать двадцать километров.

Первым стал на трассу Иванов, первым начал нелегкое состязание, сопровождаемый улыбками, радостными возгласами и хлопками в ладоши своих воспитанников. Веря в успех Иванова, восьмиклассники решили не покидать места финиша до конца соревнований. Но не прошло и четверти часа, как небо заволокло тучами и посыпал снег. Поднялся ветер, да такой сильный, что трудно было устоять на ногах. В двух-трех шагах все застилала мгла. «Как там на трассе? Что с участниками пробега? Смогут ли они продолжать состязание? Как себя чувствует Николай Романович, хватит ли у него сил?» — думали воспитанники Иванова.

Тревога ребят усилилась, когда среди финиширующих лыжников не оказалось их педагога. Как так? Ведь он был первым на старте? Что с ним могло случиться? Ребята обращались то к одному, то к другому участнику соревнования, пока не узнали, что в пяти километрах от финиша Николай Романович подвернул ногу и его оставили в медпункте поселка на трассе, что скоро за Ивановым будет послана подвода.

Но последнее известие никак не повлияло на решение всех мальчиков и девочек немедленно идти на помощь своему воспитателю. Плохая погода их не пугала, транспортных средств ждать было некогда...

А собрание, с которого начался мой рассказ о воспитателе Иванове, закончилось полным примирением сторон. Я спросил у десятиклассников: так ли я понял их, что они отказывают своему воспитателю в праве распоряжаться самим собою, в праве встречаться с друзьями, с любимой девушкой? Может быть, они позволят Николаю Романовичу подумать и о собственной семье?

И тут после небольшой паузы класс заулыбался. Все подняли головы, стараясь встретиться взглядом с Николаем Романовичем. И теперь в этих взглядах не было ни прежней обиды, ни прежнего недовольства...

Мы много говорили о детской ревности, которая характеризовала отношение ребят к своему наставнику. Что ж, это чувство вполне естественное. Воспитатель, как и учитель, полностью принадлежит своим ученикам, своим питомцам, и они жестко предъявляют ему свои права, нередко устраивая сцены своеобразной ревности. В этой ревности — самое верное подтверждение детской привязанности, веры, уважения и любви.

Где мера этому чувству? Сказать трудно. Но ясно одно: без детской ревности, без детского неравнодушия к педагогу нет учителя, нет воспитателя...

«ГОРЖУСЬ, ЧТО У МЕНЯ ТАКОЙ УЧИТЕЛЬ!»

Это одна из строчек большинства поздравительных открыток и писем, которые получает Ирина Юлиановна — преподаватель литературы Смоленского педагогического училища, еще молодая женщина. И во всех посланиях — непременно благодарность, извинения за прошлые ошибки, удивление щедростью души педагога, обещания, признания в вечной дружбе и любви.

Вот строчки из письма Егоровой Наташи, которая окончила школу более пятнадцати лет назад: «Хочу просто поздравить Вас с днем рождения, а на бумагу просятся самые высокие слова: «Слава Ирине Юлиановне!» «Пусть Ваша жизнь будет пронизана солнечным светом!», — добавляю, глядя на небо, совсем такое же голубое, как и ваши глаза, Ирина Юлиановна. И хороших сочинений Вам... Долго сижу и думаю, как поздравить нашу самую лучшую учительницу. Очень хочется найти какие-то особенные слова и выражения. Что пожелать? За окном загораются звезды. Такие же звезды горят в Ваших глазах, Ирина Юлиановна. Ничего не придумав, я взяла ручку и, вздохнув, написала только то, что Вы уже прочитали в моей открытке: «Дорогая Ирина Юлиановна! Поздравляю Вас с днем рождения!...»

Кому-то это письмо может показаться сентиментальным. Что ж: у человека, равнодушного к своим школьным годам, и такое письмо получиться не может.

А вот отрывки из писем покороче; они не нуждаются в комментариях:

«Милая Ирина Юлиановна! Я желаю Вам всего самого доброго! И как я хочу быть хоть немного похожей на Вас... Ваша Рита».

«Горжусь, что принадлежу к Вашим ученикам. Счастлив, что Вы вдохнули в меня, как и в души сотен других, неиссякаемую любовь к литературе. Да и не только к литературе — ко всему прекрасному в жизни. И. Казаков».

«Вы — как само великое искусство. Забыть Вас нельзя никогда. В сотни жизней вошли Вы чуткой и любящей струной оптимизма. Спасибо! Солнца Вам, неба, цветов и звезд. Н.».

«Дорогая Ирина Юлиановна! Желаю Вам поверить в то, что Вы — изумительный учитель. Поверить так же, как в это верят и всегда будут верить все Ваши ученики. Лариса М.».

«Милая Ирина Юлиановна! Будьте всегда такой, как Вы есть.

И еще знайте, что Вас всегда помнит один неисправимый романтик. Игорь В.».

«Что пожелать Вам? Счастья? Да Вы и так, должно быть, бесконечно счастливы. Оля М.».

«Пусть многие-многое годы Ваш чудесный талант учителя и человека зажигает души сотен и сотен учеников. Марина С.».

«Дорогая Ирина Юлиановна! Поздравляю Вас с Днем учителя. Вы по праву носите это высокое звание. Ваш Петров И.».

«Если бы мне дано было стать художником, я написала бы Ваш удивительный портрет. Или создала бы о Вас стихи, если бы мою шариковую ручку держала рука поэта... Р. В.».

«Возможно, Вам теперь трудно вспомнить меня — одну из сотен учениц, причем не выделявшуюся среди других своими успехами. Но признаюсь: Вы меня очаровали своим человеческим обаянием, любовью к литературе. Мне никогда не забыть Вас и Ваших уроков. С любовью к Вам. Светлана Сысенко (теперь Соспутина)».

«А 10-го у меня свадьба. Вы будете самым дорогим и желанным гостем. Ваш Валерка».

«Спасибо Вам за все, чему Вы меня научили, спасибо за любовь к литературе, к детям. Таня».

«Чудесный Вы человек! Как я рад, что имел возможность видеть и слышать Вас. Целую Ваши руки. Ваш «кроха» Александр».

«Я поздравляю Вас, сказочно дивная учительница, с праздником 8-го Марта, Вас, настоящая волшебница, зажигающая в душах звезды... П.».

Ирина Юлиановна во многом напоминает Николая Романовича, с которым мы только что расстались. Та же безмерная увлеченность работой, та же полная отданность своим воспитанникам и та же радость от сознания своей принадлежности к делу формирования новых людей. У каждого из них, людей по-настоящему красивых и богато одаренных природой, одинаково неустроенная личная жизнь: повседневно занятые любимым делом, они так и не заметили, как прошла молодость...

Ирина Юлиановна не помнит, что ее толкнуло поступить на литфак педагогического института. Желание стать учительницей? Нет. В то время она совершенно не представляла себя в роли учителя, руководящего детьми. Такое положение ее смущало, — уже будучи старшеклассницей, она боялась выступать перед большим числом людей. Поэтому-то ее не было заметно на сцене ни на вечерах школьной самодеятельности, ни на собраниях и диспутах.

И все же было что-то важное в этом выборе, без чего учителем стать невозможно. Прежде всего, уже в школьные годы Ирина Юлиановна самозабвенно любила художественную литературу, про-с-и-ж-и-в-а-л-а за книгами буквально дни и ночи. Читала самое разное — и стихи, и повести, и романы, и драмы как отечественных, так и зарубежных авторов. Читала, и ей представлялся мир, в котором жили, боролись, любили и страдали герои книг. Путешествия в мир

книг, каждодневное присутствие в нем создавали очень сильные впечатления.

И второе увлечение, не менее важное, которое скорее всего могло подсказать выпускнице средней школы дорогу в педагогический вуз, — это постоянный и неослабевающий интерес к жизни и взаимоотношениям детей. В пятих — шестых классах она интересовалась дошкольниками и младшеклассниками, в старших — подростками. Ей нравилось наблюдать, как играют дети. Она могла подолгу стоять и неотрывно смотреть на бегающих или прыгающих ребят, заражаясь их азартом. Не меньше нравилось слушать, как разговаривают дети между собою. Ее занимала логика детских рассуждений, она любила тут же предположить, как протекает мысль мальчишек и девчонок, увлеченных своей игрою, что их больше всего вызывает на спор, на откровенность. И это был тоже целый мир — мир детства, который так манил к себе...

О начальном периоде педагогической работы Ирина Юлиановна вспоминала немного, лишь некоторые обстоятельства.

— Большинство своих уроков, — рассказывала она мне в беседе, — которые я провела вскоре после окончания института, почему-то не помню. Может, потому, что были они слишком однообразны. Но как себя чувствовала в коридоре у класса перед своим первым самостоятельным уроком, без методистов и студентов вуза, никогда не забуду. Представьте, после звонка на урок я простояла у двери минут десять, боясь взяться за ручку и войти в класс.

И еще одно обстоятельство.

— Несколько месяцев, а может быть, около года работы в школе, — говорила Ирина Юлиановна, — все у меня держалось только на любви к предмету и ученикам. Это питало мое вдохновение... О строгом подборе методических приемов стала думать уже потом, значительно позже...

Да, так нередко бывает в начале пути больших мастеров учительского труда: ведя урок по любому предмету, молодые педагоги больше ориентируются по глазам своих учеников, по их взглядам и душевному состоянию, чем по указаниям методических пособий, и подчас забывают то или иное дидактическое правило, старательно вписанное в конспект урока.

Но чаще всего это не мешает делу. Насколько велика была воспитательная сила вдохновения молодой начинающей учительницы, ее любви к учебному предмету и детям, подтверждается тем, что никто из первых учеников Ирины Юлиановны не остался равнодушным к ее урокам. Многие решили пойти по ее дороге, став учителями. Для остальных литература стала важнейшим источником духовного обогащения.

В начале своего рассказа я привел отрывок из письма одного из первых учеников Ирины Юлиановны — Ивана Казакова. А вот что ответил на мой вопрос «Учитель в моей жизни» доцент кафедры зоологии Смоленского педагогического института М. М. Сычев, одноклассник Казакова.

«В 1951 году в 1-й дорогобужской средней школе появилась молоденькая учительница, выпускница Смоленского пединститута Ирина Юлиановна. Для меня начался VIII класс и новый, необыкновенно важный период жизни: знакомство с прекрасным, постижение души человеческой, раскрытие собственной. VII класс я закончил с отличием, больше всего мне нравилась физика. В VIII классе я полюбил литературу и, пожалуй, больше, чем физику...

Класс, который не отличался ни хорошей дисциплиной, ни прилежанием, слушал Ирину Юлиановну, затаив дыхание. Ее уроки были необыкновенно хороши, захватывали каждого. Она жила жизнью героев и нас вводила в эту жизнь, учила пониманию и сочувствию. Мы вместе с нашей учительницей ненавидели Кабаниху и сострадали Катерине, презирали обломовщину и восхищались гражданским подвигом Белинского, Добролюбова и Чернышевского, постигали философскую мудрость Л. Толстого и с восторгом декламировали «Песню о Соколе» Горького. Это было открытие мира!

После ее уроков хотелось немедленно прочитать произведение, о котором шла речь. Я обычно так и делал, иногда читал с опережением программы. Чтение вызвало вопросы, с ними я шел к Ирине Юлиановне. Помню, прочитав «Войну и мир», я спросил, что такое фатализм, и мы долго беседовали. После этой беседы я увлекся философией и старательно штудировал исторический материализм. Особенно интересовало меня учение о роли народных масс и личности в истории. Увлеченный романом Л. Толстого, я в две ночи осилил «Наполеона» Тарле...

Ирина Юлиановна ввела нас и в удивительный мир поэзии. «Слово о полку Игореве», «Горе от ума», лирика Пушкина и Лермонтова, «Евгений Онегин»! До сих пор звучат в душе мелодии этих произведений. И я сам стал писать стихи. Их внимательным слушателем и доброжелательным критиком была Ирина Юлиановна...

Поэзия навсегда вошла в нашу жизнь, мою, Ивана Казакова, с которым мы сидели за одной партой, всех других мальчишек и девчонок. Все мы пробовали всерьез писать стихи, спорили до хрипоты. Многие, в том числе и я, до сих пор продолжаем писать стихи. Мы боготворили нашу учительницу и боготворим теперь...»

Так начиналась самостоятельная педагогическая деятельность Ирины Юлиановны. Уже через год о ней знали во всем районе, ей писали коллеги, приглашали приехать на уроки, сами приезжали из отдаленных мест Дорогобужья, а еще через два года о молодой учительнице заговорили и в области. И тогда Ирина Юлиановна была приглашена в одну из лучших школ Смоленска.

В начале пятидесятых годов еще очень сильно сказывались последствия прошедшей войны; не были исключением и школьные дела. Далеко не везде ладилось с укомплектованностью школ хорошо подготовленными учительскими кадрами, туго было с материальным обеспечением учебного процесса. И это не могло не отражаться на самом важном показателе работы педагогических коллективов — на качестве выполнения государственных учебных программ. Семь-

десять пять — максимум восемьдесят процентов успеваемости учащихся считалось тогда весьма приличным показателем.

Какова же могла быть реакция учителей, когда они вдруг узнают: есть, оказывается, школа, где успеваемость — причем по русскому языку и литературе — значительно выше, фактически полная! Как это могло случиться? И где? В Дорогобужском районе, в настоящей сельской глубинке с ее диалектными особенностями речи! Настораживало и то, что такие высокие показатели имеет совсем еще молодой, начинающий специалист...

Сомнений было немало, а еще больше живого интереса к опыту молодой учительницы. И когда Ирина Юлиановна перевелась в 28-ю школу Смоленска, ее уроки почти не проходили без посещения коллег: были у нее местные учителя — из школ областного центра, нередко приезжали и педагоги из отдаленных уголков Смоленщины. Это не были заранее спланированные посещения. Люди просто приходили и приезжали, чтобы своими глазами увидеть учительницу, у которой так хорошо ладится с преподаванием наиболее трудных школьных предметов, послушать ее уроки, побеседовать, понять секреты ее успехов, а, если удастся, то и перенять что-то из приемов работы.

Приходили порой и такие, которые непременно желали найти подтверждение своим сомнениям: не может быть столь высоких результатов, тут что-то не так... Такие педагоги, к сожалению, бывают и сейчас: велика сила инерции, сила привычки думать и делать по установившемуся шаблону. У специалистов с аналогичным подходом к новому, к необычному в практике есть всегда довольно простой аргумент для объяснения своей точки зрения: я ведь тоже не сижу сложа руки, стараюсь, и, раз у меня так не получается, значит, не может получиться и у других.

Посещение уроков Ирины Юлиановны представителями разных школ все более укрепляло в едином мнении учительскую общественность: все, что говорят хорошего о работе молодой учительницы, — правда. Труднее было распознать причины таких успехов. Уроки ее проходят живо и интересно. Но разве это редко встречается в других школах? Да, ее дети прилежно работают в течение сорока пяти минут урока. Но учителей, умеющих так же организовать работу, теперь немало, а между тем и у них встречаются неуспевающие ученики!

И Ирину Юлиановну пристрастно спрашивали о главном — об истинных причинах высоких результатов. На такие вопросы отвечать было трудно. Она терпеливо рассказывала о самых разных уроках, перелистывала свои поурочные планы, перечисляла формы организации занятий, приемы активизации и индивидуального подхода, со всей откровенностью говорила, что в большей, а что в меньшей мере помогает ей из дидактического материала и средств наглядности при решении учебных и воспитательных задач. Но самое главное, то, что прежде всего обеспечивало успех каждого занятия, она так и не смогла назвать — ни в ходе первых индивидуаль-

ных бесед с опытными коллегами, ни тем более в своих робких выступлениях перед большой аудиторией.

Главное условие успеха заключалось в том, что Ирина Юлиановна не просто преподавала предмет, а *щедро делилась с детьми своим самым любимым и интересным достоянием*. Со всей страстью непоказной увлеченности передавала она ученикам свои личные убеждения, которых никто не смог бы ни оспорить, ни поколебать. В ее классах не стало ни одного учащегося, который бы работал без такого же увлечения, как и сама учительница.

На уроках Ирины Юлиановны была не просто активность детей, желающих «поддержать» учителя смелыми и бойкими ответами, а естественное выражение их глубокого интереса ко всему, что здесь делалось и о чем говорилось. На каждом занятии молодой педагог влияла на учащихся не столько умело используемым набором различных приемов и дидактических средств, сколько *личным отношением* к каждому положению изучаемой темы, к каждому персонажу художественных произведений.

Но как об этом сказать другим? Да и всегда ли педагог может специально выделить такое в своей работе, если для него любовь к предмету и постоянное желание воспитать эту же любовь у своих учеников являются естественным, само собою разумеющимся. Подлинное увлечение делом у людей серьезных и основательных никогда не выступает как предмет популяризации, о нем обычно предпочитают не говорить...

Представить систему работы Ирины Юлиановны во всей совокупности четких и строго расположенных элементов учебного процесса исключительно трудно. «Никогда не знаешь, как у нее начнется урок и как он будет построен», — приходилось мне слышать от многих ее товарищей по работе.

Действительно, все здесь бывает неожиданным, каждый урок проходил по-новому. Но это не была игра в оригинальность. Ни на одном уроке Ирины Юлиановны не встретишь неоправданного шага, все подчинено глубоко продуманным целям. Но определенные коррективы вносятся постоянно, и для этого бывает много причин: то вдруг изменившееся настроение в классе, то выявившийся пробел в знаниях какого-то ученика, то важная новость в окружающей действительности, в жизни страны, которую нельзя оставить без внимания.

Не знаю, согласится ли со мною сама Ирина Юлиановна, но я бы «лабораторию» ее подготовки и проведения урока представил таким образом: основательнейший, глубоко продуманный план занятия плюс постоянное творчество, готовность немедленно внести любое изменение в его ход в зависимости от конкретной обстановки. Примером такого быстрого учета изменившейся обстановки было совсем неожиданное для меня обращение учительницы ко всем ребятам в конце урока по творчеству А. П. Чехова. Заметив, с каким интересом участвовал класс в чтении текста по ролям, она вдруг предложила: «А что, если нам с вами на следующей встрече занять-

ся инсценированием «Хирургии» Антона Павловича? Возражений не будет?» Ребята дружно заплодировали. Я говорю «вдруг предложила», потому что в поурочном плане такого домашнего задания не предусматривалось.

Ирина Юлиановна довольно часто вносила изменения в каждую разновидность занятий, дополняя их структуру новыми элементами или модификациями. Например, ее обзорные уроки по литературе непременно включали активную работу самих старшеклассников: каждый учащийся обязательно представлял одно-два произведения того или иного поэта, прозаика, драматурга. Уроки-лекции, как правило, всегда сопровождались ученическим чтением стихотворений, отрывков из поэм, повестей, романов. Естественно, еще полнее использовалась самостоятельная работа школьников на таких занятиях, как уроки-диспуты, уроки-концерты, уроки-семинары.

Разумеется, все это очень важно для *оптимизации учебного процесса*, каждого урока. Но не менее важна *позиция самого педагога* — ее живой проникновенный взгляд, голос, жест. И здесь дело не только в особых природных данных учителя, — многое зависит и от предварительного продумывания, от заранее представленных возможностей воздействия того или иного приема — словом, от напряженной работы накануне урока. «При подготовке к урокам, — писала Ирина Юлиановна в анкете об особенностях труда учителя-словесника, — я всякий раз продумываю и отрабатываю интонацию, бесконечно ее варьирую, пока не найду наиболее правильное, с моей точки зрения, звучание...»

Мне пришлось присутствовать на нескольких уроках Ирины Юлиановны. И все они не были похожи друг на друга. Общее произошло лишь в одном — проводившая эти уроки учительница каждую минуту старалась представить себе, как усваивают и понимают изучаемый материал ее питомцы, как они расширяют свои познания, как обогащаются нравственно и эстетически.

О двух ее уроках расскажу по возможности более полно. Это были не так называемые открытые, специально подготовленные на показ уроки, а обычные, рядовые, из тех, что рассчитаны на присутствие только учащихся и самой учительницы.

Первый урок представлял собой школьную лекцию и был посвящен теме «Патриотическая лирика военных лет». Этому уроку, конечно, должна была предшествовать определенная работа с учащимися по ознакомлению их с произведениями, созданными в годы Великой Отечественной войны. Оказалось, что сделанное классом в процессе предварительного знакомства с литературой было так значительно, что среди учащихся, наверное, не было ни одного, кто не сумел бы еще до начала лекции сам дать обстоятельную информацию о лирике тяжелых военных лет.

На этот урок учительница вошла в класс без обычной улыбки, торжественно, спокойно. Под тихие звуки «Реквиема» Моцарта открывается экран, и перед взорами учащихся предстает священное место всего советского народа — могила Неизвестного солдата. Уче-

ник читает стихотворение С. Орлова «Его зарыли в шар земной».

Закончилось чтение, постепенно стихает музыка. Учительница подходит ближе к партам и говорит: «Тем, кого зарыли в шар земной, и тем, кто с победой вернулся с фронтов Великой Отечественной, посвящается сегодняшний урок».

Началась лекция. Учитель напоминает о лучших традициях отечественной литературы и о важнейшей из них — тесной связи с историей народа, готовности немедленно отзываться на самые важные и грозные события, беззаветно служить интересам любимой Родины. Серьезные, строгие лица школьников обращены к Ирине Юлиановне. На них отражаются чувства гордости и национального достоинства, когда учительница называет имена Жуковского, Батюшкова, Грибоедова, Ф. Глинки, Вяземского, Рылеева, Катенина, вставших в ряды защитников страны в годы наполеоновского нашествия. Повысив голос, Ирина Юлиановна говорит, что «славою Двенадцатого года» воспитаны и вскормлены были и Пушкин, и Лермонтов, и поэты-декабристы.

Вдохновенно и убежденно, чеканя каждое слово, она рассказывает о героическом времени Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, принесшем победу нового, социалистического строя. Это время, по словам Брюсова, было «огненной купелью» для народов нашей страны. Десятки имен, произведений, краткая характеристика их тематики, и учительница набрасывает эскиз общей картины становления и развития советской литературы. Цитируя Суркова и приглашая ребят прочитать по несколько строк из стихов других авторов, Ирина Юлиановна убедительно показывает, что социалистическая литература действительно родилась в красногвардейской куртке и красноармейской шинели. Этот образ сразу становится как бы физически ощутимым для всех сидящих в классе. А учительница приводит все новые и новые примеры, доказывая мысль: большинство советских поэтов старшего поколения, прежде чем стать певцами революции, были ее солдатами.

Пауза. На экране — кадры о начале Великой Отечественной войны. Звучит мелодия известной песни А. Александрова «Священная война». Учительница говорит: «Когда началась Великая Отечественная война против фашистских захватчиков, в ряды защитников Родины встали более тысячи человек из писательской организации. Восемнадцать из них были впоследствии удостоены высокого звания Героя Советского Союза. До трехсот писателей не вернулись с поля боя. Среди сотен тысяч солдатских могил есть и могилы поэтов — И. Уткина, Н. Отрады, Н. Майорова, М. Кульчицкого, П. Когана, Д. Алтаузена, В. Стрельченко и многих-многих других. Знаменитое изречение: «Когда говорят пушки, музы молчат» — утратило свое значение: во время войны стих был приравнен к штыку. Писатели, поэты жили единными интересами с Коммунистической партией, с борющимся народом и, по верному определению А. Суркова, чувствовали себя «окопными поэтами». Вся советская литерату-

ра, как справедливо заметил А. Толстой, была «голосом героической души народа».

Рассказывается о трудных днях вынужденного отступления, о мужественном сопротивлении вероломно напавшему врагу. Ученик читает стихотворение А. Ахматовой «Мужество». Ирина Юлиановна, прослушав его вместе с притихшим классом, говорит о том, что огромных человеческих усилий требовали и дни наступлений. К радости освобождения советских городов и сел примешивалась мучительная боль от картины невиданного разорения, злодеяний и зверств, которые оставляли фашисты на пути отступления с территории нашей страны.

Я слушал и замечал: ни одно слово учительницы не проходило без обостренного внимания учащихся. Когда она сказала, что в тяжелые военные годы люди рано выросли, рано сели, а потом прочитала стихотворение К. Симонова «Майор привез мальчишку на лафете», то после слов:

Отец был ранен и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.—

в классе пронесся глубокий вздох и кто-то произнес: «Это невозможно, какой ужас!». Общее напряжение усилилось, когда вслед за чтением Ирины Юлиановны стали передаваться в грамзаписи стихи А. Суркова «Человек склонился над водой».

Но вот грозные события войны — войны не на жизнь, а на смерть — подвинулись к небольшому пространству нашей Родины — к деревням и городам Смоленщины. Учительница напоминает, что через Смоленщину уже не раз пролегали дороги войны, но такого страшного опустошения наш край не переживал еще никогда. В сражениях на смоленской земле участвовали многие советские поэты и писатели. А. Твардовский, Н. Рыленков, М. Шолохов, Э. Казакевич, А. Фадеев, Ю. Друнина, С. Гудзенко, Н. Майоров, К. Симонов и другие запечатлели в своих произведениях дни военного лихолетья. Стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» звучит скорбным аккордом словам учительницы...

Чтобы несколько снять напряжение в классе, Ирина Юлиановна прерывает лекцию и предлагает беседу. В нее включены вопросы и по только что прослушанному стихотворению Симонова, и по содержанию лекции. Вскоре я убедился, что ребята очень хорошо представляют многообразие лирики военных лет и для них проводимый урок — главным образом средство систематизации материала. К моему удивлению, кто-то из ребят сумел даже сделать верное обобщение: «Итак, война дала лирическому герою то прозрение, к которому он шел долгие годы...»

Лекция продолжается. Ирина Юлиановна говорит о разгроме фашистских войск под Москвой, Сталинградом, о победах Красной Армии под Курском, на Днепре, в Белоруссии, на Украине. Наши

войска продолжают свой победный путь по странам Восточной Европы, неся им освобождение от фашистской неволи. И учительница показывает, как откликнулась на эти важнейшие события войны советская поэзия.

— Легендарное было в самой жизни советских людей, в жизни воинов Красной Армии, — подчеркивала учительница. — Отсюда легендарное шло в поэзию и шире — во все советское искусство. Лирику военных лет трудно разделить на политическую, философскую, любовную, другие традиционные тематические разновидности, так как каждое значительное произведение тех лет, как правило, представляло собой органическое единство всех этих направлений. Даже если стихотворение посвящалось какому-то конкретному лицу, оно воспринималось как адресованное всем.

И в классе по предложению Ирины Юлиановны, заметившей оживление учащихся, начинается обсуждение стихотворений. Речь пошла о стихах Симонова «Жди меня» и Суркова «В землянке», о произведениях других поэтов. Ребята, ссылаясь на источники, называли фамилии, кому были посвящены эти стихи.

Лекция подходит к концу. Учительница, привлекая знания учеников, называет основные мотивы и темы поэзии военных лет: это — Родина, война, смерть и бессмертие, ненависть к врагу, боевое братство и товарищество, любовь и верность, мечта о победе, раздумья о судьбах народа. В поэзии раскрываются интернациональные мотивы, всенародный характер войны, руководящая роль ленинской партии, освободительная миссия Красной Армии.

В классе читаются отрывки из стихотворений А. Межирова «Коммунисты, вперед!», С. Наровчатова «Солдаты свободы», строки из австрийских и югославских стихов С. Гудзенко. Читаются выразительно, и именно те места, которые убедительно подтверждают содержание лекции. Такое возможно лишь при очень хорошем знании учащимися не только текстов отдельных работ, но и содержания поэзии в целом.

В конце урока — снова беседа. Но она была не тем обычным закреплением изученного, когда учитель прилагает массу усилий, чтобы добиться от учеников хотя бы нескольких сносных ответов. Нет, это был разговор компетентных, заинтересованных собеседников, где активны обе стороны и каждая непременно выступает в двух ролях — и спрашивает и объясняет, вернее, высказывает свою точку зрения.

Беседа захватила весь класс. Прозвенел звонок, а ребята, поднявшись с мест и выходя на перемену, собирались группками и все еще что-то «разрешали». Потом я узнал от завуча, что каждый урок Ирины Юлиановны производит на учеников очень сильное впечатление. После встречи с учительницей литературы им всегда требуется длительное время, чтобы переключиться на новое. Поэтому-то занятия Ирины Юлиановны чаще всего ставятся в расписание либо перед большой переменой, либо в конце учебного дня...

Второй урок проходил в IX классе. Он был посвящен образу

Наташи Ростовой из романа Л. Толстого «Война и мир». До того как войти в класс, мы несколько минут поговорили с Ириной Юлиановной, и я узнал, что все ученики основательно прочитали произведение. Я шел в класс и думал, как начнется урок: много ли времени займет проверка выполнения домашнего задания, в какой форме это произойдет. Ведь это не обзорная лекция и не вводный урок, а занятие по определенному произведению, и уже не первое. Я предполагал самые разные варианты начала урока, но ни один из них не подтвердился.

— Вам нравится Наташа Ростова? — сразу же спросила учительница у девятиклассников, как только они сели за парты.

И пошел обстоятельный разговор, такой естественный и непринужденный, как будто он начат не сейчас, а задолго до этого урока, будто все это время и класс и учительница жили одной думой о судьбах героев Толстого. Учащиеся доказывали, спорили, вносили поправки, дополнения, причем с таким желанием, какое может быть лишь в разговоре на исключительно интересную, лично значимую тему.

А Ирина Юлиановна, и впрямь как волшебница, то сдержанно улыбаясь, то чуть-чуть нахмутив брови, незаметно руководила этим увлекательным диспутом, помогая своим ученикам полнее раскрыть далеко не простой образ героини романа.

Все шло слаженно, все были солидарны в оценке героини, как вдруг возникла неожиданная ситуация. Последнее выступление, принадлежавшее Климову Паше — ученику недостаточно активному, с трудом усваивающему курс, оказалось в явном противоречии с общим мнением класса и вызвало бурю возражений.

Едва Ирина Юлиановна, поблагодарив выступающих, перешла к своему обобщающему заключению, как до того молчавший Паша заявил:

— А все же зря столько похвал этой Наташе. Думаю, что и в романе она не должна была занимать такое место...

Это показалось грубым, недопустимым выпадом. Мальчики сразу же зашумели, девочки повернулись в сторону Паши, не скрывая своего негодования. Послышались выкрики:

— Что ж, может быть, опровергнешь Толстого?

— Вы только послушайте, как глубокомысленно заявляет: «Я думаю...» Что ему до всеобщего мнения о романе!

Я взглянул на учительницу и не сразу понял, что с ней происходит. Не обращая внимания на шум в классе, она как-то вся подалась в сторону Климова. Лицо ее светилось неподдельной радостью, будто человек нашел дорогой клад или сделал важное открытие. Ирина Юлиановна тихо прошла мимо рядов и стала у парты Паши. Затем, положив руку на плечо паренька, громко попросила:

— А теперь, пожалуйста, скажите, на чем же основано ваше возражение. Оно не лишено интереса, а может быть, и основания. Но почему вы так подумали?

Услышав вопрос учительницы и посмотрев ей в лицо, ребята тут

же успокоились. Как мне показалось, некоторые даже почувствовали себя неловко.

— Что ж, говорите, говорите, Паша, мы вас внимательно слушаем. Свое собственное мнение — это очень хорошо, — сказала Ирина Юлиановна, подбадривая смутившегося ученика. Он стоял рядом с учительницей смущенный, покрасневший, не рискуя пуститься в длинные рассуждения. Наконец Павел сказал:

— Лучшая героиня романа... А как же с этим: дала слово князю Андрею, тот уехал на войну, а она с Анатолем Курагиным... Непорядочно поступила — и все...

Наступила пауза. Никто не улыбался, но и не поднял руки, чтобы возразить Паше, дать свое, не столь прямолинейное толкование событиям в романе.

Ирина Юлиановна вернулась к столу.

— Что ж, подмечено неплохо... Паша прав, его довод со счетов не сбросишь. Теперь давайте вместе обсудим...

Снова стали говорить о Наташе. Одобряюще посматривая на Климова, учительница все чаще и чаще обращалась к нему, когда класс подходил к выводу о сложности образа, созданного великим писателем.

Заключительная часть урока была занята интереснейшим монологом Ирины Юлиановны. Ссылаясь на высказывания ребят, в том числе и на замечание Климова, она с особым увлечением говорила о Наташе Ростовой, о других персонажах эпопеи. Под влиянием рассказа учительницы и я и сидевшие рядом девятиклассники опять оказались в близком и дорогом нам мире героев Толстого.

Уходя из школы, я поблагодарил Ирину Юлиановну за урок. Она улыбнулась и сказала:

— Да, кое-что, видимо, получилось. Но больше всего я довольна Пашей Климовым. Знаете, как это приятно, когда ученик наконец-то проявляет желание самостоятельно оценить факты, размышляет, а не только заучивает готовое. Пусть это не совсем хорошо у него вышло, но зато самостоятельно. Школа должна способствовать развитию мышления учащихся, а нам, к сожалению, это не всегда удается.

Уже у самого выхода она добавила:

— А вы заметили, как Паша сам обрадовался своему смелому поступку? Это, пожалуй, первое выступление Паши, когда он решил дать самостоятельную оценку поступкам литературных героев. Поздновато, конечно, упущено многое, но все же...

Я подумал о том, как малейшее проявление самостоятельности ученика может вызвать у педагога такое хорошее настроение, и мне вспомнились все добрые слова об Ирине Юлиановне, которые я слышал от разных людей — и от педагогов и от учащихся. Эпизод с Климовым окончательно убедил меня в истинности этих слов.

Спустя год я снова встретился с Климовым, но уже не на уроке, а на вечере поэзии, посвященном творчеству С. Есенина. Это был заключительный вечер-отчет литературного кружка в конце учебно-

го года. Попасть в число выступающих на таком вечере считалось делом не простым и весьма ответственным: кружок приобрел большую популярность не только в школе, но и среди литературной общественности города. На такие вечера-отчеты приезжали и бывшие выпускники школы, например: Маргарита Волкова, окончившая после средней школы Строгановское художественное училище, Леонид Ширяев, ставший научным сотрудником столичного исследовательского института языка, и другие.

И вот на таком вечере Павел Климов выступает с «Балладой о двадцати шести» Есенина. Он с успехом прочел наизусть это большое произведение, прочел прочувствованно, с глубоким пониманием каждой строчки и не без должного умения держаться на сцене. Зал слушал Климова затаив дыхание, а после чтения наградил его бурной овацией.

Видимо, та чуткость и человечность Ирины Юлиановны, которые мне пришлось наблюдать на уроке по роману «Война и мир», сыграли свою положительную роль: они окрылили юношу, вызвали и укрепили в нем веру в свои силы.

Для отношения учащихся к Ирине Юлиановне — и когда она работала в общеобразовательных школах, и когда перешла в педагогическое училище, где так важна организация языковой подготовки будущих учителей, — всегда была характерна непоколебимая вера в неограниченные знания их педагога, в ее широкую эрудицию. Все ученики Ирины Юлиановны убеждены, что никто так не знает учебного предмета и никто так тонко не чувствует каждое слово писателя, каждое произведение литературы, как она. Ее искусство рассказывать биографии писателей нередко вызывало удивление: как мог педагог знать такое множество сведений о литераторе без личного знакомства с ним?

В одном сочинении на тему «Мой идеал учителя», принадлежащем студентке литфака Смоленского пединститута, бывшей выпускнице Ирины Юлиановны, я прочитал следующее: «Однажды Ирина Юлиановна рассказывала нам о Бальзаке и так хорошо обрисовала его глаза, что мне и теперь не верится, что она не видела этого человека...»

У Ирины Юлиановны в каждом классе ведется серьезная краеведческая работа. Ее питомцы с первых дней включаются в поиск. Учительница ставит перед всеми непереносимое условие — больше инициативы, больше беспокойства. Они должны хорошо знать литературную карту Смоленщины, живо интересоваться всем новым в культурной жизни страны, в том числе в деятельности местной писательской организации. У учащихся Ирины Юлиановны можно получить интересные сведения о творчестве самодеятельных поэтов и прозаиков, о достижениях многих литературных объединений городов и отдельных производственных коллективов, о любителях книг.

Ирина Юлиановна сделала правилом в краеведческой работе школьников: если ты взялся за дело, то трудись как следует, без

«раскачек» и вечных напоминаний педагога. И ребята хорошо усвоили это правило.

Однажды произошел такой случай. Закончив очередной урок, Ирина Юлиановна вдруг спросила у ребят:

— Да, минуточку, вы не слыхали, долго ли еще пробудет в Смоленске Пропалов?

— Кто? Кто?..

— Пропалов. Я правильно произнесла фамилию этого замечательного человека...

И ни слова больше. Ирина Юлиановна повернулась к двери и быстро вышла.

Ребята пожимали плечами: кто такой Пропалов? Пробовали спрашивать у других учителей, у учащихся старших классов, — никто не знает.

В конце занятий ребята вновь обратились к Ирине Юлиановне и спросили ее, кто же этот никому неизвестный человек.

— Что же это такое? Не знать настоящих любителей поэзии, которые отдают все свое свободное время любимому увлечению, мало чести для вас, мои юные краеведы, — сказала учительница. — Такие люди живут не только в столице, но и в обычных городах, как, например, наша Вязьма... Кстати, кто у нас закреплен за Вязьмой? — Потом улыбнулась и предложила: — Ладно, не будем терять времени. Собирайтесь, сегодня же пойдем на встречу с Пропаловым.

И уже в пути, рассказав вкратце о собирателе материалов, связанных с жизнью и литературной деятельностью великого русского поэта С. А. Есенина, она заметила:

— Если любишь литературу, то всегда нужно стремиться знать ее основательно. Нужно знать и людей, помогающих полнее представить литературный процесс во всей его сложности и многообразии.

Оказалось, что по приглашению библиотеки педагогического института в Смоленске вот уже второй день находится книголюб из Вязьмы Павел Никифорович Пропалов. Слесарь по профессии, он около двадцати лет имеет и другое постоянное занятие, по призванию — библиофил. Собиратель он серьезный. Ему важно не только найти экспонат, но и узнать о нем как можно больше. Главное увлечение П. Н. Пропалова — произведения Сергея Александровича Есенина. В его Есениниане двадцать три прижизненных сборника поэта, коллективные сборники, в которых участвовал Есенин, литературоведческие работы и воспоминания о поэте. Подобраны материалы «Есенин в музыке», «Есенин в экслибрисе». Все эти богатства Пропалов не раз представлял на книжных выставках в городах Смоленщины — Вязьме, Гагарине, а теперь в Смоленске. Почетным гостем одной из выставок Пропалова в Вязьме был сын поэта — Константин Сергеевич Есенин, высоко оценивший деятельность Павла Никифоровича.

На встречу с этим интересным человеком и повела своих питомцев Ирина Юлиановна.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов еще об одной важной форме работы учительницы с учащимися — о ее руководстве просмотром телевизионных передач вне учебного заведения. Ирина Юлиановна обязательно найдет возможность обратить внимание ребят на интересное в программе, посоветует, заинтригует.

— Будете смотреть фильм «Война и мир», не пропустите, пожалуйста, игру артиста Лобана,— рекомендует она на перемене после своего урока.— Знаете этого артиста?

В классе молчание.

— А кого он играет?..

— Волка...

Недоумение в классе: артист играет волка.

Учительница тут же рассказывает о судьбе волка Лобана и о его дрессировщике...

— Я не раз проверяла,— рассказывала мне Ирина Юлиановна,— и еще не было случая, чтобы дети пропустили интересную телепередачу. Какая у них наблюдательность, чуткость к слову! По телевидению демонстрировался фильм «Хождение по мукам». Прихожу на следующий день в класс и задаю не простой вопрос: «Что вчера сделала Алферова?» — Сначала молчание. Потом наиболее догадливые и чуткие к слову отвечают, улыбаясь: «Она сказала *шинэль*...»

Об учительнице Ирине Юлиановне говорят с благодарностью. Ей постоянно пишут. И те, кто вчера окончил школу, и те, кто учился у нее давным-давно.

Счастливая судьба...

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ

Никакие труды по педагогике не передают, да и не могут передать, огромного богатства, которым располагает живой учительский опыт. Это относится и к характеристике личности учителя, и к проявлениям его способностей, к самой творческой деятельности, связанной со сложной задачей обучения и воспитания молодого поколения. Деятельность учителя и неисчислимое множество нужных для нее профессиональных и душевных качеств в рамки профессиографии не вместить.

В моей книге рассказывается лишь о некоторых школах Смоленщины. Их представлено здесь менее десятка из нескольких сотен, работающих в области. И я не рискну утверждать, что мне удалось запечатлеть на этих страницах все богатство жизни названных выше учебных заведений.

Я перелистываю свои записные книжки и по отдельным, подчас скудным заметкам воспроизвожу конкретную обстановку в разные школьные дни и часы, вспоминаю многих людей, с которыми были связаны годы совместной работы. Большинство моих коллег — это *настоящие* учителя. Они всегда были готовы отдать и отдавали не задумываясь все свои силы выполнению *профессионального долга*, трудились *самоотверженно, с увлечением*.

Эти люди достойны того, чтобы их знали, чтобы о них помнили. Их опыт общения с детьми, их личные качества во многом могут дополнить сказанное в этой книге об учителе.

Расскажу лишь о некоторых педагогах, прибегая к самому строгому отбору двух-трех фактов из их интересной, поистине *подвижнической* жизни...

Из районного отдела народного образования, где мне выдали приказ о назначении директором школы, я вышел уже к вечеру и, не задерживаясь в поселке, направился к месту своей новой работы. До деревни Кобылкино было не менее двенадцати километров. Попутных автомашин или подвод не оказалось. Поэтому у школьных дверей меня встретил лишь один сторож.

Стояла на редкость темная августовская ночь. Не желая кого-либо беспокоить в такую позднюю пору, я попросил у словоохотливого старика разрешения переночевать в учительской или в одной из классных комнат. Когда мы вошли в коридор, я понял, что в школе кто-то есть: из полуоткрытой двери доносились голоса. Я спросил об этом сторожа.

— Да это же Ольга Родионовна! Она, считай, почти месяц тут работает. Засиживается допоздна. И шефы ей помогают, те, кого она учила раньше,— ответил сторож, как бы оправдываясь. Потом добавил: — Все заботится о своем классе: и красит, и рисует, и выставки оформляет. Уж половину отпуска провела здесь... Зато и класс у нее на загляденье! Может, зайдете посмотреть?

Я не стал мешать Ольге Родионовне и начал устроиваться на ночлег в отведенной для меня учительской.

На следующий день уже с самого утра Ольга Родионовна была в школе. Когда я зашел в ее класс, она с группой мальчиков и девочек лет четырнадцати занималась разлиновкой классной доски. Комната была празднично убрана плакатами, рисунками и со вкусом обставлена учебной мебелью.

Мы познакомились. Ольга Родионовна смутилась. Лицо ее с мелкими веснушками заметно покраснело. Будто оправдываясь, она сразу стала объяснять причину своего раннего посещения школы.

— У меня ведь в этом году новое пополнение, самые маленькие ученики,— говорила Ольга Родионовна.— Для них здесь все будет впервые. И нужно, чтобы каждому понравилось в классе, чтобы надолго остались самые хорошие впечатления о школе...

Я напомнил ей об отпуске, сказал, что нужно хорошо отдохнуть: ведь наступающий учебный год потребует от всех нас много сил. Она горячо заверила меня, что работа в классе во время отпуска не нарушает ее отдыха: работа нетрудная, интересная, вроде как развлечение. Потом добавила, смутившись:

— Да и многое я не успела сделать до каникул, чтобы подготовиться к встрече с ребятами. А когда что-то не так, разве сможешь отдыхать и сидеть дома сложа руки?

«Когда что-то не так...» Сколько раз слышал я эти слова от Ольги Родионовны Куртовой, работая с ней в одной школе! Беспокойный, заботливый и очень требовательный к себе человек, она находила новые и новые дела, связанные с обучением и воспитанием детей, с организацией их труда и досуга.

У нее, как правило, все ребята хорошо занимались, никто не получал замечаний ни в учебное, ни во внеурочное время. Более того, об опыте Ольги Родионовны знали учительские коллективы района, а она по-прежнему была чем-то недовольна в своей работе и, будто соревнуясь с кем-то, добровольно брала на себя то одно, то другое обязательство — словом, постоянно находила, что в классе «что-то не так»...

Многие из этих обязательств Ольги Родионовны приобретали значение общешкольных начинаний, становились частью работы каждого педагога. Расскажу о некоторых из этих начинаний.

В младшие классы нашей десятилетки ходили дети из восьми небольших деревень в радиусе от одного до трех километров. Как лучше организовать их внешкольный досуг, особенно в выходные дни и каникулы? Начав с установления шефства старшеклас-

сников — своих бывших учеников — над детьми младшего школьного возраста в каждом населенном пункте, Ольга Родионова очень быстро пришла к мысли о создании *разновозрастных отрядов*. С ее легкой руки эти отряды у нас прижились, и работа с ними — и по месту жительства учащихся и во внеучебное время в школе — надолго увлекла весь наш учительский коллектив.

Известно, что самое значительное в школьной практике страны, прежде чем стать общеизвестным фактом, освещенным педагогической теорией, рождается из отдельных попыток лучших, творчески работающих учителей. В истоке любого большого школьного движения находится забота отдельных учителей о совершенствовании своей повседневной деятельности, их стремление добиться лучших результатов в обучении и воспитании детей. Это относится и к одному из начинаний Ольги Родионовны — к ее удачной попытке *продлить* влияние школы на учащихся, когда заканчиваются классные занятия.

В пятидесятые годы еще не вошло в обиход школьной жизни ныне широко известное понятие «режим продленного дня». О нем не писалось ни в педагогических изданиях, ни в периодической печати. А Ольга Родионова уже тогда имела сложившуюся группу детей, с которыми успешно занималась всю вторую половину дня, и здесь постоянно поддерживался примерно такой же распорядок, какой встречаем мы теперь в самых хороших школах страны.

Группа организованно обедала, отдыхала, совместно готовилась к урокам на следующий день, и лишь потом дети расходились по домам. Все у Ольги Родионовны проводилось четко, продуманно, как этого требуют нынешние инструкции, с той лишь разницей, что тогда еще не было никаких установленных свыше инструкций, как и не было никакого дополнительного штата педагогов для работы с этой группой детей. Была одна учительница да несколько шефов-старшекласников, добровольно согласившихся помогать своей бывшей наставнице. Инструкцию заменяли заботы Ольги Родионовны о своих воспитанниках, ее постоянное стремление сделать каждый их день интересным и содержательным.

Началось с практического решения очередного «что-то не так»: нужно было упорядочить послеурочное время пяти-шести малышей, чьи родители приходили домой с колхозной работы лишь к вечеру, а других старших в семьях не было. По этой причине у ребят не все ладилось с выполнением домашних заданий, да и отдыха настоящего не получалось. Ольга Родионова стала оставаться после уроков с этими детьми, предварительно договорившись с родительским комитетом и школьной администрацией о дополнительном питании в школьном буфете.

Вскоре занятия учительницы в послеурочное время привлекли внимание и тех школьников, у которых не было недостатка в домашнем контроле. Группа быстро росла, и через полгода в нее

входили чуть ли не все учащиеся Куртовой. Затем такие же группы стали появляться и в других классах нашей школы.

С ростом группы росли и заботы Ольги Родионовны, но, казалось, она была этому рада. Успехи ее питомцев на уроках оправдывали огромную затрату сил педагога на работу с детьми, на работу *добровольную и бескорыстную...*

Недавно я встретил одного из бывших учеников Ольги Родионовны, которому теперь далеко за тридцать. Он преподаватель высшей школы. Мы сразу же заговорили о педагогике, о применении ее законов в деятельности средней школы и вуза. Не преминув похвалиться учителями своих детей — учащихся младших классов, он тут же заметил: «Эти педагоги, пожалуй, во многом похожи на мою первую учительницу, Ольгу Родионовну. А такие остаются в памяти и в сердце на всю жизнь!»

Много хороших педагогов встретилось мне и в Сафоновской комплексной экспериментальной школе-интернате. О некоторых из них я уже рассказал в этой книге. Хочу поделиться своими добрыми воспоминаниями и о других товарищах, и прежде всего о Степаниде Григорьевне Костоянской, с которой сотрудничал около десяти лет как директор этой школы.

Было это в первый год нашей работы. Степанида Григорьевна приняла II класс. Кое-кто из коллег сомневался, сможет ли она, человек со слабым здоровьем, добиться положительных результатов с таким составом учащихся. Чуть ли не половину детей можно было сразу же перевести классом ниже — настолько слабой оказалась подготовка этих ребят. Но учительница стала работать, и никто не слышал, чтобы она жаловалась на трудности, никто не замечал, чтобы она нервничала, суетилась, теряла надежду.

— Да, есть ребята с очень слабой подготовкой. Многое позабыли за лето, так бывает, — отвечала она на вопросы товарищей. — Трудно? А разве учителю когда-нибудь бывает легко? Видимо, и вам не легче. Думаю, что все поправится, ребята сумеют подтянуться...

Степанида Григорьевна приходила в школу-интернат не к звонку на урок, а к утреннему подъему детей. Ей хотелось понаблюдать за тем, как ведет себя каждый ребенок, как он выполняет свои несложные дела до начала занятий. Она не подменяла воспитателей, видела, что и без нее все идет неплохо: дети, окруженные вниманием, быстро осваиваются с новой обстановкой. И все-таки не зайти в спальни и столовую интерната учительница не могла.

— Как отдыхали? Никто не заболел? А почему у тебя, Галя, невеселый вид? Кто же это у нас сегодня дежурит? Ну, хорошо, до встречи в классе! — говорила учительница детям.

Степанида Григорьевна интересовалась всем в жизни своих питомцев. Одного ободрит, другого приласкает, третьему поправит одежду.

Придя в учебный корпус, она внимательно осматривала клас-

сную комнату, пытаюсь всякий раз что-то изменить в ее обстановке. Ей хотелось, чтобы дети, придя на урок, порадовались чему-то новому, необычному, чтобы классное помещение с каждым днем все больше привлекало их. За несколько минут до прихода детей учительница оставляла класс и направлялась в методический кабинет, чтобы встретиться с молодыми коллегами, посмотреть их планы, побеседовать.

Со вторым звонком Степанида Григорьевна открывала дверь своего класса. На ее лице всегда светилась добрая, приветливая улыбка. С первой и до последней минуты урок проходил спокойно, будто у Степаниды Григорьевны никогда не было повода для недовольства, будто все у нее ладилось. А ведь первые результаты не могли порадовать учительницу: до половины учащихся не справлялись с домашними заданиями ни по письму, ни по чтению, ни по арифметике. Вот и сегодня у Вити опять задача не получается, не умеет он и самого простого при чтении текста учебника. Только вчера после уроков Степанида Григорьевна так упорно занималась с ним, все повторили. Но прошла ночь, и Витя забыл, как решать самые простые примеры, как из слогов складывать слова...

Но можно ли сердиться на ребенка? И если была кем-то недовольна Степанида Григорьевна, то только собой: видимо, что-то не так сделала, где-то допустила ошибку, не смогла подойти к мальчику. И чем труднее давался самый малый успех, тем требовательнее становилась она к себе. Все свои знания учительница отдавала тому, чтобы пробудить дремлющие силы своих питомцев, воспитать желание учиться, понимать, усваивать.

Какие только средства и методы она не применяла! И увлекательные игры, и киноуроки, и конкурсы, и «путешествия» в мир знаний. А когда началась самостоятельная работа школьников, то у каждого было индивидуальное задание, подготовленное по его силам и возможностям.

Никто из учеников Степаниды Григорьевны не уходил с урока с плохим настроением: каждый непременно что-то сделал такое, за что учительница *похвалила* его, сказала ему доброе слово. Для ребенка, который еще вчера не знал и не умел простейшего, а сегодня смог сделать что-то самостоятельно, одобрение учителя так важно! Тогда ребенок лучше отдыхает, охотнее берется за новое дело.

По окончании уроков дети шли на прогулку, на обед. Затем, после небольшого отдыха, возвращались в рабочую комнату, чтобы выполнить домашнее задание. Оно невелико, на 30—40 минут, так как основная часть работы сделана на уроке. Но учащимся все же предстоит напрячь свои силы, поупражняться, это необходимо.

Забежав на часок домой, Степанида Григорьевна возвращается к детям. Она уже встречалась с воспитателями, рассказала им, кто из ребят был недостаточно активен, кому нужно помочь

и в чем. Ее товарищи по группе — хорошо подготовленные педагоги, чуткие и внимательные. Дети их любят, и не следует волноваться: каждому малышу будет оказана необходимая помощь.

Тем не менее Степанида Григорьевна идет в класс, садится рядом то с Витей, то с Саней. Бывает и так, что с некоторыми надо уединиться, выйти в коридор, прогуляться, пригласить к себе домой, поговорить по душам.

И так — почти всю вторую половину дня, хотя формально она не имеет уже никаких служебных обязанностей. Вместе с воспитателями Степанида Григорьевна и на участке, и в мастерских, и на занятиях кружков. Часто по вечерам она ходит к родителям своих питомцев — в город Сафоново, в соседние села. Многие нужно выяснить: ведь кто больше знает о ребенке, чем отец, мать, бабушка, дедушка. Не случайно учительница так хорошо знает каждого ученика!

Степанида Григорьевна любит побеседовать с начинающими учителями, помочь им в подготовке к урокам, подобрать литературу. Она руководит методическим объединением учителей начальных классов и не ограничивается проведением плановых встреч с коллегами. Жизнь, работа с детьми ежедневно и ежечасно выдвигают новые и новые вопросы, и решать их нужно умело и своевременно.

Поздний вечер. Дети — ученики Степаниды Григорьевны — давно спят. В городке воцарилась тишина, а в окне учительницы еще долго будет гореть свет. Сколько нужно прочитать методической литературы, написать поурочные планы, приготовить дидактический материал. Бывало так, что когда-то вот этот прием казался самой удачной находкой, а в новом классе он не дает желаемого результата. Непростое дело учить детей, тем более таких, кто запустил свою учебу, отстал в развитии. Тут никаких стандартов быть не может. Дело имеешь с живым, быстро развивающимся человечком, с неповторимой личностью. К каждому требуется особый подход, для каждого — своя методика. И Степанида Григорьевна думает, анализирует, планирует.

В первый же год работы в школе-интернате она изготовила до сотни разнообразных пособий. У нее большой набор всевозможных карточек для дидактических игр по грамматике и счету. Целый кабинет занимают ее самодельные пособия, ими пользуются вся начальная школа, воспитатели, пионерский актив.

Сане Савенкову и Володе Хотулеву никак не давалось деление. Учительница придумала для них специальную игру — красочно оформленное арифметическое домино. Разучив новую игру со всем классом и убедившись, что она понравилась детям, Степанида Григорьевна поручает самому сильному «математику» класса Чебатюку Олегу несколько вечеров поиграть с Саней и Володей. И результаты не замедлили сказаться.

— Для ребят младшего школьного возраста, — говорит С. Г. Костянская, — особенно важно, чтобы работа по любому учебному

предмету была *занимательной*, чтобы урок и внеклассные занятия вызвали неподдельный интерес. Необходимо вносить в любое дело элементы игры, так как игра помогает лучше усвоить самое трудное, малодоступное.

Степаниду Григорьевну внимательно слушают и начинающие, и опытные педагоги. Они хорошо знают, что у этой труженицы слова всегда связаны с делами, с повседневной кропотливой работой.

Наступает выходной день, а Степанида Григорьевна обязательно найдет себе занятие в интернате. Чаще всего она встречается с ребятами, которые остались в городке, не уехали домой к родителям, или с теми, у кого нет родителей. И тогда они вместе совершают небольшую экскурсию или идут в кинотеатр, в Дом пионеров. Уже в первый год жизни в школе-интернате ее ученики познакомились с предприятиями города, с окрестными селами, подружались с рабочими совхоза, даже выступали перед ними с концертом художественной самодеятельности.

Заканчивался первый учебный год в школе-интернате. Судьба II класса, который вела Степанида Григорьевна, волновала весь учительский коллектив. Мы верили в силы учительницы, видели ее работу. Но сумеет ли она перевести в III класс всех учеников?

На педагогическом совете Степанида Григорьевна рассказала о положении в классе к концу учебного года.

— Последняя проверочная работа меня, правда, не очень порадовала: у некоторых детей пока еще слабые знания. Но все же я думаю, что давать официальные задания на лето никому из ребят не следует. Лето большое, пусть дети отдохнут, а я еще успею позаниматься со слабоуспевающими. Весь год они очень старались, и нельзя их противопоставлять всему коллективу. К тому же самое трудное уже позади. Прошу перевести всех в III класс...

Каждый день жизни Степаниды Григорьевны — большой напряженный труд, постоянные поиски нового. Смотришь на нее и диву даешься: откуда столько сил и энергии, откуда такое упорство? Ответ, видимо, прост: источник ее поистине неиссякаемых сил в любви, *в большой любви к детям...*

Когда я думаю о назначении учителя в современной школе, о требованиях, которые предъявляются к его знаниям, умениям, нравственному облику, невольно вспоминаю еще двух моих коллег по Сафоновской школе-интернату.

Первый из них — Владимир Семенович Селиванов — учитель биологии и агроном школьного хозяйства. Не стану много говорить о проводимых им уроках биологии и сельского хозяйства — они были совершенны в полном смысле этого слова. Отмечу только, что с приходом в наш коллектив учителя Селиванова сразу же поднялся авторитет биологических дисциплин.

Большой интерес к биологическим дисциплинам проявляли

не только старшекласники, которым преподавал новый учитель. Заметно улучшилось отношение к естествознанию и к сельскохозяйственному труду и у ребят пятых-шестых классов. То ли эти ученики начинали яснее представлять себе то время, когда перейдут в классы к Владимиру Семеновичу, то ли просто из уважения к авторитетному учителю, но с некоторых пор они все чаще и чаще заходили на занятия в кружки старшекласников, рассматривали новые экспозиции в кабинете биологии или просто стояли рядом, когда в теплице и на школьном участке кружковцы занимались опытниством.

По виду школьного учебного кабинета биологии и учебно-опытного участка сразу можно заключить, каков учитель-биолог. Я знаю немало хороших учебных кабинетов, видел неплохие теплицы. Ими обычно по праву гордятся руководители школ и преподаватели. Но стоит только посетителям покинуть кабинет или теплицу, как они немедленно закрываются на замок.

У Владимира Семеновича такого не бывало. Его кабинет биологии и сельского хозяйства, а также теплица, всегда действующая и полная множества соблазнов (овощей, цветов и т. п.), целыми днями оставались открытыми, двери закрывались только вечером, когда детский городок отходил ко сну. И за все время совместной работы с Селивановым я ни разу не слышал от него ни одной жалобы на ребят: все у него было в порядке, никто ничего не уносил, не ломал, не портил.

В чем же причина такого благополучия, такой полной сохранности и кабинета и теплицы? Я много думал об этом и пришел к выводу, что все объясняется личностью самого учителя биологии. Его трудолюбие, увлеченность работой, нескрываемый интерес к ней, его умение поговорить по душам с каждым ребенком, строгость и доброта покоряли любого ученика. Очень скоро здесь устанавливалось полнейшее доверие, основанное на непреходящем взаимном уважении сторон.

Работа Владимира Семеновича в учебном кабинете, теплице, на делянках опытного участка или на полях большого школьного хозяйства была связана с *применением достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта*. И ребята об этом знали, хотя Владимир Семенович, будучи очень скромным и даже несколько замкнутым человеком, им об этом прямо не говорил. Но воспитанники понимали, зачем совершает свои поездки в Москву и Ленинград их учитель, почему он посещает там библиотеки и научно-исследовательские институты, и гордились своим биологом.

Дети — не только романтики, они любят все серьезное и основательное. Они с уважением относятся к любому делу, если оно стоящее, если чувствуют, что в это дело не играют, а ведут его по-настоящему, с увлечением и полной ответственностью. Дело Владимира Семеновича было у всех на виду и приносило удовлетворение каждому. Оно не только помогало приобретению очень

нужных знаний и умений, но и превращало процесс обучения в исключительно интересное занятие. Сказывалось оно и на ежедневном столе ребят: почти круглый год свежие огурцы, лук, редиска, помидоры и т. д. Ребята видели своего учителя за этим нужным и полезным делом и платили ему своей привязанностью и уважением.

Видимо, все это и объясняло отношение учащихся к любому поручению Владимира Семеновича, при этом *всех учащихся* — и тех, кого он учил в своих классах, и тех, кто приходил к нему только из любопытства и пока не изучал его предметов.

Павел Трофимович Лукашов — учитель физики из школы-интерната — работал в старших классах и был прекрасным педагогом-воспитателем.

Если кратко характеризовать Павла Трофимовича как учителя-физика, то прежде всего — это всесторонне образованный инженер, отлично владеющий технологией школьного дела. П. Т. Лукашов, успешно окончивший педагогический институт в Ленинграде, настолько хорошо знал технику, что свободно разбирался в сложнейшем оборудовании крупных промышленных предприятий разного профиля. Это давало себя знать и на уроках, и во время экскурсий. И не случайно с Павлом Трофимовичем вскоре стали встречаться и беседовать ведущие специалисты местных предприятий — инженеры, техники, технологи.

Павел Трофимович обладал редким умением делать различные технические приспособления, учебное оборудование и т. п. Недалом ученики окрестили его «Левшой», и было за что.

Как и В. С. Селиванов, Павел Трофимович в короткий срок значительно оснастил техникой учебный процесс. С помощью учеников он создал самый лучший в области кабинет физики, в котором уже в начале перехода на кабинетную систему обучения были представлены автоматически включающиеся технические средства, при этом многие устройства сконструировал сам учитель. Благодаря ему в школе-интернате появились кабинеты электротехники, машиноведения и технического творчества. Учитель физики добился того, что в какие-то полтора-два месяца были подготовлены столярная и слесарная мастерские, цех швейного дела, кабинет домоводства, и все они располагали первоклассным оборудованием, десятками самых разных приспособлений, облегчающих работу учеников средних и старших классов. Павел Трофимович сам устанавливал и налаживал станки, машины и другое оборудование, сам инструктировал тогда еще недостаточно подготовленных учителей трудового обучения, сам разрабатывал чертежи-задания учащимся для изготовления той или иной детали. И все это безвозмездно, без какой-либо дополнительной оплаты...

Павел Трофимович считал, что учитель должен учить и предмету, и тому, как применять полученные знания, и не только в лаборатории учебного кабинета, но и в самой жизни.

Работу с разным оборудованием — будь то подготовка учеб-

ного кабинета или мастерских — он считал тоже своей обязанностью, обязанностью как учителя.

Я как-то случайно услышал часть довольно резкого разговора, который проходил у Лукашова с физиком средних классов и двумя учителями труда.

— Хорошо же о нас подумают ученики,— говорил Павел Трофимович,— если увидят такую картину: столы в учебных кабинетах подключаются к электросети посторонними дядями, станки в мастерских устанавливают тоже люди со стороны. А учителя что, не умеют? Или не хотят? А может, у них только одна обязанность — прийти на готовое, продекламировать урок, осторожно дотрагиваясь до приборов?!

С Павлом Трофимовичем связано многое в жизни школы. Ему мы обязаны, например, тем, что у нас ежегодно проводился широкий показ *достижений детского технического творчества*, традиционной обязанностью всех учащихся стало *овладение сельскохозяйственной техникой*. Каждый старшеклассник считал своим долгом уметь водить трактор, автомобиль и мотоцикл, а когда начиналась сельскохозяйственная страда, работал или на тракторе, или на комбайне. Знать машины, при этом как можно больше их видов и марок,— это превратилось в своего рода моду в нашем ученическом коллективе. И все из-за Павла Трофимовича, в подражание ему: ведь это он, учитель физики, не раз показывал настоящее мастерство и в вождении машин, и при их ремонте, это он днями просиживал в кабине трактора или комбайна, работая на школьном поле.

Нельзя забыть и такого события в жизни нашего городка, как создание Павлом Трофимовичем «школьной флотилии».

Он любил мечтать и умел добиваться, чтобы мечта непременно осуществлялась. Как-то он и его многочисленные помощники прочитали в молодежном журнале о многодневном путешествии ленинградских старшеклассников по рекам и озерам Северного края. Путешествие было осуществлено на нескольких плотках и доставило большое удовольствие. Наши ребята загорелись желанием предпринять что-то похожее, и тут же появился план — подготовить и провести длительную экскурсию по всему Днепру, от истока до впадения в море, только не на плотках, а на хороших лодках, для которых не страшно и само Черное море.

Мечта захватила воспитанников. И работа закипела! Всю осень и зиму, используя вечера, выходные дни и каникулы, ребята вместе с Павлом Трофимовичем мастерили лодки, сконструировав каждую из них по тщательно рассчитанному чертежу. И вот появилась школьная «флотилия» в составе пяти больших лодок во главе с «флагманским судном» — красивой металлической лодкой. Все лодки были оснащены веслами, парусами, а также подвесными моторами.

Можно себе представить, чем было для всех нас само путешествие по Днепру более двух десятков ребят — лучших мастеров-техников под руководством Павла Трофимовича!

Увлеченность педагогической работой, трудолюбие, внимательное отношение к детям всегда приносят хорошие результаты. Анализируя опыт учительницы начальных классов 23-й восьмилетней школы Смоленска Александры Михайловны Дмитриевой, мы находим ряд уникальных особенностей. Часто ли учителя начальных классов добиваются таких постоянных показателей, как ежегодная полная и высокая успеваемость и всегда самое прилежное отношение учеников к учебе и труду? И такие показатели — в течение тридцати лет работы — у Александры Михайловны!

Пример обычно удивляет многих, а кое-кого и настораживает. И всегда учительнице задают вопросы: «Каковы методы вашей работы? Что нового вносится в методику уроков?»

Вопросы, разумеется, очень важные. Методика — неперемнное условие успеха во всякой серьезной работе, и в педагогической практике ей принадлежит исключительная роль. Но ответить на такие вопросы Александре Михайловне нелегко: не сразу отличишь новизну в сложной структуре учебного процесса, а любой метод можно использовать по-разному. Известно, например, что такой традиционный метод, как рассказ учителя, может вызвать активнейшую работу воображения и мысли, а может породить апатию, даже ввергнуть слушателей в сон.

И все же Александра Михайловна называет особо важные методические положения, которыми она руководствуется на каждом уроке.

Прежде всего, это стремление *несколько опередить* учебную программу по срокам работы, или работа по принципу перспективного обучения. Например, программой I класса предусмотрено начать изучение материала о безударных гласных во втором полугодии, в порядке некоторого знакомства. А Александра Михайловна приступает к безударным в букварный период обучения, и ее питомцы уже в I классе знают до сорока слов с безударными. Или по математике: учительница отрабатывает со II классом нумерацию, сложение и вычитание в пределах миллиона (на базе состава числа в пределах сотни), а счет в пределах ста доводится до автоматизма. И это становится основой дальнейших успехов в обучении.

Второе положение — практическая направленность обучения, его *связь с жизнью*. На уроках по каждому предмету учительница находит возможность расширять представление ребят о жизни взрослых — знакомых и незнакомых. У Александры Михайловны давно стало правилом совершать с детьми «путешествия» в Страну труда. Труд советских людей, его результаты составляют содержание многих математических задач, которые решаются учениками ее классов. На всех уроках используется карта трудовой деятельности, на которой в картинках отражаются основные виды работ соседнего предприятия и ближайших совхозов.

И третье направление — *связь обучения с воспитанием*, пре-

вращение их в единый процесс. Ученики Александры Михайловны рассказывают и пишут небольшие сочинения о городе Смоленске, о его прошлом и настоящем, постоянно интересуются новыми стройками, а главное, хорошо знают лучших людей Смоленска, понимают, за что они окружены всеобщим уважением. Учительница использует на уроках разнообразный материал областных газет, часто устраивает встречи своих учеников с известными смолянами; обязательными стали экскурсии по родному краю.

Александрю Михайловну особенно интересует, как развиваются ее питомцы *нравственно*, как они смотрят на окружающую жизнь и думают о своем месте в этой жизни. На уроках и во внеурочное время учительница проводит беседы, создает необходимые педагогические ситуации, чтобы выяснить, как формируются у каждого ребенка представления о доброте, о труде, о долге, о дружбе, о взаимной помощи в учебе и общественных делах.

Для Александры Михайловны характерно стремление выделить для себя главное, основное в каждом учебном предмете, в каждой теме и на каждом уроке. Кроме того, это привычка регулярно заниматься самоанализом. Уже много лет она тщательно анализирует каждый урок: все ли сделано из того, что намечалось? Что упущено и почему? Что не получилось? В центре такого анализа — вопросы развития у детей познавательных сил, интереса к учению, воспитания умений учиться самостоятельно, преодолевать трудности.

И все же главная причина успехов Александры Михайловны — *это ее отношение к работе, ее отношение к детям*. Но об этом как-то не принято говорить в беседах с коллегами, которые пришли на уроки, чтобы послушать, посмотреть. Некоторым посетителям кажется, что все в «наборе» методов и приемов, а остальное — само собой разумеющееся. Если бы это было так!

Подлинный гуманизм, чуткое отношение к каждому ребенку, каждодневные хлопоты о своих питомцах — из всего этого и состоит учительская жизнь Александры Михайловны Дмитриевой...

СЛУШАЯ ЛЕКЦИИ СКАТКИНА...

Я счастлив, что за годы своей жизни имел возможность встретиться не только с трудолюбивыми, талантливыми учителями-практиками, но и с большими учеными-педагогами, психологами, философами, представителями других наук. Каждый из них достоин слов благодарности за самоотверженное служение делу народного образования.

Особо мне хотелось рассказать о профессоре, члене-корреспонденте Академии педагогических наук СССР Михаиле Николаевиче Скаткине.

Я не раз присутствовал на его лекциях. Слушал и восхищался. С какой исчерпывающей убедительностью говорил Михаил Николаевич о сложнейших вопросах коммунистического воспитания, о проблемах советской педагогики и путях совершенствования учебно-воспитательного процесса, о политехнизме и его роли в условиях научно-технической революции, о задачах общеобразовательной школы и перспективах ее развития как важнейшего института всестороннего и гармонического развития личности, об учителе, о требованиях к нему в настоящее время и в будущем, о педагогических вузах и их высокой ответственности за подготовку учителя социалистической школы.

Я неоднократно пользовался возможностью беседовать с Михаилом Николаевичем, обращаться к этому удивительному человеку по самым разным вопросам организации и содержания школьной жизни. И всегда уходил от него обогащенный новыми мыслями, полный оптимизма и стремления работать лучше, целеустремленнее.

Его рекомендации и советы, даже те, которые он давал как бы мимоходом, не забываются годами, и все, что удалось осуществить по рекомендации Михаила Николаевича, приобрело характер чего-то особенного, значительного в длинной череде моих трудовых будней.

Помню, после одной из его лекций я, тогда еще молодой руководитель школы, подошел к заметно уставшему Михаилу Николаевичу и заговорил о своих неудачах, особенно в вопросах воспитания: как ни стараемся мы убеждать учащихся поступать так, а не иначе, они нередко остаются глухи к нашим наставлениям.

Михаил Николаевич улыбнулся мне, и следы усталости исчезли с его лица.

— Это хорошо, что вас трогает такое положение, и прежде всего

то, что вы это несоответствие замечаете,— сказал он и, взяв меня под руку, повел по коридору.— *Действенность воспитательной работы*, как и учебной, нужно обязательно *проверять*, без этого нельзя руководить процессом воспитания. Проверять и тут же непременно корректировать эту работу, т. е. находить и применять более действенные, эффективные формы и средства...

Натолкнул меня на этот разговор с Михаилом Николаевичем весьма неприятный случай в нашей школе. Многие годы мы не могли нахвалиться одним учеником: и отличник он в каждой учебной четверти начиная с I класса, и самый активный участник в общественной работе — словом, мальчик, которого нужно ставить в пример другим воспитанникам. И вдруг этот ученик проявил себя с самой худшей стороны.

В ночь под Новый год в деревне чуть не сгорело здание только что отстроенного клуба, где наши старшекласники вместе с местной молодежью встречали праздник: неожиданно вспыхнула елка. Все, кто были из школьников, бросились помогать взрослым в тушении пожара. Наш отличник, потоптавшись у порога, выбежал из клуба и направился домой. Вернулся он лишь после ликвидации опасности. На возмущение ребят ответил, чуть-чуть волнуясь: «Мне нужно было отлучиться, понимаете? Вот и сбегал домой... Заодно и костюм передел: не в лучшем же кидаться в пламя...» Почти не смущаясь, стоял он перед товарищами и хорошо видел, что они-то своей лучшей одежды не пожалели...

Я не утерпел и рассказал об этом Михаилу Николаевичу. Случай произвел на него тяжелое впечатление. Помолчав некоторое время, он заметил:

— Беда в том, что мы в школах нередко делаем успеваемость главным и чуть ли не единственным показателем воспитанности ученика. Если парень прилежен, выступает на собраниях да еще прилично ведет себя у нас на глазах, значит, он достоин лучшей характеристики... Боюсь, что похвальной характеристики мог бы удостоиться даже Чичиков, а ведь он высокой моралью не отличался. Правда? — спросил он и посоветовал: — Вы обязательно проверяйте действенность воспитательной работы, ее результативность. Правда, педагогика пока еще не дала учителю методики проверки этой стороны деятельности школы, в лучшем положении оказался учебный процесс. Но все же средств для проверки не так уж мало. Возьмите, к примеру, ситуации морального выбора, они могут выявить многое. А анкеты, специальные сочинения, игры да и просто внимательное наблюдение по продуманной программе.

Вернувшись в школу, я сделал своего рода правилом — сначала для себя, потом для завуча и классных руководителей — периодически интересоваться уровнем воспитанности наших питомцев. Используя советы Михаила Николаевича, мы решили продумать специальную методику этой проверки.

Интерес моих помощников к этой проблеме заметно возрос, после того как я на основе результатов эксперимента в шестых

классах показал, что представления педагогов об истинной воспитанности и авторитете каждого ученика и мнения об этом самих учащихся часто не совпадают.

Организация эксперимента была простой: не объясняя существа своего замысла, я приглашал к себе каждого учителя, работающего в шестых классах, давал ему лист бумаги и просил записать фамилии его учащихся, расположив их в зависимости от предполагаемого уровня воспитанности и авторитета. Первыми должны быть фамилии самых воспитанных и авторитетных учащихся, затем ребят, у кого эти качества выступают менее заметно; список заканчивается, разумеется, теми, кто плохо воспитан и не пользуется авторитетом в детском коллективе.

Списки были собраны, сведения систематизированы; затем я составил общий список на каждый класс, расположив фамилии детей, строго следуя выше изложенному принципу.

После этого я обратился непосредственно к самим учащимся шестых классов. Я заходил к ребятам в конце уроков и, пользуясь их хорошим отношением ко мне, предлагал своеобразную игру.

Я просил их немного помечтать и представить себе, что во время наступающих летних каникул они поедут в необычный пионерский лагерь. В этом лагере все главные обязанности по руководству жизнью детей — начальника лагеря, старшего вожатого, вожатых отрядов — будут выполнять сами учащиеся, т. е. они, шестиклассники. И этими руководителями станут те ребята, которых они сейчас назначат сами.

Раздав листки и порекомендовав не подписывать их, я просил указать фамилии тех учеников, которых шестиклассники хотят видеть в роли будущих руководителей лагеря. При заполнении листков нельзя советоваться друг с другом; нужно записать лишь тех товарищей, которым каждый согласен подчиняться добровольно. Это очень важное условие.

Анкеты ребят по каждому классу также были сведены в общие данные, а затем сравнивались со списком, составленным педагогами. И что же получилось? Из числа тех, кого учителя считали наиболее воспитанными и авторитетными, почти никто не попал в состав предполагаемых руководителей пионерского лагеря! Не попали даже те, кто уже входил в состав школьного самоуправления.

Сообщенные мною на педагогическом совете результаты эксперимента заставили всех нас серьезно задуматься. Ведь не во всем же неправы наши воспитанники, давая такую характеристику своим товарищам! Пусть они не всегда верно судят, но знают-то они друг друга лучше нас! И после этого случая мы уже не могли не считаться со своеобразным моральным кодексом ребят...

Михаилу Николаевичу Скаткину я и мои коллеги обязаны многим. Следуя советам ученого, мы не раз пытались предпринять меры по активизации учебной работы, осуществлению принципа политехнизма, развитию детской самостоятельности. Нет, пожалуй,

такой проблемы в жизни школы, с которой бы я не обращался к Скаткину — и к нему лично, и к его книгам. И нет такого вопроса в моей работе директора, который бы я решал, не прибегая к рекомендации Михаила Николаевича, к его мысли, слову...

В прошлом учитель школы, М. Н. Скаткин никогда не порывал связи со школой, с учительством страны, жил и живет их интересами и заботами. И поэтому каждая его книга из многочисленных трудов так близка и понятна рядовым труженикам просвещения, так завидно привлекает внимание тысяч учителей и руководителей школ!

Более сорока лет Михаил Николаевич своим словом ученого оказывает благотворное влияние на процесс совершенствования школьного дела, расширения и укрепления связи школы с жизнью страны, с практикой коммунистического строительства. Неумоимо работая над развитием педагогической науки, М. Н. Скаткин стоит в первых рядах ее наиболее видных представителей. Его труды непременно называют в числе наиболее значимых по самым разным направлениям педагогики: по методологии науки, дидактике, политехническому образованию и трудовому обучению, по школоведению и вопросам развития школы в будущем.

Но, пожалуй, больше всего видного ученого привлекает проблема работы современного учителя: достижения и трудности, стремления, живой педагогический опыт. Не случайно проблеме совершенствования деятельности учителя Михаил Николаевич посвящает свои лучшие научные труды, большинство выступлений и лекций.

Лекции М. Н. Скаткина обладают особой силой воздействия. Далеко не каждый представитель науки, публичные выступления которых я слышал, мог так быстро овладеть аудиторией, так приковать к себе ее внимание, как Михаил Николаевич. Лектор со слабым хрипловатым голосом, не позволяющий себе почти никаких жестов и изменения интонации, он всегда читает при абсолютной тишине зала, переполненного слушателями. Глубокое знание вопросов, строгая логичность в изложении мыслей, «открытая лаборатория ума», как называют слушатели его приемы доказательств, делают выступления Михаила Николаевича неотразимыми и захватывающими.

Михаил Николаевич неоднократно обращал наше внимание на то, что зрелый социализм вносит существенные изменения во все сферы жизни общества, в том числе и в работу школы, в педагогическую деятельность учителя. В этом проявляется действие фундаментального закона социальной обусловленности воспитания, открытого основоположниками научного коммунизма. Уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин призывал связывать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества и разъяснял, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие.

Касаясь истории развития советской школы, лектор говорил, что

каждый ее этап — свидетельство *расширения социальной функции общего образования*. В двадцатые — тридцатые годы страна, вступившая на путь индустриализации, остро нуждалась в специалистах. В связи с этим перед школой, учительством была поставлена задача подготовки для вузов и техникумов грамотных людей, хорошо владеющих основами наук. Эту задачу школа успешно решила. По мере насыщения народного хозяйства первоклассной техникой возрастает роль человеческого фактора: на всех участках социалистического строительства нужны образованные, всесторонне развитые, инициативные, творческие люди, способные успешно двигать вперед науку, технику, культуру.

Задача *всестороннего, гармонического развития личности* ставилась перед советской школой с первых лет ее существования. Однако в первые годы наша школа не располагала необходимыми материальными условиями и подготовленными учительскими кадрами. Теперь положение кардинально изменилось: школа в содружестве с семьей и общественностью могут многое сделать для успешного осуществления этой задачи.

Михаил Николаевич напоминал нам, что науками о человеке установлена исключительно важная закономерность: развитие ребенка происходит *в деятельности и в общении* с детьми и взрослыми. Для всестороннего развития личности необходимо организовать в школе, пионерской и комсомольской организациях, в семье и внешкольных учреждениях разнообразные виды деятельности учащихся. Это — учение, производительный труд и общественно полезная работа, игра, деятельность, направленная на развитие физических сил, охрану и укрепление здоровья, занятия искусствами, деятельность в органах ученического самоуправления, в октябрятской, пионерской и комсомольской организациях, участие в политической жизни страны.

Опыт показал, что учение идет успешнее, когда оно не изолировано от всех других видов жизнедеятельности школьников, а стимулируется и обогащается ими, когда приобретенные знания по учебным предметам находят широкое творческое применение в труде и в других видах активных занятий.

М. Н. Скаткин рассказывает о многочисленных примерах творчества учителей. Радуюсь все более широкому проявлению инициативы на местах, Михаил Николаевич всегда подчеркивает следующую мысль: не надо бояться разнообразия форм, не нужно стремиться к их унификации, надо помнить слова В. И. Ленина: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу...»¹

После подробного освещения вопроса о расширении социальной функции общеобразовательной школы лектор переходит к деятельности учителя, к тем изменениям в ней, которые происходят и бу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 203.

дут происходить под влиянием требований общества развитого социализма.

Для *современного урока*, отмечал Михаил Николаевич в ряде своих выступлений, характерна широкая трактовка его задач. Они не сводятся только к сообщению ученикам определенной суммы сведений. Каждый урок должен быть направлен на формирование личности школьника — его мировоззрения, нравственности, общего развития, особенно на развитие творческих способностей.

Современная дидактика по-новому трактует и *содержание обучения*: оно не сводится только к знаниям, но включает также умения и навыки, опыт творческой деятельности, опыт эмоционально-ценностного отношения к миру, к деятельности. Содержание обучения должно быть теснее связано с жизнью, трудом советского народа и самих учащихся, знакомить их с политикой Коммунистической партии и Советского государства.

Важным требованием к учителю является умение выделить в каждом уроке главное, группировать фактические сведения вокруг *ключевых теоретических идей курса*. Специальными исследованиями убедительно доказано, что хорошо структурированные знания сознательнее усваиваются и прочнее запечатлеваются в памяти, их не приходится заучивать путем многократных повторений. Это одно из эффективных средств *устранения перегрузки учащихся*.

Серьезные изменения происходят в *методах обучения*. Переход школ на кабинетную систему позволяет повысить эффективность объяснительно-иллюстративного метода, шире использовать технические средства, учебно-наглядные пособия, повысить удельный вес самостоятельной работы учащихся. Важным средством развития творческих способностей школьников является проблемность в обучении.

Разнообразнее становятся *формы организации учебной деятельности школьников на уроках*: кроме фронтальной, используется также индивидуальная и звеньевая (групповая) работа в парах переменного состава. Это позволяет усилить элементы коллективизма в учебной деятельности, организовать взаимную помощь и взаимный контроль учащихся.

По мере ликвидации в школах двухсменных занятий и перехода на режим полного дня создаются благоприятные условия для широкого развития *внеурочной работы по интересам*.

Все сказанное, говорит Михаил Николаевич, позволяет сделать вывод: деятельность современного учителя не может ограничиваться сообщением знаний, изложением на уроках сведений, предусмотренных учебной программой. Все большее место в его педагогической работе должны занимать организация и педагогическая инструментровка разнообразных видов жизнедеятельности школьников, совместная работа с комсомольской и пионерской организациями, с органами ученического самоуправления, с семьей и общественностью. Учитель должен всемерно способствовать тому, чтобы полнее использовались возможности советской школы для интел-

лектуального, эмоционального, нравственного и эстетического развития учащихся, для воспитания в **каждом** ее питомце трудолюбия, коллективизма, готовности к активной деятельности во имя идеалов социализма и коммунизма.

А для этого учителю необходимы большие знания, нужно многое уметь...

Рисуя перед нами *образ передового учителя* современной школы — авторитетного воспитателя детей и молодежи, Михаил Николаевич ставит на первое место *идейно-политическую и нравственную зрелость* человека, решившего связать свою жизнь с работой в школе.

О коммунистической нравственности как неперменной черте личности советского педагога он говорит буквально в каждой лекции, посвященной исключительно ответственной деятельности учителя. По глубокому убеждению Михаила Николаевича, высокая нравственная культура — это определяющее качество воспитателя молодого поколения, она должна проявляться в каждом его поступке, в каждой учебной и внеучебной ситуации. Он подчеркивает, что нравственность не всегда требует мотивации, и тут же поясняет, что это касается не только сострадания, отзывчивости к несчастью или сочувствия к обиженному, — круг немотивированных чувств и поступков учителя несравнимо шире.

Много внимания уделяет Михаил Николаевич *увлеченности учителя педагогической работой*. Эта увлеченность непременно включает глубоко личный интерес педагога к преподаваемым дисциплинам, к психолого-педагогическим проблемам, любовь к детям, желание проводить разнообразные занятия по развитию их духовных и физических сил. Только увлеченный человек, не раз указывал Михаил Николаевич, может постоянно совершенствоваться, творчески расти, а значит, и достигать положительных результатов в сложном и невероятно трудном деле обучения и воспитания школьников.

Говоря о личности всесторонне подготовленного учителя, Михаил Николаевич руководствуется не абстрактной схемой желаемого: ему знакомы сотни, а может быть, и тысячи работников конкретных школ в различных районах страны. Приводимые примеры плодотворной работы мастеров педагогического творчества почерпнуты им из личных наблюдений, а не только из литературных источников. Как ученый, он регулярно сотрудничает со многими учителями, совместно с ними решая те или иные научно-практические задачи. Да и сам Михаил Николаевич — идеальный учитель, эталон педагога-воспитателя современной школы.

Слушая профессора Скаткина, я думаю и о тех, кто пока еще готовится к учительской работе, овладевая программами педагогического вуза. Я думаю о *формировании личности учителя* в системе аудиторных и внеаудиторных занятий в *высшем педагогическом учебном заведении*.

Педагогический вуз и общеобразовательная школа служат

одному и тому же делу: они обеспечивают выполнение в стране задач всеобщего обязательного среднего образования детей и молодежи. Разница лишь в разделении труда: школа непосредственно осуществляет процесс обучения и воспитания подрастающего поколения, педагогический вуз готовит для нее кадры, вооружает их необходимыми знаниями, умениями и навыками, чтобы этот процесс состоялся и отвечал постоянно растущим требованиям времени. И естественно, связь между этими учреждениями самая тесная: как будут подготовлены вузом специалисты к обучению и воспитанию детей, так в основном и школа сможет выполнить свою социальную функцию.

Достижения советских педагогических вузов общеизвестны. Из их аудиторий вышли многие сотни тысяч высококвалифицированных учителей, успешно решающих задачи коммунистического воспитания. Однако жизнь с каждым днем предъявляет ко всем вузам, в том числе и педагогическим, новые и новые требования. Они обусловлены объективным ходом исторического развития социалистического общества и находят свое четкое отражение в материалах съездов Коммунистической партии, в специальных партийно-правительственных документах о высшей и средней школе, в частности в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы», одобренных Пленумом ЦК КПСС 10 апреля и Верховным Советом СССР 12 апреля 1984 г.

Выполнение этих решений означает прежде всего создание в вузе самых благоприятных условий для овладения каждым студентом *основами педагогической культуры*, для наиболее быстрого проявления у будущих учителей способности к овладению высоким мастерством обучения и воспитания.

Вопрос, на котором я хочу остановиться особо, можно обозначить таким образом: *уклад вузовской жизни* и приобретение завтрашним учителем широкого, основательного *опыта педагогического поведения*.

Для целенаправленного формирования способностей к учительскому труду важно не только содержание лекций и занятий в педагогическом вузе — важно буквально все, что окружает студента, с чем он встречается на каждом шагу. В это «все» непременно входит культура организации и проведения лекций, семинарских и практических занятий, внеаудиторных мероприятий кафедры и факультета, личные качества профессоров и преподавателей и прежде всего их отношение к собственным занятиям, готовность понять студента, своевременно прийти ему на помощь. Не менее важно и то, в какой мере высшее педагогическое учебное заведение является примером для массовой школы в организации жизнедеятельности своих воспитанников.

Все это и составляет уклад вузовской жизни, ее нравственную атмосферу, постоянно влияющих на процесс становления личности будущего учителя.

Если говорить об учебных занятиях, то, наряду с их идейно-

теоретическим содержанием, очень важное значение имеет сила постоянного примера самого преподавателя вуза. Тот, кто взял на себя смелость подняться на кафедру учебного заведения, готовящего учителей и воспитателей, должен всегда быть на уровне требований, которые предъявляются к педагогу высшей школы: это и серьезная педагогическая вооруженность, и хорошее владение учебным материалом, и умение работать с аудиторией.

Мне довелось работать в хорошем вузе — Смоленском педагогическом институте. Его коллектив около двадцати лет занимает призовые места во Всероссийском, а порой и во Всесоюзном социалистическом соревновании среди педагогических высших учебных заведений. В вузе много больших мастеров педагогического труда. Об одном из них — Ирине Николаевне Антюфеевой я уже рассказывал в своей книге.

Неоспоримым авторитетом в институте пользуется профессор Дмитрий Иванович Будаев. Его занятия по истории считаются образцом единства глубокой научности и методического мастерства. Лекции профессора-психолога Александра Яковлевича Дудецкого студенты готовы слушать по несколько часов подряд. Эмоциональные и логически стройные выступления Якова Романовича Кошелева, читающего курс литературы и фольклора, вызывают такой интерес у студентов, что они обычно не отпускают профессора на перерыв, ставя перед ним десятки вопросов. Лекции и семинары по научному коммунизму профессора Виктора Кузьмича Машенцева нередко посещают студенты других факультетов. Каждый, кто учился у профессора Ивана Михайловича Уваренкова, вынес глубокое убеждение, что нет более увлекательной научной дисциплины, чем математика.

По-настоящему талантливо, с большим знанием дела проводят каждое свое занятие с будущими учителями доценты Виктор Алексеевич Петров, Владимир Ефимович Захаров, Виктор Васильевич Ильин, Анатолий Петрович Лиферов, Александр Александрович Палшков, Валентина Анатольевна Шебникова, Анатолий Семенович Кремень, Николай Данилович Круглов.

Их занятия студенты всегда ожидают с большим радостным волнением, да и сами уважаемые педагоги идут на каждую встречу с будущими учителями как на праздник. На этих занятиях вы непременно встретитесь и с новейшими достижениями науки, и с современными находками в методике проведения лекций, семинаров, практикумов. Вы увидите убедительные примеры умелой организации познавательной деятельности студентов, воспитания у них интереса к предмету, к учительской профессии, а также примеры высокой культуры общения, подлинно человеческого внимания к каждому, кто находится в аудитории. И те, кому в студенческие годы посчастливилось учиться у этих мастеров, на всю жизнь получили урок подлинно педагогического отношения к делу.

Трудности решения проблем высшей педагогической школы объясняются в основном двумя причинами. Первая из них состоит в том,

что у нас пока отсутствует необходимая дифференциация в подготовке и подборе преподавателей с учетом их работы не просто в вузе, а в вузе *педагогическом*, где *каждое* занятие *по любой учебной дисциплине* должно отвечать цели подготовки учителя, воспитателя подрастающих поколений. При подборе преподавателей для педагогического института мало учитывается психолого-педагогическая вооруженность специалиста; исключения составляют лишь преподаватели кафедр педагогики и психологии.

Получается весьма парадоксальное явление: учитель, идущий в массовую школу, чтобы учить и воспитывать детей, обязательно должен хорошо знать педагогику школы, школьную психологию, а для вузовского специалиста, призванного готовить кадры учителей, формировать из студентов умелых организаторов учебно-воспитательного процесса, вовсе необязательным оказывается знание педагогики обучения в вузе, т. е., как теперь принято говорить, педагогики высшей школы.

Какой возможен здесь выход? Одним из путей решения этого вопроса, видимо, могло бы стать включение в программу кандидатского минимума обязательного экзамена по педагогике и психологии высшей школы, по какой бы научной дисциплине ни специализировался будущий преподаватель вуза.

Вторая причина, объясняющая серьезные недостатки в организации учебного процесса в педагогическом вузе, заключается в живучести старого мнения о допустимости пассивной роли преподавателя: от ведущего занятия в вузе не требуют, чтобы он, например, читая лекцию, принимал педагогические меры активизации внимания студентов, руководил их познавательной деятельностью.

В педагогическом вузе учебная лекция должна иметь по крайней мере два основных назначения: передавать научную информацию и показывать будущим учителям, *как* при изложении материала нужно руководить познавательной работой слушателей, т. е. воспитывать у студентов интерес и к научной дисциплине, и к учительской профессии.

Коснусь и такого важного вопроса учебного процесса в педагогическом вузе, как *отношение профессоров и преподавателей к успеваемости студентов*. Это имеет непосредственное отношение к формированию у будущих работников школы опыта педагогического поведения.

Представляется вполне правомерным, чтобы на занятиях у преподавателей высшей педагогической школы студент видел не только образцы подлинного мастерства в организации учебного процесса, но и постоянный пример заботливого отношения педагога к каждому учащемуся, к его успехам и неудачам в усвоении программного материала.

В педагогических вузах пока довольно большой отсев учащейся молодежи, нередко до 5—6 процентов от общего числа студентов, причем не только на первом курсе, но и на последующих. И среди причин отсева немаловажную роль играет «академическая

задолженность», т. е. неуспеваемость, неумение студента справиться с экзаменационной сессией или контрольными работами.

Возникает вполне закономерный вопрос: имеет ли вуз, готовящий учительские кадры, моральное право на отсев студентов по неуспеваемости? Думается, что такого права у педагогического института нет.

В самом деле, если педагогический вуз не справляется с задачей организации учебно-воспитательного процесса, при котором отсутствует отсев по неуспеваемости, то как он сможет морально подготовить будущих учителей к выполнению требований всеобщего обязательного среднего образования, к поиску необходимых мер и средств для избежания такого отсева в школах?

Особая роль в воспитании у студента разнообразных качеств, необходимых учителю, принадлежит *педагогической практике*. В процессе практики уточняются и закрепляются теоретические знания, приобретаются профессиональные умения и навыки; не меньшее значение имеет и то, что студенту предоставляется возможность на деле проверить пригодность своих личных данных к выполнению учительских обязанностей.

И все же опыт показывает, что возможности педагогической практики будущих учителей в период их пребывания в вузе далеко не исчерпаны. Здесь необходима *постоянная* и более тесная связь студента со школой, с ее классами, с пионерской и комсомольской организациями, ученическим коллективом, с учебной и внеучебной работой.

Практика студентов, их непосредственное участие в организации разнообразной работы с учащимися должна представлять собою один из важнейших элементов постоянного сотрудничества вуза с общеобразовательными учебными заведениями, в том числе и с профессионально-техническими училищами. Такая связь не может надолго прерываться и осуществляться лишь в течение строго определенного количества недель, установленных учебным планом. Жизнь будущего учителя вне постоянной связи с конкретным учебным классом, группой представляется такой же неэффективной для профессионального роста, как теоретическая подготовка без регулярной работы с книгой.

Ряд факультетов Смоленского педагогического института установил обязательный день посещения студентом школы, его работы с учащимися и учителями. Такой день строго обозначен в недельном расписании занятий, причем для каждого курса и каждого отделения. Его знают в подшефных школах и классах; совместными усилиями вуза и школы к нему готовятся наиболее интересные мероприятия.

Цели осуществления *непрерывной педагогической практики* подчинена и работа студентов в педагогических отрядах: в помощь домоуправлениям, комиссиям по делам несовершеннолетних при местных Советах народных депутатов.

Постоянная педагогическая практика студентов не ограничи-

вается вопросами учебной и воспитательной работы со школьниками. Она включает и участие студентов совместно с преподавателями вуза и учителями школы в научно-исследовательской работе, и прежде всего в изучении эффективности различных методических средств и приемов в реальной обстановке класса, ученического коллектива.

Жизнь показала, что *сотрудничество вуза со школами* не является лишь средством оказания помощи учительским коллективам. Это сотрудничество не менее важно для самого педагогического института, для совершенствования его учебной, воспитательной, методической, сугубо научной работы. Показателями успешности такого сотрудничества являются и своевременность изучения и обобщения кафедрами лучшего школьного опыта, и актуальность тематики научно-методической деятельности вуза, и постоянное улучшение качества учебно-воспитательной работы в педагогическом вузе и в школах города, области.

Для формирования у будущего учителя опыта педагогического поведения исключительно важна *обстановка общей заботы об экономном расходовании учебного времени в вузе*. Студент, поставленный в условия, при которых он допускает возможность беспричинного опоздания на занятия или даже пропуска их, не скоро станет хорошим организатором учебной дисциплины в школе. К сожалению, нередко еще можно услышать и такое: вуз — не детская школа, здесь не столь обязательны полные аудитории.

В условиях педагогического вуза всякое нарушение учебной дисциплины мешает формированию личности будущего специалиста. С бережным отношением к учебному времени в вузе связано многое, и прежде всего создание реальных условий для своевременного выявления у студентов учительских способностей. От этого, например, зависит систематичность работы по самообразованию, эффективность педагогической практики, воспитание привычки проводить научный поиск, более полное проявление себя в различной общественной деятельности, наконец, формирование у будущего учителя-воспитателя личного отношения к использованию учебного времени в школе.

В педагогическом институте, как ни в одном другом высшем учебном заведении, особую роль играет *нравственная атмосфера отношений*: преподавателей и студентов, руководителей вуза с каждым сотрудником и студентом. Это должны быть отношения, проникнутые чувством подлинного, социалистического гуманизма, наиболее полно отвечающие требованиям социалистического образа жизни.

Разумеется, что такие же отношения должны пронизывать и сотрудничество педагогического института с коллективами общеобразовательных школ, других учебных заведений. Постоянное внимание вуза к запросам школы, постоянная готовность оказывать ей помощь в решении научно-методических задач обучения и воспитания, уважительное отношение к деятельности школьных учи-

телей — все это оказывает положительное влияние на процесс формирования у студентов опыта педагогического поведения.

Высокий моральный облик — это самое главное и определяющее качество любого руководителя и сотрудника педагогического института, призванных по характеру своей деятельности быть воспитателями учителей.

Наконец, несколько слов *о педагогической профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных школ*. Без этой работы трудно решить вопрос о привлечении на учебу в педвузы действительно талантливых девушек и юношей. Многолетняя практика проведения вступительных экзаменов пока достигает лишь одной цели — выяснить, как усвоен абитуриентом программный материал за среднюю школу. Определить у поступающих склонность к учительской работе эти экзамены в достаточной степени не могут. Поэтому так нужна ориентация учащихся на учительскую профессию и их отбор *непосредственно в школе*, и не только в старших, но и в средних классах. Нужна серьезная, умелая работа учительских коллективов с возможно большим числом подростков, юношей и девушек, и этой работой должен руководить педагогический вуз.

Но такое руководство мало поможет делу, если учитель, школа не убедятся, что их профориентационная работа с учащимися действительно необходима, что ее результаты непременно учитываются при приеме в вуз, если с мнением школы по-настоящему считаются.

Всемерное стимулирование школьной профориентационной работы — вот главное, что требуется теперь для успешного отбора в педагогический вуз наиболее способных абитуриентов, а значит, и для обеспечения потребности школ в высококвалифицированных кадрах.

Какие здесь могут быть меры стимулирования? Прежде всего, нужно всерьез принимать школьные рекомендации поступающим в педагогический институт, так же всерьез, как и аттестаты о среднем образовании. Может быть, настала пора постепенного перехода к приему в пединститут по рекомендациям школ, без утомительной суеты приемных комиссий. Известно, что уже имеются весьма положительные данные международного опыта, например комплектования педвузов в Германской Демократической Республике. Думается, что такой порядок возможен и в нашей стране.

Таковы некоторые мысли о подготовке учителя современной школы, о формировании у будущего воспитателя подрастающих поколений опыта педагогического поведения, мысли, вызванные к жизни общением с талантливым педагогом Михаилом Николаевичем Скаткиным. Они обусловлены всем ходом развития нашей социалистической действительности, нашей культуры,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во вступлении к книге я кратко определил ее основную цель: используя главным образом свои жизненные наблюдения и наблюдения многих моих товарищей по работе, более ярко охарактеризовать личность передового учителя советской, социалистической школы. Я видел важнейший смысл поставленной перед собой цели в том, чтобы *содержание книги способствовало приобщению к учительской деятельности новых и новых отрядов талантливой нашей молодежи, а также помогало начинающим специалистам лучше овладевать сложным и ответственным делом обучения и воспитания детей и юношества.*

В этой книге читатель встретился со многими интересными людьми, вся жизнь которых, все силы ума и души посвящены коммунистическому воспитанию подрастающих поколений. В их повседневной деятельности, во взаимоотношениях с воспитанниками и взрослым населением, в их обычном поведении видны лучшие черты советского учителя и воспитателя — и прежде всего глубокая коммунистическая убежденность, требовательность к себе, неустанный поиск нового, стремление идти в ногу со временем и даже опережать его, широкая эрудиция, любовь к детям и действенная забота о каждом своем питомце, высокая нравственность и активная социальная позиция в жизни.

В книге рассказано лишь о нескольких школах, причем в большинстве о рядовых, мало кому известных. Но сколько, оказывается, эти школы представили имен учителей, исключительно трудолюбивых, талантливых, подлинных мастеров педагогического труда! В их повседневной деятельности, как, вероятно, уже заметил читатель, нашли отражение почти все передовые идеи и тенденции в педагогике прошлых десятилетий и нынешнего времени. В трудовых буднях, связанных с воспитанием и обучением детей и юношества, эти скромные труженики просвещения проверяют на практике жизненность многих положений педагогической теории, нередко встречаются с неожиданными проблемами, требующими научного осмысления, а порой и сами пытаются найти решение той или иной педагогической проблемы.

Все это убеждает в *необходимости всемерного изучения, обобщения и распространения передового опыта* как отдельных учителей, так и педагогических коллективов школ на всей территории нашей необъятной Родины, усиления работы учреждений педагогической науки и учебных заведений, готовящих учительские кадры.

Широко известна постоянная забота В. И. Ленина о внимательнейшем отношении к росткам нового, ко всему передовому, что дают практика, массовый опыт трудящихся, в том числе и в такой области деятельности, как просвещение, народное образование. В 1921 г., ставя в вину Наркомпросу, что в руководстве школами преобладают общие рассуждения и абстрактные лозунги, В. И. Ленин требовал: «Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело „учета и проверки *практического опыта*“, в дело „систематического *использования указаний* этого опыта“»¹.

Следуя ленинским заветам, Коммунистическая партия Советского Союза учит глубоко и всесторонне использовать передовой опыт, принимать действенные меры по его развитию, популяризации и внедрению.

Особое значение приобретает изучение опыта лучших учителей и школьных коллективов в настоящий период, когда реформа общеобразовательной и профессиональной школы поставила задачу значительного обогащения содержания и методов учебно-воспитательного процесса, дальнейшего совершенствования идейно-политического, трудового, нравственного, физического, эстетического воспитания молодежи, ее профессиональной подготовленности и ориентации в мире профессий, когда советской школе, всему социалистическому обществу предстоит внести новый крупный вклад в осуществление высочайшей программной цели партии и народа — в воспитание гармонично развитого человека.

Передовой опыт решения сложных задач обучения и воспитания подрастающих поколений — это ценнейший источник как развития самой педагогической науки, так и *совершенствования всесторонней подготовки кадров для общеобразовательной и профессиональной школы*. Без учета передового опыта нельзя по-настоящему поставить ни воспитание специалистов, включая учителей, мастеров производственного обучения, руководителей учебных заведений, ни работу по повышению квалификации специалистов.

Все это, разумеется, общеизвестно. Однако работа по изучению передового педагогического опыта, его популяризации и внедрению в практику не занимает, к сожалению, достойного места. Студенты педагогических вузов и учащиеся педагогических училищ, учителя и руководители школ так мало еще знают о работе многих и многих мастеров просвещения, и не только тех, кто известен в своих учебных заведениях, но даже и тех, кто получил всенародное признание и удостоен высоких правительственных наград, — Героев Социалистического Труда, народных учителей СССР, заслуженных учителей школ союзных республик.

Между тем научные-исследовательские учреждения педагогики и психологии, профессора и преподаватели педагогических вузов, институты усовершенствования учителей обладают достаточными силами, чтобы сделать общеизвестными достижения отмеченных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 323.

страной больших мастеров педагогической, учебно-воспитательной работы и выявить драгоценные крупницы в массовом опыте школ каждого района, области, края.

Наблюдения показывают, что уровень решения проблемы, именуемой «Изучение и внедрение передового педагогического опыта», когда дело ограничивается только публичным выступлением педагога-мастера перед аудиторией или написанием доклада о его работе другим сотрудником, зачастую малоквалифицированным, мало способствует влиянию этого опыта как на формирование личности будущего учителя, так и на повышение качества учебно-воспитательного процесса в школе.

Нужны серьезные исследования массового опыта, нужны убедительные работы, всесторонне освещающие ведущие идеи. Крайне необходимы и учебные пособия для студентов педагогических вузов и учащихся педагогических училищ, где бы находил свое отражение лучший опыт учителей в практическом осуществлении наиболее сложных задач школьной работы. Многочисленные данные наблюдений убеждают, что преподавание курсов педагогических дисциплин без постоянной опоры на многие примеры реальной школьной жизни, на богатый опыт деятельности настоящих мастеров учебно-воспитательного процесса не позволяет будущим специалистам просвещения приобрести такие знания, которые могли бы стать *личностно значимыми*, средством организации живой педагогической деятельности.

Широкая и оперативная, планомерно организованная работа по изучению и популяризации лучшего опыта учительской деятельности — один из важнейших путей успешного осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

Это одна сторона вопроса. Ведущее место в организации и осуществлении широкого, планомерного изучения передового опыта школ, практической деятельности мастеров педагогического труда, безусловно, принадлежит *институтам педагогики и высшим заведениям, готовящим учительские кадры*.

Но вместе с тем этот важный процесс, способствующий развитию науки об обучении, воспитании и образовании, а также совершенствованию деятельности школы, будет односторонним и далеко не полным, если в нем не примут участия *сами творцы лучшего опыта* — учителя, мастерски владеющие умением положительно влиять на формирующуюся личность ребенка, школьника, если обобщение опыта не станет *важнейшей обязанностью руководителей школ*.

Никто так близко не стоит к учебно-воспитательному процессу в классе и школе, как сам учитель, директор, завуч, которые не только организуют этот процесс, но и являются его непосредственными и главными участниками.

В настоящее время общекультурный и профессиональный уровень наших учительских кадров настолько возрос, что можно надеяться на то, что при должном внимании со стороны руководителей школы

и органов народного образования, при постоянной научно-методической помощи ученых-педагогов работа по изучению и обобщению лучшего опыта увлечет многие тысячи учителей — энтузиастов школьного дела.

Хотелось бы обратиться и к *будущим учителям*: пока вы студенты, внимательно изучайте работу лучших школьных педагогов, интересуйтесь «технологией» их повседневного труда. Это — вернейший путь овладения мастерством сложной и удивительно тонкой учебно-воспитательной работы.

Для педагогики, для дела народного образования живой опыт общения с детьми и молодежью является незаменимым источником развития и совершенствования. Школьный опыт уже не раз давал миру столько важных открытий, сколько не может дать никакое абстрактное теоретизирование в тиши кабинетов.

Мы имеем ряд убедительных примеров, когда в основном из данных практического опыта, организованного и глубоко осмысленного талантливыми специалистами обучения и воспитания, выросли *новые педагогические системы*, которые на многие годы опережали науку и определяли дальнейшее развитие педагогической теории.

Лучшее доказательство тому — научный подвиг А. С. Макаренки и В. А. Сухомлинского.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Самый важный урок педагогики	7
«Граф Монте-Кристо»	17
Мария Ивановна	27
В школе Федора Львовича	37
Эффект присутствия	50
Виктор Владимирович Лызлов	60
Что можно увидеть на потолке?	71
«Человек, который смеется...»	80
Ситуации первого испытания	90
«Метогандум», или Примите к сведению...»	102
«Повлияйте, пожалуйста, на Столярова...»	114
Из нетипичных случаев	128
Почему любили Диктатора	138
Николай Романович	154
«Горжусь, что у меня такой учитель!»	163
Еще несколько штрихов к общей характеристике	178
Слушая лекции Скаткина	190
Закключение	203

Александр Ерофеевич Кондратенков

ТРУД И ТАЛАНТ УЧИТЕЛЯ

Зав. редакцией *Н. П. Семькин*

Редактор *Н. П. Ковалевская*

Художественный редактор *Е. Л. Ссори́на*

Технические редакторы *С. С. Якушкина, И. С. Поташникова*

Корректор *Н. Д. Цухай*

ИБ № 8340

Сдано в набор 06.09.84. Подписано к печати 04.01.85. Формат 60×90¹/₁₆.
Бум. кн.-журн. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.
Усл. кр. отт. 13,25. Уч.-изд. л. 14,83. Тираж 99 000 экз. Заказ № 914. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государст-
венного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат
Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

45 к.

